

**Университет
Мировых
Цивилизаций**
ИМЕНИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

ISSN 2949-4788

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 4 (49) 2025

Москва
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 4 (49) 2025

Научный журнал

Председатель редакционного совета

Слуцкий Леонид Эдуардович,

доктор экономических наук, Председатель Либерально-демократической партии России, глава фракции ЛДПР в Государственной Думе, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Председатель Правления Международного общественного фонда «Российский фонд мира»

Заместитель председателя редакционного совета

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор, ректор Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Редакционный совет

Агеев Александр Иванович,

доктор экономических наук, профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления

Алиев Тигран Тигранович,

доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Артеменков Михаил Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, ректор Смоленского государственного университета, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Бахмет Ольга Николаевна,

член-корреспондент РАН, генеральный директор Карельского научного центра РАН

Бобков Владимир Андреевич,

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, член-корреспондент НАН Беларуси, председатель Белорусской ассоциации политических наук, профессор БНТУ

Быков Алексей Александрович,

доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного экономического университета

Ван Ци,

доктор социологических наук, профессор, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор, Государственный университет управления, г. Москва

Глушко Алексей Николаевич,

доктор психологических наук, профессор, Заслуженный врач РФ, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Ильина Ирина Евгеньевна,

доктор экономических наук, доцент, директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Костина Анна Владимировна,

доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет

Кузнецов Вадим Федорович,

доктор политических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Курдюмов Александр Борисович,

кандидат экономических наук, доцент, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Манучарян Мери Гагиковна,

кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики НАН РА

Тулохонов Арнольд Кириллович,

доктор географических наук, академик РАН, гл.н.с., Байкальский институт природопользования СО РАН

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Шатохин Михаил Викторович,

доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 4 (49) 2025

Научный журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор

Слоботчиков Олег Николаевич,

кандидат политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Заместитель главного редактора

Чичулин Николай Александрович,

доктор политических наук, профессор,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, г. Москва

Брега Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Векленко Василий Иванович

доктор экономических наук, доцент,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Вертинская Татьяна Сергеевна, доктор экономиче-
ских наук, доцент, руководитель Центра мировой
экономики Института экономики
Национальной академии наук Беларуси

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Герасимов Владимир Иванович,

кандидат филологических наук,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Датченко Ирина Валентиновна,

доктор экономических наук, доцент,
Российский новый университет

Жахов Николай Владимирович,

доктор экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск

Жияков Дмитрий Иванович,

доктор экономических наук, доцент, профессор,
Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова, г. Курск

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций
имени В.В. Жириновского, г. Москва

Лексин Владимир Николаевич,

доктор экономических наук, профессор,
гл.н.с. Института системного анализа
ФИЦ «Управление и информатика» РАН

Михайленко Александр Николаевич,

доктор политических наук, профессор, РАНХиГС

Нижегородцев Роберт Михайлович,

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией Института проблем управления
РАН

Расторгуев Сергей Викторович,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Семедов Семед Абакаевич,

доктор философских наук, профессор, зав. кафе-
дрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС

Сидоренко Ольга Викторовна,

доктор экономических наук, доцент,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н.В. Парахина, г. Орел

Слатинов Владимир Борисович,

доктор политических наук, доцент,
Курский государственный университет, г. Курск

Толстых Татьяна Олеговна,

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский технологиче-
ский университет «Московский институт стали
и сплавов»

Ярыгина Ирина Зотовна,

доктор экономических наук, профессор,
директор по научной работе Национального коми-
тета по исследованию БРИКС, зав. сектором Экс-
пертного совета БРИКС при ВШЭ, зав. кафедрой
МГИМО МИД России

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 16 № 4 (49) 2025

Научный журнал

Периодичность выхода — 4 номера в год.
Издается с 2010 года.

Frequency of publication: 4 issues per year.
Has been published since 2010.

Научный периодический журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» публикует статьи по следующим научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России. Учредитель и издатель журнала — Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского». Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-85803 от 04 сентября 2023 г.

Подписку на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» можно оформить:

- в любом почтовом отделении Российской Федерации, в электронном каталоге «Почта России» или на сайте: <https://podpiska.pochta.ru/>. Подписной индекс — ПМ973;
- на сайте «Объединенного каталога «Пресса России»: www.pressa-rf.ru. Подписной индекс — 10591.

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)
www.elibrary.ru

The scientific periodical journal «Herald of the University of World Civilizations» publishes articles in the following fields of science:

5.2.3. Regional and sectoral economics

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations

It is on the list of peer-reviewed scientific journals that, according to the Higher Attestation Commission (HAC) of the Russian Ministry of Education and Science, must publish the primary scientific findings of dissertations for academic degrees of Doctor of Science and Candidate of Science.

The Autonomous Non-Commercial Organisation of Higher Education «Zhirinovskiy University of World Civilisations» is the journal's founder and publisher.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications.

Mass media registration certificate, PI number FS77-85803, issued September 4, 2023.

The journal «Herald of the University of World Civilizations» is available for subscription at any post office in the Russian Federation, online under the «Russian Post» electronic catalogue, or on the website: <https://podpiska.pochta.ru/>.

The subscription index is PM973; available at www.pressa-rf.ru, the website of the United Catalogue of the Press of Russia. The subscription index is 10591.

The journal is included in the RINTS
(Russian Science Citation Index) database.
www.elibrary.ru

Научные статьи, публикуемые в журнале, подлежат обязательному рецензированию.

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, собственных имен, цитат, статистических данных и иных сведений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке материалов и использовании их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, ссылка на журнал «Вестник Университета мировых цивилизаций» обязательна.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, политических процессов и технологий, экономики и управления народным хозяйством, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой, экономическими науками.

Адрес редакции:

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.

Контактный телефон: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© АНО ВО «УМЦ», 2025

Peer review is required for scientific articles published in the journal.

The accuracy of the facts, proper names, quotes, statistical data and other information provided are entirely the responsibility of the authors of published materials.

The opinion of the editors may not coincide with the opinion of the authors of the articles.

A link to the journal «Herald of the University of World Civilisations» must be included if materials are reprinted and used in any way, including electronic media.

In addition to a broad readership interested in Russian and foreign economic sciences and foreign policy, the journal is meant for professional researchers, analysts, and practitioners in the fields of international relations, political processes and technologies, economics, and national economy management.

Address of the editorial office

119049, Moscow, Leninsky Avenue, 1/2, bldg. 1.

Contact phone: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru/>

© University of World Civilizations, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бааль Н.Б., Машковцев А.А.**
Некоторые аспекты состояния национальной безопасности России в общественно-политической сфере.... 7
- Болгов Н.В.**
Декабристский феномен: к двухсотлетию юбилею восстания.....16
- Булавина М.А.**
Гуманитарно-технологический суверенитет как фундаментальная концепция цивилизационного развития 21
- Овсянникова О.А.**
Специальная военная операция на Украине как инструмент защиты национальных интересов Российской Федерации на ближних подступах 30
- Семедов С.А., Владиславская В.А.**
Современные инструменты российской молодежной дипломатии.....38
- Сомова И.Ю.**
Геополитическая конкуренция и эволюция западной политики сдерживания СССР в годы Второй мировой войны и послевоенный период 47
- Аразов Т.С.**
Международное сотрудничество в сфере спорта и физической культуры 55
- Колесников Т.С.**
Цифровая адаптация сетей исламистского экстремизма в постпандемический период 64
- Легошин А.И.**
Теоретические подходы к изучению сущности и содержанию политического сознания молодежи 71
- Тянь Синь, Мусатова Т.Л.**
Россия-Китай: обеспечение евразийской безопасности как ключевое направление стратегического партнерства.....80

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

- Baal N.B., Mashkovtsev A.A.**
Some aspects of the state of national security of Russia in the socio-political sphere 7
- Bolgov N.V.**
The decembrist phenomenon: on the bicentennial of the uprising 16
- Bulavina M.A.**
Humanitarian and technological sovereignty as a fundamental concept of civilizational development.....21
- Ovsyannikova O.A.**
Special military operation in Ukraine as a tool for protecting the national interests of the Russian Federation in the near future 30
- Semedov S.A., Vladislavskaya V.A.**
Modern tools of Russian youth diplomacy.....39
- Somova I.Yu.**
Geopolitical competition and the evolution of the western policy of containment of the USSR during the Second World war and the post-war period 47
- Arazov T.S.**
International cooperation in the field of sports and physical education.....55
- Kolesnikov T.S.**
Digital adaptation of islamist extremism networks in the post-pandemic period.....64
- Legoshin A.I.**
Theoretical approaches to the study of the essence and content of youth political consciousness 71
- Tian Xin, Musatova T.L.**
Russia-China: Ensuring eurasian security as a key area of strategic partnership.....80

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Байгулов Р.М. Цифровая геополитика данных: как инструменты искусственного интеллекта переопределяют границы экономического влияния и государственного суверенитета 94	
Новосельский С.О., Тимакина Ю.А., Сентищева Е.А., Квач Н.М. Роль местных бюджетов в решении социально-экономических задач развития территорий 101	
Тадауш Я.А. Роль кластерных инициатив и кооперационных связей в поддержке малого предпринимательства региона..... 110	
Чистова Е.В. Китайский язык как ключевой актив в российско-китайской экономической кооперации 120	
Шлеенко А.В., Золкин А.Л., Новосельский С.О., Салосин А.М. Развитие платформенной экономики и цифровая трансформация макрорегионов..... 131	
К сведению авторов 139	

ECONOMIC SCIENCES

Baygulov R.M. Digital data geopolitics: how artificial intelligence tools redefine the boundaries of economic influence and state sovereignty 94	
Novoselsky S.O., Timakina Yu.A., Sentishcheva E.A., Kvach N.M. The role of local budgets in addressing socio-economic territorial development problems..... 101	
Tadaush Y.A. The role of cluster initiatives and cooperative ties in supporting small business in the region..... 110	
Chistova E.V. Chinese as a Key Asset in Russian-Chinese Economic Cooperation..... 120	
Shleenko A.V., Zolkin A.L., Novoselsky S.O., Salosin A.M. Development of the platform economy and digital transformation of macrore- gions..... 131	
Notice to the authors 139	

Н.Б. Бааль

кандидат политических наук,
Академия управления МВД России, Москва

А.А. Машковцев

инспектор,
Центральный вычислительный центр МВД России
ФКУ «ГИАЦ МВД России», Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

N.B. Baal

PhD in Political Science,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
nata-baal@mail.ru

A.A. Mashkovtsev

Inspector,
Central Computing Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Federal Government Institution
«Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Moscow
E-mail: aamaskovtcev@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE STATE OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA IN THE SOCIO-POLITICAL SPHERE

Аннотация. Сегодня состояние защищенности любого общества является ключевым условием устойчивого развития государства, особенно в нынешней призме международных отношений — быстро меняющегося геополитического ландшафта, характеризующегося высокой степенью неопределенности, вызванной кардинальными сдвигами в международно-политических отношениях, усилением «открытого» межгосударственного противоборства.

В статье рассматривается оценка состояния национальной безопасности Российской Федерации в общественно-политической сфере в начале 2025 года. На основании анализа отечественной литературы, а также обобщенных выводов, следующих из опыта международных отношений 2024 года, обоснованы политические тенденции и факторы, которые в недалекой перспективе готовы будут оказывать влияние на состояние национальной безопасности в общественно-политической сфере России: фактор неопределенности; технологические факторы и глобальная конкуренция; США и их политическое лидерство; восстановление диалога Россия — США. Рассмотрены современные вызовы и угрозы национальной безопасности в общественно-политической сфере, в частности социально-политическая обстановка российского общества, разработка и интеграция военных технологий, влияние мировых миграционных процессов, терроризм и экстремизм. На основании проведенного анализа предложены перспективные направления в рамках совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, общественно-политическая сфера, Российская Федерация, США, международные отношения, политическая стабильность, политические тренды, вызовы и угрозы национальной безопасности, экстремизм, терроризм, военная безопасность.

Abstract. Today, the state of security of any society is a key condition for the sustainable development of the state, especially in the current prism of international relations — a rapidly changing geopolitical landscape, characterized by a high degree of uncertainty caused by fundamental shifts in international political relations and the intensification of «open» interstate confrontation.

The article examines the assessment of the state of national security of the Russian Federation in the socio-political sphere at the beginning of 2025. Based on the analysis of domestic literature,

as well as generalized conclusions following from the experience of international relations in 2024, political trends and factors that in the near future will be ready to influence the state of national security in the socio-political sphere of Russia are substantiated: uncertainty factor; technological factors and global competition; the USA and its political leadership; restoration of the Russia-US dialogue. The article examines contemporary challenges and threats to national security in the socio-political sphere, in particular: the socio-political situation in Russian society; development and integration of military technologies, the influence of global migration processes, terrorism and extremism. Based on the analysis, promising areas are proposed within the framework of improving the national security system of the Russian Federation.

Key words: national security, socio-political sphere, Russian Federation, USA, international relations, political stability, political trends, challenges and threats to national security, extremism, terrorism, military security.

Свойством любого государства, в котором прообразом основного элемента социального устройства общества выступала идея власти как средство введения общественной жизни в установленные высшими силами правила [8, с. 37], является видоизменение, т.е. превращение его в нечто предметное и более сложное, чем во времена архаичности.

В настоящее время взаимосвязь безопасности с политическим устройством государства и появление функции государства по ее обеспечению значительным образом видоизменилась от простого понимания защиты индивида к национальной безопасности, используемой с момента появления систем национальных государств, обладающих суверенитетом [7, с. 436].

Сегодня национальная безопасность является ключевым условием устойчивого развития любого государства. В быстро меняющемся геополитическом ландшафте, характеризующемся высокой степенью неопределенности, вызванной кардинальными изменениями в международно-политических отношениях, произошедшими в начале февраля 2022 г. соразмерно с нарастанием гибридных угроз, в стремительном формировании многополярного мира, а также в рамках проводимой государствами коллективного Запада политики по дестабилизации системы международно-правовой безопасности оценка состояния национальной безопасности Российской Федерации становится особенно актуальной.

Общественно-политическая сфера, будучи ареной исключительного взаимодействия различных социальных групп, политических институтов и существующих

информационных потоков, является ключевым элементом системы национальной безопасности. В начале 2025 года российская общественно-политическая сфера находится под влиянием целого ряда факторов, требующих комплексного анализа и адекватной оценки.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ состояния национальной безопасности в общественно-политической сфере России. Собственно, с учетом указанных целей были определены конкретные задачи:

- 1) определить основные факторы, влияющие на состояние национальной безопасности в общественно-политической сфере в начале 2025 года;
- 2) охарактеризовать основные угрозы национальной безопасности в общественно-политической сфере в начале 2025 года.

Достижение указанной в настоящем исследовании цели и решение взаимосвязанных ею задач возможны за счет использования следующих научных методов исследования: системный анализ, позволивший выделить ключевые факторы и угрозы, влияющие на национальную безопасность, с оценкой при этом их взаимосвязи; геополитический анализ, позволивший оценить геополитические риски и угрозы для национальной безопасности; ивент-анализ, позволивший определить факторы, способствующие возникновению и эскалации угроз национальной безопасности; метод политического прогнозирования, позволивший оценить вероятность возникновения угроз национальной безопасности.

***

Результаты глобальных научных исследований отечественных ученых свидетельствуют о сохранении преваляровавших в 2024 году факторов развития мировой политики и безопасности.

Стоит сказать, что в прошедшем 2024 году международная система политических отношений характеризуется рядом определяющих ключевых моментов. Продолжающийся «украинский» конфликт остается центральным вопросом международной повестки. Параллельно развивается роль «Глобального юга», расширяется формат БРИКС, в состав которой вошли пять новых стран, в числе которых ИРАН, ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия, Эфиопия. «Международные отношения вступают в новую эпоху коренных изменений и характер формирования нового миропорядка, отображающего многообразие всей планеты, необратим», как выразился на международном форуме В.В. Путин. Стремления сохранить «зе гегемонию становится меньше, поскольку процесс установления многополярного мира усиливается на фоне растущей роли БРИКС как одной из «альтернативных площадок международного взаимодействия».

Настоящее время показывает, как Китай, являющийся членом «Глобального Юга», в углубленном сотрудничестве с Россией продвигает инициативу по глобальной безопасности (GSI), укрепляя свои позиции через ШОС и БРИКС и становясь при этом ключевым «игроком» в конфронтации Запад-Восток, в то время как США, оказывая «демократическую помощь» странам западной коалиции [2, с. 617], теряют свою былую уверенную позицию в гонке с крупными державами.

С учетом указанного, представляется правильным сформулировать ряд политических трендов и факторов, влияющих на состояние национальной безопасности в общественно-политической сфере, существующих в начале 2025 года.

1. *Фактор неопределенности.* Пожалуй, основным политическим трендом является неопределенность. Быстрая смена событий, обостренных конфликтотенным фоном 2022–2024 гг., социально-эконо-

мическая нестабильность, углубление политического дисбаланса, борьба за власть и расколы внутри национальных политических систем — все это испытывают все страны, в том числе и Россия. В рамках существующих малопредсказуемых политических событий сложно избрать верный алгоритм действий, не говоря уж о долгосрочной перспективе. Следует принять во внимание бессмысленность скоропалительных выводов, подтверждение которых кроется в прилетевшем «черном лебеде» Ближнего Востока.

2. *Технологические факторы и глобальная конкуренция.* Стоит сказать, что сектор информационно-телекоммуникационных технологий в России демонстрирует усиленный рост несмотря на свое пятилетнее постковидное восстановление. Сегодня «цифровые данные — это нефть, золото и платина XXI века», как отметил Михаил Мишустин. Категория «технологичное» становится обыденной и понятной, а продукты той самой цифровизации — привычными и незаменимыми. Цифровые новеллы внедряются не только в максимально привычные сферы жизнедеятельности общества, но и затрагивают вопросы функционирования публичной власти, финансово-экономический сектор, промышленные и производственные процессы.

Конечной целью наблюдаемого трансформационного сдвига в производственных и промышленных процессах, обусловленных интеграцией цифровых технологий, больших данных и искусственного интеллекта, так называемой четвертой промышленной революцией (далее — Индустрия 4.0), является получение лидирующими странами доступа к прогрессивным цифровым технологиям за счет завлечения большего кадрового потока и выхода на глобальную конкуренцию.

Соответственно, Россия в возникающей глобальной конкуренции и выработке политики по поиску квалифицированных трудовых ресурсов заинтересована остановить кадровую утечку для технологического баланса будущего Индустрии 4.0 [7, с. 57], при этом необходимо учитывать не только общее увеличение числа участников, таких как Китай, Индия, Южная

Корея, но и рост инвестиций в НИОКР, конкуренцию международных стандартов, а также геополитический аспект.

Внутренняя общественно-политическая сфера Российской Федерации закономерно образом видоизменяется. Трансформация указанной сферы происходит через несколько эффективных механизмов:

- развитие электронной демократии. В результате цифровизации публичной власти путем создания цифровых платформ, совершенствования избирательной системы Российской Федерации в конечном счете реализует активное гражданство, повышение уровня доверия граждан, обеспечивая при этом прозрачность отношений между государством и людьми;
- создание электронного правительства. Внедрение цифровых технологий в процессы функционирования государственных органов власти. Централизация данных способствует избежанию дублирования и получению упрощенного доступа к информации. Автоматизация процессов позволяет экономить ресурсы и время, а также способствовать повышению общей эффективности работы;
- новые форматы обратной связи. Цифровизация вводит новые инструменты для обратной связи в системе «человек — государство», реализованные посредством чат-ботов и виртуальных помощников, которые позволяют гражданам оперативно взаимодействовать с органами государственной власти. Указанные инструменты получают все большее распространение, поскольку способствуют улучшению качества государственных услуг.

3. *Фактор США и их политического лидера.* Внешнеполитическая деятельность США значительным образом видоизменилась, давно отойдя от политики невмешательства (non-interventionism) со времен Американской революции 1765–1783 гг. в фундамент «диверсифицированного подхода» [1, с. 89]. Политика «от-

крытых дверей и равных возможностей», постепенно укореняющаяся с идеей «большой дубинки» и «дипломатии доллара», 20-летняя игра в демонстрацию оружия и нагнетание вооруженной эскалации, при этом с проблемами неконтролируемой миграции, давно вышла за рамки концепции «умной силы».

Политика США претерпевает значительные изменения не только с проявляющимися внутренними или глобальными вызовами, но также с приходом к власти новых политических лидеров и их администраций. События на рубеже 2024–2025 гг., в частности последних полутора лет, демонстрируют «зигзаг» во внешнеполитической сфере США, от идеи «возвращения к многосторонности», на деле являющейся консолидацией западной «коалиции демократий», к доктрине Д. Трампа «сделать Америку снова великой» (Make America Great Again).

Представляется, что указанный разворот в политике обусловлен тремя наиболее важными геополитическими обстоятельствами.

Во-первых, перекройка будущей архитектуры мира. В этом вопросе, по мнению ведущих аналитиков, в конкурирующей борьбе мировых коалиций США должны заполучить роль центрального элемента — условного «ядра». Указанное подтверждается углублением военно-технического сотрудничества Австралии, Великобритании и США посредством реализуемого с 2021 г. проекта AUKUS, в котором явно просматривается попытка сформировать альтернативный Евроатлантике центр «западного мира».

Во-вторых, это попытка запустить внутреннюю борьбу с радикал-глобалистским крылом американской элиты, идеи которой противоречат резкой смене политики. В связи с этим, на фоне возникающих протестов против администрации Трампа, приоритетным направлением действующей республиканской силы является поиск консенсуса в формате «двухпартийности».

В-третьих, угроза потери глобального доминирования США в условиях «западного мира» на фоне роста влияния европейской бюрократии и идеи возрождения

самостоятельной политической силы европейских стран¹.

Несмотря на это, условный выбор в ключевых направлениях по урегулированию «украинского кризиса» и ближневосточного конфликта, ослаблению или усилению санкций против России и Ирана, давлению на европейских союзников и борьбой с главным соперником — Китаем явно будет происходить с несколькими сценариями развития.

Сегодня готовность Вашингтона к быстрому решению вопросов путем «сделки» показывает прежде всего «бизнесовую натуру» нового президента США, что открывает новые перспективы в решении вопросов международных отношений в формате «транзакционности» [5, с. 26].

4. *Создание позитивного нарратива в отношениях Россия — США.* Откровенный диалог делегаций России и США по вопросам международной безопасности, восстановлению двусторонних отношений и урегулированию украинского конфликта, проведенный в начале 2025 года в Эр-Рияде, в значительной степени перевернул спрогнозированный фрейм мировой политики.

Переговорные группы, рассмотрев основные геополитические и национальные интересы обеих стран, в частности возобновление механизма сотрудничества в экономическом секторе, нормализации работы дипмиссий, подчеркнули значительные изменения в смещении акцентов взаимодействия в отношениях Россия — США.

Исторические переговоры, а в особенности последующая, ставшая «самой мрачной» для Европы неделя новостей, получили мировой отклик. Стремительно измененный курс США от изоляции России в сторону ее поддержки подтверждает новую «бизнесовую» модель переговорного процесса, отличающегося от преобладающего ранее сдержанного стиля — «black tie»².

Меняющееся мироустройство обнажает перспективу раскола НАТО, показывая при этом нерелевантность 11-летнего

спонсорства «украинского кризиса», значительным образом ставя под сомнение эффективность американского лидерства через «китайскую линзу».

В рамках настоящего исследования, кроме анализа вышеописанных международных трендов и факторов общественно-политической сферы, представим перечень современных вызовов и угроз национальной безопасности в общественно-политической сфере в начале 2025 года.

1. *Социально-политическая дестабилизация российского общества.* В настоящее время одной из самых главных внутренних угроз национальной безопасности общества становится дестабилизация социально-политической сферы. Пожалуй, в вопросе неурегулированного «украинского конфликта» настоящая угроза имеет не только внутренний, но и внешний характер за счет влияния акторов «западной силы».

Существующий инструментарий социально-политической дестабилизации достаточно разнообразен и состоит одновременно из самостоятельных и комбинированных направлений.

Во-первых, гибридная война, развязанная против Российской Федерации нацелена не только на подрыв социально-экономической, политической составляющей системы конституционного строя России, но в том числе на формирование деформированных индивидуальных и общественных взглядов, подрыв легитимности власти, дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ). Значительный вклад в информационную войну вносят украинские спецслужбы, а также специализированное подразделение информационно-психологических операций — ЦИПсО, занимающиеся распространением ложной информации о действиях ВС РФ, финансированием и инициацией террористических актов на территории России.

С учетом вышеперечисленного, в изданном 28 декабря 2024 года Указе Президента Российской Федерации № 1124 «Об ут-

¹ «Крепость Америка Дональда Трампа и неоглобальный мир». Заметки на полях переходного периода в США // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krepost-amerika-evstafev/> (дата обращения 23.02.2025). Текст электронный.

² What's really behind Donald Trump's abrupt pivot to Russia? / URL: <https://www.ft.com/content/83b85e0c-9751-4428-95c9-3828b691468a> (дата обращения 23.02.2025). Текст электронный.

верждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»³ основным и крайне эффективным способом дестабилизации социально-политической обстановки в Российской Федерации является вовлечение граждан в участие в несанкционированных публичных мероприятиях, трансформирующихся в массовые беспорядки. На фоне идущих боевых действий, в целях дискредитации ВС РФ, все чаще применяются механизмы манипуляции общественным мнением.

Во-вторых, в проводимой когнитивной войне против России способствующим фактором выступает внедрение в сферу IT-консалтинга специальных государственных структур «западных стран», что способствует утечке информации и мобилизации политических масс в медиаполе. Информационное пространство является новым плацдармом для оказания психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации. Получившая широкое распространение форма конфликта как *Cognitive Warfare*, в дословном переводе «когнитивная война» является по совместительству одной из самых главных разработок Центра передового опыта НАТО [9, с. 11].

Современное межгосударственное противоборство может и не приобретать классические «книжные» признаки войны, а быть нацелено на создание внутреннего политического и социального раскола, дестабилизацию общества путем фокусирования внимания «захваченной» целевой аудитории, оправдывая миллионы инвестиций, вложенных в подобные проекты⁴.

С помощью грамотно выстроенной стратегии когнитивной войны возможно не только среднесрочное воздействие на подрыв доверия к действующей власти и раскол общества, но также долгосрочное — полная «перезагрузка» историче-

ского самосознания, базовых норм, целей и укладов общества [6, с. 459].

2. *Разработка и интеграция военных технологий как угроза национальной безопасности.* Глобальная безопасность — ключ к развитию цивилизации. Результаты любой научно-технической революции так или иначе отражаются на военно-техническом комплексе. Военные технологии во все времена играли важную роль не только в обеспечении собственной национальной безопасности государства, но и в получении влияния на военно-политической арене мира, сохранив правило Т. Рузвельта «держат за спиной большую дубинку».

Продолжаемая политика «внешнеполитического эгоцентризма» подрывает механизм поддержания стабильности и предсказуемости международных отношений. Блоковая политика НАТО, зачастую направленная на активное стимулирование инноваций прорывных технологий, не разделяет гражданские и военные направления [10, с.64].

В связи с этим столь стремительное развитие военных технологий становится не только своеобразным «тузом в рукаве» государств на внешнеполитической арене, но и закономерным фактором угроз национальной безопасности суверенных государств и человеческой цивилизации.

3. *Влияние мировых миграционных процессов.* Миграционные процессы, активизирующиеся в современных условиях, приобретают статус глобальной тенденции, оказывающей влияние на политическую, экономическую, социальную и культурную составляющие жизнедеятельности государства.

Несмотря на ряд сопутствующих «полезных» свойств миграции, зачастую связанных с повышением интеллектуального потенциала, выравниванием демографической ситуации и созданием экономиче-

³ Указанный нормативно-правовой акт является ключевым документом в борьбе с преступлениями экстремистского характера. Стоит сказать, что указанные преступления обладают наибольшим уровнем дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в России. Соответствующие источники угроз и способы экстремизма помещены в самостоятельный раздел II — «Основные источники угроз экстремизма в современной России».

⁴ НАТО разрабатывает методы ведения когнитивной войны // URL: <https://www.Geopolitika.ru/article/NATO-razrabatyvaet-metody-vedeniya-kognitivnoy-voyny/> (дата обращения 23.02.2025). Текст электронный.

ского базиса дешевой рабочей силы, она может выступать в качестве феномена «миграционной войны», способствующего социальной дестабилизации общества.

Резко вспыхнувший миграционный кризис Европы, с общим числом украинских беженцев более чем 16 млн, нерешенный 5-летний миграционный вопрос на мексиканско-американской границе, наблюдающийся прирост населения в странах Северной Африки и Латинской Америки, а также в демографических «гигантах» — Индии и Китае свидетельствуют о ежегодном нарастании демографической напряженности. Сдерживающий миграционный барьер под угрозой прорыва. Возрастающее количество жителей восточных и южных стран создает мощные миграционные потоки с Востока, что в перспективе формирует потребность в совершенствовании миграционной политики — разработку основополагающих нормативных-правовых документов и выработку рекомендаций по выявлению внутренних и внешних угроз национальной безопасности.

Опыт внесения коррективов, вызванных «украинским кризисом», тенденция роста показателей преступности иностранных граждан и лиц без гражданства [2, с. 151], сложившаяся оперативная обстановка, вызванная последствиями террористического акта, совершенного в здании концертного зала «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года, показали и обусловили необходимость усиления контроля над мигрантами и усиления мер ответственности за совершенные иностранными гражданами нарушения.

Так, с 5 февраля 2025 года во исполнение Указа Президента Российской Федерации «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки»⁵ на территории Российской Федерации начал работу Реестр контролируемых лиц (далее — РКЛ) в качестве одного из инструментов, направленных не только на контроль иностранных граждан, не имеющих

законных оснований для пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, но также на оказание помощи в дальнейшей легализации их правового положения.

4. *Терроризм и экстремизм как угрозы национальной безопасности.* Вопросы противодействия экстремизму и терроризму становятся предметом пристального внимания, как одни из самых значительных угроз национальной безопасности, оказывающих влияние на социально-политическую сферу страны. «Крайние» деструктивные действия обостряют межнациональные и межэтнические конфликты, создают фон роста оппозиционных групп и дестабилизации общественного порядка и безопасности общества.

Социально-политическая обстановка в России подвержена влиянию экстремистских идеологий, что приводит к росту социальной напряженности. В настоящее время молодежь становится самой приоритетной целью, поскольку подвержена радикальным идеям из-за своей социально-психической и материальной незащищенности. Прямо вытекающие отсюда проблемы снижения авторитета власти способствуют усилению криминогенного фона, криминализации молодежи, распространению экстремистских взглядов.

Успех в предупреждении рассматриваемых радикальных действий зависит исключительно от готовности государства к противодействию этой угрозе за счет проведения комплекса мер, направленных на совершенствование действующего профильного законодательства, создание единой государственной системы мониторинга, консолидации усилий государственных ресурсов в лице правоохранительных и контролирующих органов и СМИ.

Необходимость активизации данного комплекса мер подтверждается проводимой «украинской» политикой по геноциду народа Донбасса. Стоит сказать, что с начала СВО противодействующая украинская сторона эволюционировала к формату террористического государства [6,

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2024 №1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки».

с. 418]. Военные преступления против мирного населения происходят не только на «передних» территориях к линии боевого соприкосновения, но и организованы при участии украинских спецслужб на территории России.

Возвращением к повестке укрепления и совершенствования системы противодействия экстремизму и терроризму стала уже упомянутая чудовищная трагедия 22 марта 2024 г. — террористический акт в «Крокус Сити Холле».

Борьба с терроризмом и экстремизмом в России требует комплексного подхода. В.В. Путин заявил, обращаясь к гражданам России: «Никому не удастся посеять ядовитые семена розни, панику и разлад в наше многонациональное общество»⁶.

Результаты исследования

На основании проведенного анализа выделим ряд перспективных направлений в рамках совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации:

- 1) для усиления научной базы в вопросах совершенствования системы национальной безопасности Российской Федерации необходимо интегрировать накопленный научно-методический опыт в процесс законодательного обновления стратегии национальной безопасности, уделяя особое внимание общественно-политическому измерению. Кроме того, необходимо системно проработать механизмы противодействия экстремизму и терроризму в рамках данной стратегии;
- 2) в вопросе выработки эффективной стратегии позиционирования Российской Федерации в информационном пространстве целесообразным является усиление национального контроля за процессом цифровизации, реализация политики управления цифровыми данными, информационными потоками внутри страны. Одним из приоритетов в рамках Ин-

дустрии 4.0 должна стать полная независимость от иностранных ИТ-технологий посредством создания конкурентноспособных ИТ-решений, государственной поддержки отечественных производителей;

- 3) в рамках постановки и исполнения приоритетных задач в военной сфере по достижению цели совершенствования технологий противодействия информационным, когнитивным и гибридным проявлениям военных действий против России необходимо избрание комплекса мер по противодействию названным угрозам, как потенциальным источникам «цветных революций»;
- 4) в качестве мер по оптимизации кадровой политики государства представляется правильной ориентация на проведение взвешенной политики с привлечением молодых специалистов, отличающихся высоким уровнем образовательной и психологической подготовки, правовой и социальной культуры;
- 5) в контексте укрепления системы национальной безопасности также считаем перспективным отстаивание национальных интересов России военно-политическим руководством страны, в частности в следующих ключевых аспектах:
  - углубление военно-политического и военно-технологического сотрудничества с Китаем, и странами — членами БРИКС; ориентация на стратегическое партнерство с «Глобальным югом». Одновременно с этим продолжать взаимодействие со странами Евроатлантики по вопросу контроля над вооружением и идеей стратегической стабильности;
  - переориентация политических и социально-экономических связей с США, укрепление политики «структурированного диалога», продолжение работы на мировых площадках на фоне дестабилизации

⁶ Обращение к гражданам России // Официальный сайт Президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73703> (дата обращения 25.02.2025). Текст: электронный.

ции системы международных отношений;

- демпфирование внешнего воздействия на политические и социально-экономические настроения российского общества путем выстраивания системы национальных интересов и национальной идеологии, совершенствования механизмов обеспечения вовлеченности молодого населения в решение общественно-политических вопросов.

Выводы

Подводя итог исследования, отметим, что быстро меняющаяся система международных отношений в начале 2025 года, показавшая разрыв связей бывшей «Западной коалиции», испытывающая попытки перекройки и перетягивания геополитического «одеяла» и создающая при этом ситуацию перераспределения мирового потенциала сил в Европейскую часть, сподвигла Российскую Федерацию стать новым лидером в процессе формирования многополярного мира, сохраняющим основополагающие принципы равноправия и взаимного уважения.

В ходе настоящего процесса важно выявлять и фиксировать общественно-политические тенденции, социально экономические закономерности, а также угрозы, непосредственно оказывающие или могущие оказать косвенное или прямое воздействие на систему не только международной, но и национальной безопасности. Определяемые при этом перспективы будут способствовать совершенствованию имеющихся и выстраиванию новых институтов, механизмов и процессов развития национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Бабушок Н.О. Идеиные основания внешней политики США // Век глобализации. — 2022. — № 3 (43). — С. 87–96.
2. Букалерева Л.А. К вопросу о противодействии новым вызовам преступности мигрантов /

Л.А. Букалерева, Р.В. Шагиева, А.В. Остроушко // Право и управление. — 2022. — № 10. — С. 150–154.

3. Кобзарь Д.И. Институт национальной безопасности в политической системе общества / Д.И. Кобзарь, Ж.Ю. Орешкина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 435–438.
4. Мартышин О.В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4 (44). — С. 37–48.
5. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. — М.: ИМЭМО РАН, 2024. — 213 с.
6. Современные тенденции международных отношений и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации в XXI веке / А.Ф. Андреев, В.Б. Берестов, И.В. Бернадских [и др.]. — М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2024. — 648 с.
7. Харланов А.С. Эволюция доктрин национальной безопасности России как базовое условие суверенизации и имперского возрождения // Инновации и инвестиции. — 2021. — № 4. — С. 56–58.
8. Харланов А.С. Эволюция приоритетов национальной безопасности России в глобальной конкуренции за качество трудовых ресурсов в эпоху индустрии 4.0 // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола, Москва, 25 августа 2021 года. — М.: Издат. дом «ИМЦ», 2021. — С. 616–624.
9. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare (France) — 21 June 2021 / Scientific editors B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler and F. Du Cluzel. — Published March 2022. — 119 p.
10. Herzog S., Kunertova D. NATO and Emerging Technologies — The Alliance's Shifting Approach to Military Innovation // Naval War College Review. — 2024. — Vol. 77. — No 2. — Pp. 47–69.

Н.В. Болговдоктор политических наук,
Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского**ДЕКАБРИСТСКИЙ ФЕНОМЕН: К ДВУХСОТЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВОССТАНИЯ****N.V. Bolgov**Doctor of Political Sciences,
University of World Civilizations, Moscow
E-mail: 4182803@mail.ru**THE DECEMBRIST PHENOMENON: ON THE BICENTENNIAL OF THE UPRISING**

Аннотация. В исследовании сделаны выводы из анализа вооруженного восстания декабристов в контексте двухсотлетнего юбилея событий 14 декабря 1825 года. Прослеживается трансформация парадигм: от либерально-просветительской и марксистской — к современной, ориентированной на анализ политической борьбы. В рамках дискурс-анализа прослеживается неоднозначность восприятия восстания декабристов современниками той эпохи. С правовых позиций и исторической парадигмы исследуется феномен вооруженного мятежа в его криминальных аспектах. В исследовании используется институциональный подход для преодоления сложившихся в науке редукционистских стереотипов. Вносятся предложения о новых подходах и необходимости проведения комплексного анализа, а также использования историографической и коммеморативной практик, которые показывают, что свою значимость феномен декабризма приобрел исключительно благодаря советской власти, поскольку в дореволюционное время декабристы рассматривались, скорее, как исключение из правил и случайность, нежели исторический прецедент на пути к свободе. Советская коммеморация создала не исторический, а дидактический мифологизированный образ, встроенный в идеологический метанарратив о неизбежности и преемственности революционной борьбы.

Ключевые слова: государственная политика, декабристы, общественно-политическая мысль, модернизация, политическая культура, историческая память, вооруженный мятеж, безопасность.

Abstract. This study draws conclusions from an analysis of the Decembrist uprising in the context of the bicentennial of the events of December 14, 1825. It traces the transformation of paradigms: from liberal-enlightenment and Marxist to a modern, analytically oriented political struggle. Using discourse analysis, it explores the ambiguity of how the Decembrist uprising was perceived by contemporaries of the era. The phenomenon of armed rebellion, in its criminal aspects, is examined from a legal perspective and a historical paradigm. The study utilizes an institutional approach to overcome reductionist stereotypes established in scholarship. Proposals are made for new approaches and the need for a comprehensive analysis, as well as the use of historiographic and commemorative practices. These suggestions demonstrate that the Decembrist phenomenon acquired its significance solely thanks to Soviet power, as in pre-revolutionary times, the Decembrists were viewed more as an exception to the rule and an accident than as a historical precedent on the path to freedom. Soviet commemoration created not a historical, but a didactic, mythologized image, embedded in an ideological metanarrative about the inevitability and continuity of revolutionary struggle.

Key words: state policy, Decembrists, socio-political thought, modernization, political culture, historical memory, armed rebellion, security.

В 2025 г. исполнилось 200 лет со дня восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге. Этот рубеж представляет собой не только хронологическую веху, но и знаковый момент для историографической рефлексии. Движение декабристов по сей день живет в памяти поколений как дви-

жение первых революционеров в России. Подавляющее число декабристов были представителями дворянского сословия, гвардейскими офицерами — героями Отечественной войны [3, с. 287]. Это были выразители прогрессивных взглядов, истоки которых следует искать в трудах Вольте-

ра и Руссо, итогах Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах Русской армии 1813–1814 гг. [5, с. 216].

Внутриполитические события, связанные с борьбой за власть, происходят и по сей день, что реактуализирует феномен декабристов и привлекает внимание современных представителей не только исторической, но и политической науки [1]. Целью настоящего исследования является систематизация ключевых векторов в изучении декабризма, а также переоценка самого восстания в контексте современности. Представленная работа опирается на историко-генетический метод, позволяющий проследить становление феномена декабризма, а также его судьбу в историографическом контексте. Историко-системный метод представлен в попытке систематизации последствий и влияния самого восстания на дальнейшую историю [2, с. 62]. Кроме того, в работе применяется дискурс-анализ при анализе официальной документации III отделения и императорских указов.

1. Декабристское движение в контексте эпохи и его значение

Реакция социума на выступление декабристов была неоднозначной, свидетельствующей о расколе в общественном сознании. Для анализа значения восстания применяется дискурс-анализ, позволяющий вычленив преобладающие дискурсивные стратегии. Официальный дискурс, оформившийся в манифестах Николая I и материалах Следственной комиссии, представляет восстание как «гнусный заговор», угрожавший основам государственности. В центре внимания не политическая программа, а «измена присяге», что позволяло криминализировать движение.

Представители либеральных взглядов выражали двойственную позицию по отношению к декабристам. С одной стороны, отсутствие единства взглядов декабристов на организацию вооруженного восстания вызывало у них отторжение. С другой — идеи, сформулированные в «Русской Правде» П.И. Пестеля и «Конституции»

Н.М. Муравьева, находили отклик в среде образованного дворянства [2, с. 64].

Консервативная мысль, представленная Н.М. Карамзиным и С.Н. Глинкой, осуждала восстание как посягательство на сакральные устои самодержавной власти, усматривая в нем европейское влияние. Восприятие основной массы населения России, реконструируемое по материалам дневниковых записей и отчетам III Отделения¹, оставалось в значительной степени аполитичным.

Несмотря на неудачу восстания на Сенатской площади, влияние этого события на российскую историю и на ее перцепцию значительно. Подавление мятежа утвердило императора Николая I в мысли о пагубности любых либеральных реформ «сверху». Его правление стало тридцатилетней эпохой усиления бюрократического и полицейского контроля, что выразилось в деятельности III Отделения и кодификации законов, направленной на укрепление самодержавной вертикали. Кроме того, в 1833 г. произошло ее идеологическое оформление, выраженное теорией «официальной народности» С.С. Уварова — «православие, самодержавие, народность». Она, в частности, являлась реакцией на декабризм, предложив консервативную альтернативу их западническим проектам.

Переходя к обзору генезиса общественной мысли, следует сказать, что декабристы создали устойчивый тип «мыслящего человека», критически относящегося к власти и чувствующего свою ответственность за судьбу страны [2, с. 64]. Это, в свою очередь, поспособствовало расколу общественного сознания на официально-лоялистскую и критически-оппозиционную группы, что позже привело к формированию идеологических кружков и идейных объединений. Так, споры между западниками и славянофилами, зародившиеся в салонах 1830–1840-х гг., во многом отталкивались от осмысления провала декабристского проекта, пытаясь найти иной, нерадикальный путь развития России.

«Призрак» декабризма незримо присутствовал при подготовке и проведении

¹ Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высший орган политического сыска и государственной безопасности Российской империи в период правления Николая I и Александра II (1826–1880).

«Великих реформ» Александра II. Осознание правящими кругами необходимости отмены крепостного права и модернизации судебной системы было во многом мотивировано стремлением устранить коренные причины социального недовольства, впервые столь ярко проявившиеся в 1825 году. Однако страх перед повторением «смуты» заставлял власть проводить реформы половинчато и с оглядкой, что, в свою очередь, порождало новый виток общественного недовольства. Кроме того, опыт декабристов, как пример неудачного военного заговора, тщательно изучался последующими революционными организациями (от «Народной воли» до эсеров), которые извлекли из него уроки о необходимости массовой поддержки и более жесткой конспирации.

Несмотря на вышесказанное, декабристы создали мощный культурный миф о жертвенности во имя идеи, который эксплуатировался самыми разными политическими силами — от либералов до народников и, в конечном счете, большевиков. Судьба декабристов стала хрестоматийным примером трагического разрыва между передовым меньшинством и народным большинством — проблема, которая будет преследовать русскую интеллигенцию на протяжении всего следующего столетия.

2. События 14 декабря 1825 г. через правовой аспект

Наряду с политико-идеологическим измерением, движение декабристов имело и иную — уголовную сторону правового аспекта, которая в советской историографии практически не рассматривалась. Современный взгляд направлен на анализ действий декабристов через призму действовавшего законодательства и учета всего спектра мотиваций, включая далекие от идеальных.

Император Николай I возглавил уголовный процесс над декабристами и руководил им, т.к. восстание на Сенатской площади однозначно квалифицировалось как

«тягчайшее преступление» — вооруженный мятеж (бунт) с целью посягательства на основы государственного строя. Ключевыми составами преступлений, вмененных Верховным уголовным судом², были:

- посягательство на жизнь императора (цареубийство) — центральный пункт обвинения для наиболее радикальных членов Северного и Южного обществ;
- военный мятеж — умышленное приведение в небоеспособность верных правительству войск путем вывода своих частей на площадь;
- умышленное убийство высших государственных служащих (генерал-губернатора М.А. Милорадовича и командира лейб-гвардии Гренадерского полка Н.К. Стюрлера).
- измена присяге и государственная измена.

Действия П.Г. Каховского, застрелившего Милорадовича и Стюрлера, с юридической точки зрения представлялись не «актом революционной борьбы», а умышленным убийством. Планы физического уничтожения императорской семьи, всерьез обсуждавшиеся рядом декабристов, также были уголовно наказуемы.

Проблема корыстных и властных мотивов: источники, в частности показания самих декабристов на следствии, мемуары и частная переписка, позволяют выявить разницу в мотивации участников движения. Наличие «корыстного элемента» отмечали и сами идеологи заговора.

Решение личных финансовых проблем: для некоторых офицеров (например, для некоторых членов «Общества соединенных славян»), имевших крупные долги, переустройство государства и отмена сословных привилегий могли ассоциироваться с аннулированием долговых обязательств и продвижением по службе.

Карьеризм и честолюбие: часть участников была мотивирована не столько идеалами, сколько своей нереализованностью в карьере. В условиях междуцарствия они видели шанс совершить революционный

² Верховный уголовный суд (учрежден Манифестом Николая I от 1 (13) июня 1826 года) — чрезвычайный судебный орган Российской империи, созданный для определения степени виновности и вынесения приговора лицам, причастным к тайным обществам декабристов, восстанию на Сенатской площади 1825 года и восстанию Черниговского полка.

скачок, оказавшись на стороне потенциальных победителей. Ярким примером является А.И. Якубович, который, по свидетельствам современников, предлагал арестовать императорскую семью, претендуя на одну из ключевых ролей в перевороте, но в решающий момент отступил, демонстрируя непоследовательность и авантюризм.

Таким образом, наряду с искренними романтиками и идеологами, в движении присутствовали авантюристы, карьеристы и люди, движимые личными обидами. Это не отменяет высоких идеалов руководителей, но очеловечивает картину заговора, высвечивая его внутренние противоречия и «слабые места», которые в числе прочего способствовали его поражению [3].

3. Историографическая и коммеморативная практики, связанные с декабристским движением и восстанием 1825 г.

Отечественная историография движения декабристов прошла несколько методологически различных этапов.

Первое осмысление декабрьских событий было предпринято в николаевской России, когда Николай I лично поручил государственному деятелю и юристу Модесту Корфу, однокурснику А.С. Пушкина по Лицею, написать фундаментальный труд [7, с. 73] о собственном воцарении. Несмотря на использовавшиеся официальные документы, работа отражает исключительно личную полицию императора, поскольку в ее основе лежали воспоминания Николая об этом событии. Фактическая цель ее написания — укрепление императорской власти, что впоследствии сформирует дискурс, в рамках которого будущие исследователи-историки будут описывать происходившее 14 декабря 1825 г. Так, например, выдающийся дореволюционный историк В.О. Ключевский в своих трудах писал, что «декабристы — это историческая случайность, обросшая литературой».

Фундаментальной исторической работой является труд А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», где анализируются тайные общества и события 14 декабря 1825 г. Здесь подчеркивалась чрезвычайность си-

туации, в которую произошли роковые события: смерть императора, междуцарствие и разлад между тайными обществами [14, с. 265]. В 1905 г. историкам, наконец, стали доступны архивы, связанные с событиями 14 декабря 1825 г., что возродило исследовательский интерес к этому феномену. Например, до начала Первой мировой войны вышла монография М.Н. Довнара-Запольского [5, с. 166], которая впервые предлагала реконструкцию декабристского движения, опираясь не только на источники личного происхождения, но и на официальные документы.

Именно в советское время декабристы впервые воплотили в себе образ «первых русских революционеров». Первые марксистские историки, например, М.Н. Покровский, не видели в восстании героического характера и видели в планах декабристов исключительно «буржуазные проекты» [13, с. 242]. К 40-м годам благодаря деятельности М.В. Нечкиной декабристское движение приобрело сакральность, которая опиралась на марксистско-ленинскую теорию и существовавший тогда революционный мейнстрим Советского государства. Этим обусловлено то, что Милица Васильевна Нечкина в своих работах представляла планы декабристов как направленные на свержение самодержавия и уничтожение крепостного права [12, с. 7], что сегодня представляется спорным тезисом.

Параллельно с трудами М.В. Нечкиной исследованием декабристского феномена занимался Н.М. Дружинин, признававший движение дифференцированным и разобценным. В его интерпретации именно период междуцарствия позволил декабристам найти общую политическую цель, однако отсутствие консенсуса и поддержки мелкобуржуазного слоя населения не позволили восстанию стать успешным [6, с. 224].

Современная (постсоветская) историография характеризуется отказом от монолитных концепций и методологическим плюрализмом. В работах С.В. Мироненко, О.И. Киянской, В.С. Парсамовой акцент смещен на:

- антропологический аспект: изучение мотивации, ментальных установок, повседневных практик и лич-

ного общения участников;

— анализ политического дискурса: исследование того, как понятия «свобода», «законность», «гражданственность» наполнялись содержанием в программных документах и переписке;

— критический пересмотр устоявшихся клише (например, о едином «декабристском движении» вместо конкурирующих тайных обществ).

Возвращаясь к коммеморативным практикам, именно советская эпоха создала один из наиболее устойчивых мифов о декабристах, интегрировав их сакральный образ в городское пространство и повседневную жизнь граждан. Этот процесс был не стихийным, а целенаправленным элементом государственной политики по формированию «пантеона революционных предтеч». Массовое переименование улиц, площадей и населенных пунктов в честь декабристов началось после празднования 100-летия восстания в 1925 году и продолжалось на протяжении всего существования СССР.

В первую очередь целью этого явления было создание «революционной генеалогии»: несмотря на дворянское происхождение, декабристы трактовались как «первые революционеры», чье дело унаследовали разночинцы, а затем — большевики. Улицы Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева, Каховского визуально утверждали эту преемственность во многих городах (Москва, Санкт-Петербург, Киев). Памятники и музеи в Сибири были призваны подчеркнуть народное признание и «сибирскую эпопею» декабристов, их просветительскую миссию, идею духовного подвижничества. Кроме того, сама практика замены названий, связанных с имперским периодом, на имена его критиков и жертв была актом символического низвержения старого режима.

Таким образом, анализ историографической и коммеморативной практик показывает, что свою значимость феномен декабризма приобрел благодаря советской власти, поскольку в дореволюционное время декабристы рассматривались, скорее, как исключение из правил и случайность, нежели исторический прецедент на пути к свободе. Коммеморативная практика по-

зволяет выявить ее внутренние противоречия. С одной стороны, советская власть преподносила декабристов как борцов с самодержавием. С другой — она выхолащивала либерально-конституционную суть их проектов, акцентируя лишь «революционность» и «антицаризм». Советская коммеморация создала не исторический, а дидактический мифологизированный образ, встроенный в идеологический метанарратив о неизбежности и преемственности революционной борьбы.

Список литературы

1. Баранов В.П., Болгов Н.В. Противодействие угрозам военной безопасности на современном этапе развития России / В.П. Баранов, Н.В. Болгов // Вестник Академии военных наук. — 2020. — № 2. — С. 25–29.
2. Вольф С.П. Революционная сущность движения декабристов: историко-правовой аспект (столетию революции в России посвящается) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2017. — № 1. — С. 62–69.
3. Гаянов А.Э. Причины восстания декабристов и его историческое значение // Вестник науки. — 2022. — № 12. — С. 287–292.
4. Гордин Я.А. Мятёж реформаторов: 14 декабря 1825 года. — Л.: Лениздат, 1989. — 400 с.
5. Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. — М., 1906.
6. Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение России в XIX в. — М.: Наука, 1985.
7. Корф М.А. Восшествие на престол Императора Николая I. — СПб., 1857.
8. Ланда С.С. Дух революционных преобразований... 1816–1825. — М.: Мысль, 1975. — 384 с.
9. Ляшенко Л. Декабристы: Новый взгляд. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. — 240 с.
10. Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. — М.: Кучково поле, 2017. — 400 с.
11. Нечкина М.В. Декабристы. — М.: Наука, 1982. — 184 с.
12. Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 г. — М.: Мысль, 1975.
13. Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. — М.: Мысль, 1968.
14. Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. — СПб., 1900.

М.А. Булавина

кандидат юридических наук, доцент,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ****М.А. Bulavina**

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: m.a.bulavina@uwc-i.ru

**HUMANITARIAN AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY
AS A FUNDAMENTAL CONCEPT OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT**

Аннотация. В статье рассматривается концепция гуманитарно-технологического суверенитета как фундаментальной основы цивилизационного развития. Автор констатирует, что данная проблематика находится в недостаточно разработанном состоянии, при этом доминирующий дискурс сосредоточен на технологическом суверенитете, тогда как вопросы гуманитарного суверенитета остаются на периферии научного и политического внимания. Подчеркивается, что современный государственный суверенитет невозможен без динамического баланса между технологической мощностью и гуманитарной сферой. Технологический суверенитет, понимаемый как способность разрабатывать и контролировать ключевые технологии, должен быть дополнен гуманитарным суверенитетом, включающим культурные, ценностные и социальные аспекты. Проведен анализ таких вызовов, как технологическая зависимость и отставание в гуманитарной сфере. Для преодоления этого дисбаланса вводится и раскрывается понятие «гуманитарной созидательности». Автором предлагается новая фундаментальная концепция цивилизационного развития. Она интегрирует идеи интеллектуального и государственно-акмеологического суверенитета, акцентируя переход от статических моделей к динамическим, учитывающим многомерность современных угроз. Концепция дает возможность наметить путь к преодолению разрыва между технологическим прогрессом и гуманитарным развитием, что необходимо для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития цивилизации в целом.

Ключевые слова: гуманитарно-технологический суверенитет, концепция цивилизационного развития, суверенитет государства, цифровой суверенитет, акмеология.

Abstract. The article examines the concept of humanitarian and technological sovereignty as the fundamental basis of civilizational development. The author states that this issue is in an insufficiently developed state, while the dominant discourse is focused on technological sovereignty, while issues of humanitarian sovereignty remain on the periphery of scientific and political attention. It is emphasized that modern state sovereignty is impossible without a dynamic balance between technological power and the humanitarian sphere. Technological sovereignty, understood as the ability to develop and control key technologies, must be complemented by humanitarian sovereignty, which includes cultural, value, and social aspects. The analysis of such challenges as technological dependence and lag in the humanitarian sphere is carried out. To overcome this imbalance, the concept of «humanitarian creativity» is introduced and revealed. The author proposes a new fundamental concept of civilizational development. It integrates the ideas of intellectual and state-acmeological sovereignty, emphasizing the transition from static to dynamic models that take into account the multidimensional nature of modern threats. The concept provides an opportunity to outline a way to bridge the gap between technological progress and humanitarian development, which is necessary to ensure national security and the sustainable development of civilization as a whole.

Key words: humanitarian and technological sovereignty, the concept of civilizational development, state sovereignty, digital sovereignty, acmeology.

Проблематика гуманитарно-технологического суверенитета как фундаментальная концепция цивилизационного развития в настоящее время находится в крайне эклектичном состоянии и по многим аспектам даже не проработана терминологически и понятийно. Сегодня крайне много и небезосновательно говорится о *технологическом суверенитете* как способности страны самостоятельно разрабатывать, производить и контролировать ключевые технологии и инфраструктуру, необходимые для экономической независимости и национальной безопасности. В то же время вопросы *гуманитарного суверенитета*, включающего взаимосвязанные аспекты культурного, социального и информационно-коммуникативного суверенитета, поднимаются редко. При этом в общей постановке вопрос *гуманитарного суверенитета* представляется во многих работах [3; 7; 9] как пересечение проблем обеспечения государственного суверенитета и реализации прав и свобод человека, прежде всего как субъекта интеллектуальной деятельности, прав и обязанностей, свобод и прогресса. В такой постановке утверждается, что *гуманитарно-технологический суверенитет* может рассматриваться как комплексное понятие, объединяющее гуманитарное и технологическое *измерение общего суверенитета государства*.

Суверенитет, основанный на принципе невмешательства и территориальной целостности, в условиях глобализации и цифровой эпохи оказывается недостаточным. Сегодня подлинный суверенитет невозможно измерить лишь военной мощью или дипломатическим признанием. Его полная оценка требует перехода к комплексной и многомерной концепции — концепции цивилизационного развития (КЦР). Рассмотрение КЦР очень часто строится с позиций концепции цифрового суверенитета. *Цифровой суверенитет* понимается как независимость государства во внутренней и внешней политике в цифровой сфере. В цифровую эпоху концепция суверенитета трансформируется, так как его защита начинает напрямую зависеть от информационной безопасности государства в целом, и научных коммуникаций в частности [5; 11]. Рассмотрим некоторые

аспекты влияния цифровизации на государственный суверенитет.

1. Суверенитет киберпространства. Сегодня требуется новая концепция подхода к государственному суверенитету, который должен включать внутренние механизмы обеспечения кибербезопасности и контроль над цифровой инфраструктурой с их четкой увязкой со структурой гуманитарно-технологического суверенитета. При этом на первом этапе рассмотрения проблемы примем положение: «...под цифровым суверенитетом мы понимаем эмерджентное свойство государства как сложной системы, которое возникает в результате адекватного и релевантного параметрам технологического развития человеческой цивилизации соединения цифровой технологической инфраструктуры государства с цифровыми компетенциями и навыками общественных, политических, экономических и управленческих институтов и самих граждан» [2].

2. Контроль над цифровыми данными (как минимум точность, достоверность, значимость, актуальность). Он невозможен без установления правил и процедур обеспечения конфиденциальности данных и развития отечественной технологической отрасли для снижения зависимости от зарубежных технологий и цифровых продуктов [1]. При этом появление глобализированных платформ и сервисов (например, разработка системы глобального спутникового Интернета Илоном Маском) требует нового концептуального обеспечения цифрового суверенитета современного государства-цивилизации, которым сегодня стремится стать Россия. Отдельного внимания заслуживает масштабное и интенсивное внедрение технологий искусственного интеллекта, а также технологических решений, основанных на алгоритмах самообучаемых нейронных сетей. Отметим, что современная система образования пока далека от решения проблем, существующих в этой области. Пожалуй, одной из самых перспективных систем в данном ракурсе является осуществляемая в настоящее время в Университете мировых цивилизаций разработка *цивилизационно-энциклопедического образования*.

3. Опережающее и прогностически выверенное регулирование информационных потоков. Цифровые платформы играют важнейшую роль в формировании общественной системы коммуникации, что ставит перед государством-цивилизацией необходимость регулирования информационных потоков во всех сферах общественного взаимодействия. Современные технологии цифровой коммуникации (в образовательной сфере, прежде всего) имеют экстерриториальный характер. В то же время российское государство, по сути, во многом утратило монопольное право на организацию общественно-политических коммуникаций в собственном национальном информационном пространстве (это не понимают многие политики). В политическом развитии большинства стран сегодня мы можем наблюдать, помимо традиционных институтов политической власти, значимое число новых субъектов цифровой коммуникации как внутренних, так и внешних. Между ними устанавливаются конкурентные отношения за право влияния на общественное сознание, а границы такого влияния размываются. В связи с этим возникает потребность в создании новой структуры гуманитарно-технологического суверенитета и формирования фундаментальной концепции цивилизационного развития.

4. Аксиологическо-акмеологическая субъектность. Это способность социума самостоятельно формировать и поддерживать свою систему ценностей, смыслов и гуманитарных ориентиров в цифровую эпоху в динамически изменяющейся системе гуманитарно-технологического суверенитета. Гуманитарно-технологический суверенитет всегда является *динамической системой*. При этом именно *цифровой суверенитет* должен содействовать построению суверенной экономики, работающей на национальные интересы и общественное благо, и именно он отвечает за качественную реакцию на те вызовы, которые генерируются в условиях глобальной цифровизации.

При формировании представлений о динамической структуре гуманитарно-технологического суверенитета, необходимых для построения фундаментальной

концепции цивилизационного развития, целесообразно на первом этапе исследования особое внимание уделить технологической зависимости. Если государство не способно создавать независимые и конкурентоспособные технологии, продукты и решения в цифровой сфере, то оно будет находиться в зависимости от других государств или от некоторых союзов государств. Это влияет на способность обеспечивать собственную значимость в международных взаимоотношениях и, соответственно, суверенитет.

Необходимо учесть, что современные концепции суверенитета как важнейшей характеристики конкретно-исторического состояния конкретного государства, в том числе государства-цивилизации, покоятся на статических и, как правило, упрощённых подходах. Предлагаемая автором совместно с другими разработчиками концепция исходит из того, что государственный суверенитет имеет сложную и динамически развивающуюся структуру. Эта структура постоянно эволюционирует, адаптируясь к меняющимся условиям и новым вызовам. Согласно нашей концепции технологический суверенитет является важнейшей составляющей структуры государственного суверенитета. Столь же значимой составляющей является гуманитарный суверенитет.

В результате всех произошедших в развитии общества изменений вырастает проблема цивилизационного суверенитета государства. В постановочном виде цивилизационный суверенитет государства имеет следующую структуру (рис. 1).

В государственном цивилизационном суверенитете в целом и в каждой его составляющей ключевыми измерениями являются степень субъектности и характер развития, которые требуют своего институционального, материального, финансового, кадрового, коллаборативного, научного и информационного обеспечения. Отметим, что степень субъектности и характер развития могут варьировать, т.е. изменяться в некотором диапазоне, который может быть представлен на уровне экспертных оценок различным образом: для субъектности — это [низкий; высокий], [низкий; средний; высокий],

[1–5] и др., для развития — [деградация; стагнация; созидательность]. Соответствующие изменения определяются объемом привлекаемых ресурсов, а также качеством институтов и кадрового состава органов власти и управления, отвечающих

за развитие конкретной социально-экономической сферы. Созидательности может способствовать как конкуренция, так и сотрудничество политических партий, общественных организаций, бизнес-структур и др.

Рисунок 1 — Структура цивилизационного суверенитета государства

Гуманитарно-технологический баланс и гуманитарная созидательность. По мнению российского учёного А.П. Назаретяна [9], выживание общества как сверхсложной системы определяется балансом между технологической и гуманитарной сферами. При этом, считает А.П. Назаретян, имеет место закон: «Чем выше уровень технического развития общества, тем большую приоритетность приобретает вопрос общественно-гуманитарного развития как отдельных интеллектуально одарённых феноменов, так и их групп самого различного целеформирования». Весь вопрос в том, что рост технологической мощи довольно легко измеряем, а понятие «гуманитарная мощь» фактически не поддается определению. Вместо этого при рассмотрении гуманитарного суверенитета предлагается использовать понятие «гуманитарная созидательность». *Гуманитарная созидательность* — это деятельность в области гуманитарного развития, направленная на создание или развитие чего-либо нового и практически полезно-

го и ориентированная на благо общества и окружающей среды. Отметим, что сочетание высокой степени субъектности и гуманитарной созидательности цивилизационного суверенитета государства является важнейшей предпосылкой для обретения этим государством не только технологического, но и морального лидерства. Именно это состояние Л.Н. Гумилев называл пассионарностью.

В понятие гуманитарной созидательности входят следующие элементы:

- ценностная основа — возможность оценивать феномены окружающего мира и себя как субъекта деятельности в этом мире. Именно поэтому современная цивилизационистика вводит понятие «интеллектуально одарённый феномен»¹ (ИОФ), которое во многом заменяет понятие «человек» с его биологической подоплёкой [4, с. 51];
- стремление к саморазвитию — развитие талантов и способностей, обучение новому и совершенствование

¹ Интеллектуально одарённый феномен — это системное, качественно своеобразное сочетание высоких общих и/или специальных способностей (интеллектуальных, творческих, познавательных), психофизиологических особенностей и личностных черт, которое позволяет человеку демонстрировать выдающиеся достижения или потенциальные возможности в одной или нескольких сферах деятельности (интеллектуальной, художественной и др.).

навыков, и прежде всего прогностического характера, что переводит ИОФ в состояние цивилизационной устремлённости;

- ответственность — осознание значимости своих действий и последствий, которые они могут иметь для общества, а также того, как это отзовется в долгосрочной перспективе и на цивилизационном обновлении;
- уважение к другим людям — умение слушать и воспринимать идеи других людей, работать в команде и тем самым участвовать в процессах цивилизационного строительства.

Одновременно требуется обозначить некоторые принципы, определяющие гуманитарную созидательность:

- гуманность — стремление помочь людям, облегчить их страдания, при понимании того, что не всегда помощь может идти во благо;
- беспристрастность — гуманитарная созидательность основывается исключительно на потребностях людей и не носит дискриминационного характера, при этом следует понимать, что цивилизационная беспристрастность весьма далека от беспристрастности Фемиды;
- нейтральность — гуманитарная созидательность не используется чьей-либо стороной в военных действиях или в спорах политического, расового, религиозного или идеологического характера;
- независимость — гуманитарная созидательность свободна от каких-либо экономических, политических или военных интересов дискриминирующего характера.

Сопоставление этих принципов с принципами формирования технологического суверенитета дает ответ на вопрос, почему в современном научном пространстве почти нет сведений о взаимодействии технологической мощи и гуманитарной созидательности. Более того, говорится о том, что:

- рост технологической мощи, с одной стороны, повышает внешнюю устойчивость общества, с другой — уси-

ливает ощущение всемогущества и безнаказанности, которое приводит к кризису. Возрастает социальное насилие, разрушается природная среда, снижается внутренняя устойчивость общества;

- имеет место глубокое отставание гуманитарной сферы. По мнению Э. Фромма, в современной цивилизации духовная сфера существенно запаздывает по отношению к интеллектуально-технической [14];
- превалируют навязанные извне ценности, которые не соответствуют истинному цивилизационному состоянию общества. Они связаны не с личностно-интеллектуальным развитием, а с приобщением к материальной сфере.

Современные исследователи данной проблематики считают, что восстановить баланс в развитии гуманитарного и технологического суверенитета можно только в том случае, если возросшее инструментальное могущество начнет компенсироваться совершенствованием культурно-психологических факторов-регуляторов: закона, морали, традиций, поведенческих установок и т.д. — и в конечном итоге изменении интеллектосферных доминант. Но это возможно только в том случае, если будет создана *новая фундаментальная концепция цивилизационного развития*.

Проблема более четкого обозначения методологических границ и отличия предлагаемой «новой фундаментальной концепции» от предшествующих цивилизационных теорий наталкивает на одну из самых существенных проблем формирования нового знания. Эта проблема связана с формированием понятийного аппарата. Дело в том, что научный мир негативно воспринимает новые понятия из-за устоявшихся мнений, убеждений, норм или привычных парадигм. Наиболее ярко это выражено в таком понятии, как «диалектика». Передовые ученые предлагают заменить понятие «диалектика» на «политектика» [8; 10].

Рассматривая базовые положения фундаментальной концепции цивилизационного развития (цивилизационного подхода к изучению истории), необходимо четко

различать идеи и подходы, созданные западной мыслью и исследователями, которые формировали свои системы взглядов, с одной стороны, в духе имперских представлений о развитии человечества, а с другой — при наличии малых баз данных и отсутствия технологий искусственного интеллекта. Новая эпоха требует создать новую фундаментальную концепцию цивилизационного развития.

Рассмотрим (с элементами критики) элементы существующей фундаментальной концепции цивилизационного развития.

Данная концепция включает идеи:

- **уникальности цивилизаций.** Новая концепция исходит из сложности зарождения, развития и перехода в новое состояние цивилизаций и наличия законов происходящих изменений, которые находятся в настоящее время в фазе открытия и осмысления областей их применения;
- **роли факторов и их изменчивости.** Новая концепция исходит из того, что количество факторов, которые необходимо учесть в концептуальном проектировании, стремится к неперечисляемости, что делает затруднительным использование цифровых технологий в описании цивилизационно значимых событий. Поэтому каждый проект должен строиться на формировании своего набора факторов и их последующей оптимизации с обоснованием принятых технологий редукции;
- **периодизации (цикличности) исторического развития.** Новая концепция исходит из того, что любая система, отнесённая к цивилизационной (в цивилизационистике, разрабатываемой в Университете мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, выделяют 7 уровней: наноцивилизации, мини-цивилизации, микроцивилизации, мезоцивилизации, макроцивилизации, мегацивилизации и глобоцивилизации), свои процессы формирует на основе циклов различной природы, длительности и значимости, причём каждый из циклов имеет свои типо-

вые переходные периоды, которые, накладываясь друг на друга, создают специфику развития;

- **взаимодействия цивилизаций.** Новая концепция исходит из того, что развитие базируется на изменении биологии человека, смене интеллектуальной деятельности радикальным образом и создании техносферы, что прямо влияет на эволюцию биосферы и геосферы. Именно эти процессы ответственны за взаимодействие цивилизаций. И они диктуют, какие цивилизации будут существовать далее, а какие, попав в тупик, прекратят свою рискогенную жизнедеятельность.

Положения разрабатываемой фундаментальной концепции цивилизационного развития основаны на работах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и других авторов. Новая концепция, прежде всего, разрабатывается исследователями Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского. Основные идеи фундаментальной концепции цивилизационного развития:

- цивилизация — субъект исторического процесса как социокультурный феномен, более широкий, чем этнические или национальные общности, но не охватывающий всего человечества. Согласно новой концепции, цивилизация — не только общепланетарный феномен, но и во многом космический феномен. Русский космизм открывает, с одной стороны, «двери во вселенную», а с другой — погружает в «в нано-, пико-, фемто- и аттомиры»;
- уникальность цивилизаций — они обладают уникальными чертами: языком, религией, искусством, политической системой, экономикой и социальными структурами. Согласно новой концепции любая реальность в любой момент времени специфична, построение на основе этой специфичности действительно интеллектуально одарённым феноменом (ныне с помощью ИИ) несёт свою специфику, построенная на основе этой действительности

реальность (какая реальность строится, зависит от проектной деятельности) обладает новой спецификой. Таким образом, существуют, как минимум, три взаимосвязанные, но автономные специфики, которые влияют на деятельность интеллектуально одарённого феномена;

— историческая целостность — цивилизации рассматриваются как целостные системы, которые имеют начало, развитие, расцвет и упадок. Новая концепция предлагает взгляд на целостность через призму **эмерджентизма** (науки, обобщающей эмерджентные свойства выделенных систем). Такой подход открывает возможности использования цифры при описании сверхсложных объектов, с которыми работает гуманитарный суверенитет. При этом технологический суверенитет начинает дополняться интеллектуальным суверенитетом. Интеллектуальный суверенитет сегодня рассматривается как способность цивилизации к самостоятельному самоопределению, генерации знаний и формированию собственных образов будущего в глобализированном, информационно насыщенном мире и преддверие начала перехода к новым технологиям построения властных структур;

— многомерность и многоплановость — исследование цивилизаций включает несколько аспектов, таких как экономика, политика, культура, религия и социальные структуры.

Новая концепция предлагает взгляд на данные аспекты через призму строительства цивилизации знания и риска, которая должна строиться, как минимум, на гуманитарно-технологическом балансе с использованием базовых положений интеллектуального суверенитета, который должен резко уменьшать влияние таких проблем, как:

1) зависимость от других стран. Так, страны со слабым развитием и регулированием технологий искусственного интеллекта могут оказаться за-

висимыми от более развитых в этом отношении стран, рискуя своим суверенитетом в таких секторах, как оборона, инфраструктура и здравоохранение;

- 2) угроза изоляции и отставания. Изолированность национальных систем ИИ может замедлить глобальный прогресс, усложнить совместную работу и интеграцию систем;
- 3) повторение изобретений и открытий. Странам придётся дублировать усилия, уже предпринятые другими, что неэффективно и дорого;
- 4) отсутствие честной конкуренции. Закрытость внутренних рынков может привести к созданию менее инновационных и более дорогих решений по сравнению с решениями, которые предлагают глобальные лидеры;
- 5) этические дилеммы. Суверенные ИИ могут быть запрограммированы на действия, неприемлемые с точки зрения общечеловеческих ценностей (например, массовая слежка, дискриминация по этническому или какому-нибудь другому признаку).

Введённое понятие «государственно-акмеологический суверенитет» меняет всю систему представлений о том, как должны формироваться политические системы стран. При этом меняется направленность всех акмеологических представлений. Сегодня считается, что *акмеология изучает развитие человека на ступени зрелости*, в частности достижение им наиболее высокого уровня в этом развитии, означающего сформированность качества зрелости. Но с позиций цивилизационистики этот подход следует не просто пересмотреть, а ввести его в системологическую проблематику.

Так будем рассматривать области интересов акмеологии в изменённом виде.

— Положение существующей концепции: «макрохарактеристики человека как индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности». Положение новой концепции: «Человек должен описываться нанохарактеристиками, мини-характеристиками, микрохарактеристиками,

- мезохарактеристиками, макрохарактеристиками, мегахарактеристиками и глобохарактеристиками в их системном единстве и с учётом цикличности проявления и зарождения как свойств с поэтапными изменениями».
- Положение существующей концепции: «Механизмы, условия и факторы общественно значимого функционирования групповых социальных субъектов». Положение новой концепции: «Человек рассматривается как изменяющийся актер с последовательно формирующимися разнородными характеристиками (свойствами) как особь, представитель, индивид, личность, персона авторитет и, наконец, как объективизатор».
  - Положение существующей концепции: «Наиболее значимые проявления и взаимосвязи социальных субъектов, такие как общественно значимая деятельность, жизненные отношения, творческое саморазвитие». Положение новой концепции: «Каждый актер первоначально формируется в химерной цивилизации и, находясь в ней, приобретает характеристики (свойства) с учётом происходящих процессов цивилизационного обновления/застоя».
  - Положение существующей концепции: «Профессионализм как основа полноценной включенности человека и групповых субъектов в социально-деятельностный контекст». Положение новой концепции: «Включенность акторов в социально-деятельностный (СоДе) контекст осуществляется на базе последовательной трансформации родов интеллектуальной деятельности (ИД) начиная с нулевого рода (ИД0), затем последовательно: первого рода (ИД1), второго рода (ИД2), третьего рода (ИД3), четвертого рода (ИД4), пятого рода (ИД5) и шестого рода совместно с ИИ (ИД6УИИ), причём в конкретной сложной СоДе участвуют тем или иным образом все рода» [6].
  - Положение существующей концепции: «Оптимальные «паттерны» развития и задействования творческого потенциала отдельного человека и групповых субъектов». Положение новой концепции: «Творческий потенциал отдельного актора объединяется с ТП других акторов исходя из потребностей цивилизационного строительства, что создаёт предпосылки к трансформации интеллектуально одарённого феномена в политико-интеллектуального актора».
- Влияние акмеологии на цивилизационное строительство** заключается в том, что она помогает совершенствоваться политико-интеллектуальному актору, содействует достижению им вершин в физическом, духовно-нравственном и социально-деятельностном развитии, а также гуманизирует это развитие.
- Акмеология позволяет всесторонне изучать особенности важнейшего этапа развития человека в период зрелости, что может способствовать гармонизации развития человека с учётом специфического воздействия на него социальных и технических систем.
- Таким образом, проблема гуманитарно-технологического суверенитета предстаёт как одна из ключевых для цивилизационного развития в современную эпоху. Её решение требует преодоления существующего разрыва между стремительным технологическим прогрессом и запаздывающим развитием гуманитарной сферы. Как показывает анализ, подлинный суверенитет государства в XXI веке невозможен без достижения динамического баланса между этими двумя измерениями, где технологическая мощь должна быть сбалансирована развитой системой ценностей, этических регуляторов и гуманитарной созидательностью.
- В этой связи предлагаемая новая фундаментальная концепция цивилизационного развития, интегрирующая идеи интеллектуального и государственно-акмеологического суверенитета, намечает путь к преодолению существующих противоречий. Она акцентирует необходимость перехода от статических моделей к дина-

мическим, учитывающим многомерность и сложность современных вызовов. Дальнейшая разработка данной концепции необходима не только для обеспечения национальной безопасности и независимости, но и для определения вектора устойчивого и сбалансированного развития цивилизации в целом, где человек как интеллектуально одаренный феномен сможет реализовать свой потенциал в гармонии с созданной им технологической средой.

Список литературы

1. Булавина М.А. Права человека цифровой цивилизации / М.А. Булавина, И.В. Заикина // Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. — Курск, 2023. — С. 16–20.
2. Володенков С.В. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности / С.В. Володенков, А.С. Воронов, Л.С. Леонтьева, М. Сухарева // Полилог. — 2021. — Т. 5. — № 1.
3. Глушенков В.В. Гуманитарный суверенитет: традиция или идеология // Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего. Сборник материалов регионального этапа XXXII Международных Рождественских образовательных чтений. — Псков, 2023. — С. 71–81.
4. Кирсанов К.А. Цивилизационистика: учебник и практикум в 5 т. Т. 2. Цивилизационистика и проблемы изучения интеллектуального труда в категориях истории. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2025. — 200 с.
5. Кирсанов К.А. Цивилизационное право и технологический суверенитет / К.А. Кирсанов, М.А. Булавина // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство. Материалы XV международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — М., 2025. — С. 102–112.
6. Кирсанов К.А. История и развитие мировых цивилизаций: учебник в 4 ч. Ч. 2. Человек в цивилизационном измерении и вехи некоторых исторических процессов формирования и функционирования мировых цивилизаций / К.А. Кирсанов, С.А. Попова. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — 188 с.
7. Корниенко Н.А. Гуманизация и суверенизация как стратегия реформирования и развития российского образования. Ч. 1. Суверенный путь России в образовании // Профессиональное образование в современном мире. — 2023. — Т. 13. — № 4. — С. 736–747.
8. Мойсейчик Г.И. О необходимости смены парадигмы методологии современной науки // Философия хозяйства. — 2016. — № 1(103). — С. 75–91.
9. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности (синергетика, мегаистория и антропный принцип) // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 5–19. — E-mail: <https://temnyjles.ru/Nazaretian/smysl.shtml>.
10. Осипов Ю.М. Полилектика // Философия хозяйства. — 2009. — № 2(62). — С. 208–211.
11. Суверенная безопасность России. Сб. актуальных публикаций. — М.: МСАНОИК, 2018. — 178 с.
12. Укрепление экономического суверенитета России в условиях внешних вызовов: коллективная монография / под ред. А.В. Русавской. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2024. — 196 с.
13. Фромм Э. Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии / пер. Т.В. Панфиловой. — М.: АСТ, 2006. — 288 с.
14. Freedен M. Ideologies and political theory: A conceptual approach. — Oxford: Clarendon press, 1996. — 592 p.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-449-30-37
УДК 327

О.А. Овсянникова

кандидат педагогических наук, доцент,
Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Москва

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ**

O.A. Ovsyannikova

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Center for National Security Problems, Moscow
E-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

**SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE
AS A TOOL FOR PROTECTING THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE NEAR FUTURE**

Аннотация. Актуальность темы обусловлена стратегическими задачами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях обострения международной ситуации и расширения военной инфраструктуры НАТО у границ страны. В рамках этих вызовов Специальная военная операция выступает как важный инструмент защиты национальных интересов и обеспечения безопасности России. Её цели тесно связаны с задачами по нейтрализации угроз, исходящих от расширения военной инфраструктуры НАТО и милитаризации Украины, которая используется как плацдарм для нанесения ущерба интересам России. Статья подчеркивает, что Специальная военная операция является не только военной операцией, но и комплексным инструментом, объединяющим военные, экономические и культурные меры для формирования долгосрочной архитектуры безопасности и стабильности. В условиях формирования реальных угроз жизни и безопасности граждан, расширение НАТО и создание враждебной «Анти-России» на границах России воспринимаются как неприемлемые. В этом контексте проведение Специальной военной операции является необходимым шагом для защиты национальных интересов, суверенитета и территориальной целостности страны, а также обеспечения её стратегической безопасности в условиях глобальной конфронтации.

Ключевые слова: Специальная военная операция, Украина, национальная безопасность, НАТО, демилитаризация, денацификация, Россия, внешняя политика, безопасность, военная инфраструктура, стратегические интересы.

Abstract. The relevance of the topic is determined by the strategic objectives of ensuring the national security of the Russian Federation in the context of an escalating international situation and the expansion of NATO's military infrastructure near the country's borders. Within the framework of these challenges, a Special military Operation acts as an important tool for protecting Russia's national interests and ensuring its security. Its goals are closely related to the tasks of neutralizing threats emanating from the expansion of NATO's military infrastructure and the militarization of Ukraine, which is being used as a springboard to harm Russia's interests. The article emphasizes that a Special military Operation is not only a military operation, but also a comprehensive instrument combining military, economic and cultural measures to form a long-term architecture of security and stability. In the context of the formation of real threats to the life and security of citizens, the expansion of NATO and the creation of a hostile «Anti-Russia» on Russia's borders is perceived as unacceptable. In this context, conducting a Special military Operation is a necessary step to protect the national interests, sovereignty and territorial integrity of the country, as well as to ensure its strategic security in the context of global confrontation.

Key words: Special military operation, Ukraine, national security, NATO, demilitarization, denazification, Russia, foreign policy, security, military infrastructure, strategic interests.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ [1], утверждённой в 2021 году, ключевыми интересами России являются сбережение народа, укрепление технологического и финансового суверенитета, а также защита территориальной целостности и суверенитета. Эти приоритеты напрямую связаны с необходимостью противодействия угрозам на ближних рубежах страны. В 2022–2025 гг. обострение конфронтации с коллективным Западом, расширение военной инфраструктуры НАТО у границ РФ и поддержка Украины как «Анти-России» создали комплексные вызовы, требующие оперативного реагирования.

По оценкам Совбеза РФ, без действий на украинском направлении к 2030 году Европа планировала быть готовой к полномасштабному конфликту с Россией. Специальная военная операция (СВО) сохраняет актуальность как многофункциональный инструмент, синхронизирующий военные, экономические и культурные аспекты национальной безопасности. Её цели коррелируют со Стратегией нацбезопасности: создание условий для устойчивого развития РФ, нейтрализация ближних угроз и формирование архитектуры долгосрочной стабильности.

Результаты исследования

Усиление украинского кризиса вызвало у России острые вопросы по защите национальной безопасности и реализации её интересов. Эта ситуация стала логическим следствием политики украинского режима, который пришёл к власти в результате государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года. Новые власти начали подчинять национальные интересы Украины интересам США, превращая страну в открыто враждебное по отношению к России государство.

Главным следствием этого переворота стало то, что ранее скрытые процессы обрели системный характер. Среди наиболее существенных изменений выделяются следующие: эрозия конституционных гарантий прав и свобод граждан, проявление дискриминации по этническому, религиозному и языковому признакам,

формирование этнократической системы управления, подавление оппозиционных взглядов, применение внесудебных мер воздействия и усиление криминализации общественной жизни, вплоть до эскалации бандитизма. Параллельно наблюдались утрата независимости судебной власти и её подчинение исполнительным органам. Независимые и оппозиционные медиа были ликвидированы, а представители журналистского сообщества подверглись преследованиям. Отмечены реанимация неонацистской идеологии с героизацией коллаборационистов, повсеместная милитаризация социума и делегирование управления ключевыми политическими и социально-экономическими процессами внешним акторам.

На фоне ухудшения экономического положения, сокращения численности населения и значительного оттока граждан, ищущих работу за рубежом, происходили эти трансформации. Ключевым направлением политики киевских властей стало продвижение антироссийских настроений как внутри страны, так и на мировой арене. На протяжении более чем восьми лет после смены власти Украина последовательно демонстрировала недружественное отношение к России, обращаясь к международному сообществу за поддержкой в противостоянии «агрессии» и проведении «реформ».

С 2014 года внешняя политика Украины строится на антироссийской риторике, которая стала ключевым элементом её стратегии. Украина заняла позицию, направленную на провоцирование России, и, согласно данной оценке, успешно выполняла эту роль. Характерными чертами её политики были активная кампания по дискредитации России, распространение недостоверной информации антироссийского характера и стремление нанести ущерб России в политической, экономической и информационной сферах. На протяжении всего этого периода последовательно реализовывалась идея «Украина как противовес России». По мнению французского экономиста и экс-главы МВФ Доминика Стросс-Кана, для получения чего-либо необходимо предложить что-то взамен. Он считает, что Украина не принесла ни-

чего, кроме негативных эмоций, и предала Россию, которая её поддерживала. Стросс-Кан подчеркнул, что эта ситуация известна всему миру¹. Действия украинских властей с февраля 2014 года действительно могут быть интерпретированы как враждебные и имеющие черты военного противостояния.

Возрождение украинского радикального национализма, представлявшего угрозу как для России, так и для мирового сообщества, стало причиной роста антироссийских настроений на Украине. Этот национализм провозглашал превосходство украинской нации и ее представителей над русскоязычными и другими группами населения, что приводило к дискриминации по национальному и языковому признаку. Нарушение конституционных и международных норм, в частности лишение права на образование и информацию на родном языке, а также гарантий безопасности, по своей сути напоминало нацистскую практику 1930–1940-х годов в Германии.

В общественно-политической жизни Украины стали обыденностью массовые факельные шествия с портретами нацистских преступников, героизация пособников нацизма и унижение ветеранов Великой Отечественной войны, осквернение памятников советским воинам-освободителям, насильственное выселение жителей Донбасса и внесудебные расправы над теми, кто имел иное мнение.

В то же время на Украине возникали и набирали силу националистические вооруженные формирования, такие как «Азов», «Донбасс» и «Торнадо», чья структура и символика вызывали ассоциации с нацистской Германией. Использование символики, схожей с той, что использовали нацисты и их украинские коллаборационисты, было широко распространено. Приверженность этих формирований неонацистской идеологии, их символика и действия на Донбассе были настолько явными, что даже Конгресс США, несмотря на поддержку им украинского правительства, признал некоторые из них проблемными.

Параллельно с этим предпринимались активные попытки идеологической обработки детей и молодежи. Сообщалось о создании лагерей в отдельных регионах Украины, где детей обучали ненависти и насилию по отношению к русским. В школьные программы внедрялись идеи исключительности украинской нации, ее превосходстве и исторической вражде с Россией и русскими.

В феврале 2014 года Украина взяла курс на утверждение идеологии, схожей с нацистской, применяя методы подавления инакомыслия и дискриминации русскоязычных граждан. Так, начиная с 2014 года Верховная Рада приняла более 400 законов, которые ущемляют права русскоязычного населения. Это приводит к размыванию различий между украинскими националистическими группировками и нацистскими, фактически представляя украинский радикальный национализм как разновидность современного европейского неонацизма [2, с. 68].

После 2014 года на Украине наблюдается вовлеченность правоэкстремистских и неонацистских групп в различные события, включая вооруженный конфликт на Донбассе и другие инциденты в Киеве, Одессе, Харькове и других регионах. Эти группы, состоящие из украинских и иностранных граждан, оказывают влияние, которое, по некоторым данным, может распространяться за пределы Украины.

К началу 2020-х годов в сердце Европы сформировалось государство, чья политическая модель строилась на принципах превосходства украинской нации и нетерпимости к другим народам. Этот процесс сопровождался масштабной милитаризацией, что вызывало параллели с нацистской Германией. Примечателен тот факт, что, будучи одной из беднейших стран Европы, Украина демонстрировала беспрецедентные для континента расходы на оборонные нужды.

После событий 2014 года США и НАТО существенно изменили свою политику в отношении Украины, начав масштабные поставки вооружений и военной техники.

¹ Доминик Стросс-Кан — официальному Киеву: Вы, кроме злобы и ненависти, никому ничего не дали. Вы предали Россию // URL: <https://www.kp.ru/daily/26326/3209730> (дата обращения: 19.09.2025).

До февраля 2022 года американская военная помощь Украине составляла около 2,7 миллиарда долларов. Однако после начала российской Специальной военной операции финансирование американских военных программ для Украины резко увеличилось, превысив уже в марте 2022 года 13,6 миллиарда долларов. В мае 2022 года президент Байден утвердил выделение дополнительной военной помощи Украине в размере 40 миллиардов долларов².

С начала СВО России 24 февраля 2022 года и по конец 2024 года США предоставили Украине военную помощь на общую сумму 65,9 миллиарда долларов. Некоторые источники оценивают эту цифру примерно в 60 миллиардов долларов, что в полтора раза больше годового бюджета Украины. Согласно данным Кильского института мировой экономики, общая американская поддержка Украины за тот же период (до 31 декабря 2024 года) составила 122,06 миллиарда долларов (114,15 миллиарда евро). Из этой суммы 67,5 миллиарда долларов были направлены на военные нужды, 49,04 миллиарда – на финансовую поддержку, и 3,6 миллиарда – на гуманитарную помощь³.

Украина получает военную поддержку не только от США, но и от большинства стран НАТО и союзников Америки. Великобритания выделяется среди доноров своей давней и активной помощью. Подтверждением этому служит соглашение от 13 ноября 2021 года, предоставившее Украине льготный кредит в 1,7 миллиарда фунтов стерлингов на закупку вооружений и развитие военно-морского флота⁴. Помимо этого, Великобритания напрямую инвестирует в украинские военные программы. Британская поддержка Украины началась в феврале 2014 года, вскоре после смены власти в Киеве. В том же году был

запущен Фонд содействия стабильности и безопасности в условиях конфликтов, управляемый ключевыми британскими ведомствами. Фонд, уделявший внимание Восточной Европе, Центральной Азии и Балканам, с 2017 по 2021 год направил Украине более 61 миллиона фунтов стерлингов на модернизацию армии и обучение военнослужащих. В результате около 22 тысяч украинских солдат прошли подготовку по программам Фонда⁵.

По настоянию Соединенных Штатов другие страны «коллективного Запада» и международные структуры, чья деятельность не должна быть связана с подобными действиями, вынуждены предоставлять Украине финансовую помощь для военных целей. Выделение, например, миллиарда евро из Европейского фонда мира на эти нужды воспринимается как недопустимое. Общая картина финансирования военных потребностей Украины свидетельствует о создании своеобразной системы принудительных отчислений со всего «коллективного Запада» для милитаризации страны.

На протяжении продолжительного периода западные государства систематически снабжали Украину вооружением и содействовали развитию ее наступательных возможностей. Помимо поставок вооружений, американские и натовские военные активно изучали украинскую территорию для своих оперативных и стратегических планов. На украинских полигонах, в рамках различных учений, проходила подготовка военнослужащих стран НАТО, в дополнение к присутствию многочисленных военных советников и инструкторов. С 2014 года на Украине было проведено свыше 50 военных учений как в двустороннем формате с США, так и в многостороннем с участием членов НАТО. Эти учения часто включали отработку сценариев, на-

² История военной помощи США Украине // URL: <https://tass.ru/info/23299817> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Какую военную помощь США успели оказать Украине за три года // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/05/1096097-ssha-uspeli-okazat?from=copy_text (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ Киев подписал рамочное соглашение о военно-морском партнерстве с Лондоном // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12915375> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵ «Прямое внешнее управление»: Британия за четыре года потратила £61,3 млн на подготовку украинских пехотинцев // URL: <https://russian.rt.com/world/article/969526-britaniya-ukrainadonbass-finansirovanie-voina?ysclid=mgzflgzq4k36504583> (дата обращения: 20.10.2025).

правленных на противодействие России. Например, в ходе учений «Объединенные усилия — 2020» отрабатывались действия, предполагающие нанесение ударов по российской территории, а американские бомбардировщики В-52 имитировали ядерный удар по Крыму⁶.

В 2021 году НАТО значительно активизировала свою военную деятельность на Украине, которая приобрела все более открытый характер. Было проведено восемь учений, явно ориентированных на противодействие России. На 2022 год планировалось еще десять масштабных учений с участием американских и натовских войск, а также военнослужащих из Швеции. К началу 2022 года на Украине находился значительный контингент иностранных военных инструкторов — около четырех тысяч человек из США, Великобритании, Польши и других стран НАТО.

После визита В. Зеленского в Лондон в 2020 году при поддержке США и НАТО на Украине развернулось активное строительство военной инфраструктуры. К началу 2022 года, по имеющимся данным, уже функционировали три объекта, тесно связанных с НАТО: Яворовский полигон, пункт управления флотом в Очакове и порт Южный в Одесской области. Утверждается, что США принимали непосредственное участие в создании военных объектов для украинской армии в Мариуполе и Северодонецке, возможно с прицелом на их дальнейшее использование⁷.

Эти шаги, по мнению некоторых учёных, способствовали фактической интеграции Украины в структуры НАТО, несмотря на отсутствие официального членства.

Россия выразила серьезную обеспокоенность в связи с деятельностью сети секретных биологических лабораторий

на Украине, которые, как утверждается, финансируются Министерством обороны США. По имеющимся данным, на Украине функционировало около 36 таких объектов⁸.

Российское оборонное ведомство выдвинуло обвинения, согласно которым в украинских лабораториях проводились исследования с применением смертельно опасных патогенов, таких как возбудители чумы, сибирской язвы, туляремии и холеры. Российская сторона считает, что существование на Украине объектов биологических исследований является доказательством разработки биологического оружия. Представители Государственного департамента США, включая В. Нуланд, признали наличие таких объектов, но выразили обеспокоенность возможностью их захвата российскими войсками и заявили о принятии мер для их защиты⁹.

США и их союзники намеренно провоцировали Украину на конфликт с Россией, поставляя оружие и обещая полную поддержку. Конечной целью было использование Украины в качестве инструмента для нанесения максимального ущерба России. Очевидна аналогия с политикой Запада в отношении нацистской Германии. Вместо сдерживания нацизма Запад фактически поддерживает «неонацистские» силы на Украине, превращая страну в военный плацдарм против России.

Укрепление украинской армии и её подготовка способствовали тому, что украинское руководство стало пренебрегать достигнутыми договорённостями, в частности Минскими соглашениями, и наращивать провокационные действия в отношении России. В украинском информационном поле отношения с Россией представлялись исключительно как состояние войны, и это видение транслирова-

⁶ В-52 над Одессой и ядерный удар по Крыму. Как прошли учения Украины и НАТО на «заднем дворе России» // URL: <https://strana-ua.turbopages.org/strana.ua/s/news/291277-uchenija-nato-v-ukraine-23-sentjabrja-2020.html> (дата обращения: 19.09.2025).

⁷ По стандартам НАТО: Украина строит военные базы в Донбассе // URL: <https://www.kp.ru/daily/28345/449190> (дата обращения: 2.10.2025).

⁸ Фаучи ставил опыты на детях: На Украине действовало 36 американских биологических лабораторий // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2025/08/27/fauchi-stavil-opyty-na-detyah-na-ukraine-deystvovalo-36-amerikanskih-biolaboratoriy> (дата обращения: 20.10.2025).

⁹ Путин напомнил о подлетном времени ракет НАТО в случае вступления Украины // URL: <https://ria.ru/20210609/nato-1736367547.html?ysclid=l63f5u5ssw403131355> (дата обращения: 19.09.2025).

лось международному сообществу. Активно велась работа по дискредитации России и нанесению ей ущерба в различных сферах. Особое внимание уделялось противодействию проекту «Северный поток-2» и другим экономическим инициативам с участием России. К этому добавлялись случаи незаконного изъятия собственности у российских граждан и компаний, а также их дискриминация. С 2014 года наблюдалось нарастание напряженности. С момента государственного переворота в феврале 2014 года Украина проводила враждебную политику и вела необъявленную войну против России и её граждан.

Руководство России военное оснащение приграничных украинских территорий, которое могло быть передано в распоряжение НАТО, рассматривало как серьезную угрозу. В частности, существовали опасения относительно возможного развертывания американских ракет средней и малой дальности. Такое размещение создавало бы реальную опасность для стратегических объектов России, поскольку время подлёта ракет в случае их запуска с этих позиций сократилось бы до критических 5–7 минут¹⁰.

После получения обещаний значительной военной помощи от США в сентябре 2021 года президент Украины В. Зеленский начал действовать провокационно. По нашему мнению, эти действия были направлены на эскалацию конфликта с Россией и, возможно, на развязывание войны, с расчетом на поддержку США и НАТО. Особо выделяется заявление В. Зеленского на Мюнхенской конференции 16 февраля 2022 года о возможности отказа Украины от безъядерного статуса, закрепленного Будапештским меморандумом. Таким образом, украинское руководство сознательно обостряло отношения с Россией, тем самым втягивая ее в военное противостояние. Дальнейшие события свидетельствовали о создании в приграничных районах Украины прямой и системной военной угрозы.

Размещение войск альянса вблизи российских границ воспринималось Россией как серьезный вызов. Москва была обеспокоена тем, что и украинское руководство, и НАТО активно стремились к реализации

этого сценария. При этом генеральный секретарь НАТО Столтенберг дал понять, что мнение России о недопустимости расширения альянса в сторону ее границ не имеет значения и вопрос о членстве Украины будет решаться без учета позиции Москвы. Ожидалось, что окончательное решение будет принято на саммите в Мадриде в июне 2022 года. В случае реализации этого сценария Россия могла столкнуться с размещением натовских войск на украинской территории, включая Черноморское побережье, что фактически превратило бы Черное море в зону влияния НАТО и создало бы прямую угрозу для ключевых российских объектов.

Решающим фактором, определившим дальнейший ход событий, было открытое усиление Украиной военного потенциала на территориях Донецкой и Луганской Народных Республик. По нашему мнению, это наращивание, сопровождавшееся заявленной целью силового подавления и уничтожения русскоязычного населения, стало поворотным моментом. Мы настаиваем, что в течение семи лет после подписания Минских соглашений в феврале 2015 года Украина последовательно саботировала их выполнение. Интерпретируя заявление президента Зеленского о «дипломатическом болоте» Минского процесса, мы видим в этом свидетельство стремления Киева использовать этот период для подготовки к военному подавлению жителей Донбасса, которые не поддержали государственный переворот 2014 года. В этот период на подконтрольных Украине территориях были возведены мощные укрепления, рассчитанные на полномасштабные боевые действия, а все украинские вооруженные формирования были мобилизованы в зоне конфликта. Согласно имеющимся данным, включая официальные документы украинских силовых структур и информацию об усилении военной активности на Донбассе, планировалось наступление на Донецкую и Луганскую Народные Республики. Это наступление было намечено на 8 марта 2022 года. С декабря 2021 года наблюдались практически ежедневные обстрелы населенных пунктов

¹⁰ Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news>.

ДНР и ЛНР с использованием тяжелого вооружения, в то время как США и их союзники наращивали поставки летального оружия Украине.

Украинское руководство, наряду с США, Великобританией, НАТО и ЕС, предприняло шаги, которые были направлены на умышленное усиление напряженности в зоне конфликта на Донбассе и провоцирование России. Предполагалось, что Россия, столкнувшись с санкциями, не решится поддержать республики Донбасса. Однако эти расчеты, как украинской стороны, так и их западных союзников, оказались ошибочными. В ответ 21 февраля Президент России В.В. Путин признал независимость Донецкой и Луганской Народных Республик и подписал с ними договоры о дружбе и взаимопомощи.

24 февраля 2022 года Президент В.В. Путин в своем Обращении к гражданам России сообщил о решении начать Специальную военную операцию на территориях ДНР и ЛНР, подчеркивая, что у России не осталось других вариантов, чтобы защитить страну и ее граждан. Глава государства отметил, что текущие обстоятельства требовали немедленных и решительных действий, особенно после обращения народных республик Донбасса за помощью. В соответствии со статьей 51 Устава ООН и на основании разрешения Совета Федерации было принято решение о начале специальной военной операции, опираясь на договоры о дружбе и взаимопомощи с ДНР и ЛНР.

Операция была заявлена как средство защиты русскоязычного населения Украины, которое подвергалось геноциду и притеснениям со стороны киевского режима на протяжении восьми лет. Среди других заявленных целей — демилитаризация и денацификация Украины, а также преследование лиц, обвиняемых в преступлениях против мирных жителей, включая россиян.

Специальная военная операция — достаточно новое для отечественной военно-политической практики явление. В настоящее время его определение рассматривают в узком и широком смысле.

В узком смысле специальная военная операция — это форма военных действий. В широком смысле — это «совокупность согласованных по целям, задачам, месту и времени специальных действий войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану для достижения определенных целей» [3].

Российское руководство мотивировало специальную военную операцию на Украине защитой населения Донбасса, а также необходимостью обеспечения национальной безопасности России, которая, по мнению Президента Путина, оказалась под угрозой из-за безответственной политики Запада. По этой причине, как было указано в Обращении, Запад сосредоточил свои усилия на реализации идеи «Drang nach Osten», вовлекая Украину в НАТО и размещая на её территории ударные возможности, угрожающие ключевым регионам России. Попытки российского руководства добиться от США и их союзников согласия по вопросу европейской безопасности и ограничения расширения альянса не увенчались успехом¹¹.

Президент России провёл параллели между современным расширением НАТО и экспансией нацистской Германии на Восток, отметив, что Советский Союз стремился избежать конфликта в довоенные годы, что привело к значительным потерям в начале войны. Также подчёркивалось, что сегодня территория Украины фактически передана в распоряжение «коллективного Запада», что представляет собой прямую угрозу приближения военных сил к границам Курска, Орла и Белгорода.

Вывод

Дальнейшее расширение инфраструктуры НАТО и военное освоение украинских территорий становятся неприемлемыми для России. Украина по-прежнему остается главным геополитическим «призом» для Евросоюза и Соединенных Штатов. Россия также не может уступить позиции в соседнем государстве просто потому, что значительная часть его населения составляют этнические русские и экономика создавалась

¹¹ Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news>.

не американцами и европейцами, а общим усилиями народов Советского Союза.

Также считается недопустимым создание на соседних территориях недружественной «Анти-России», находящейся под внешним контролем и оснащенной современным вооружением. Таким образом, согласно Обращению Президента России В.В. Путина, главной целью Специальной военной операции стало устранение угроз национальной безопасности, возникших в результате агрессивной политики Запада по усилению военной инфраструктуры на границах России. Поводом для действий стали нацификация и милитаризация Украины как средство для нанесения вреда российским интересам, а ответной мерой стало проведение операции по её де-нацификации и демилитаризации.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5.07.2021. — № 27 (часть II). — Ст. 5351.
2. Бочарников И.В., Овсянникова О.А. Украинский кризис: истоки, реалии и тенденции развития // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России. — М.: Экон-информ, 2022.
3. Литвиненко В. Сущность категорий «Война» и «Специальная военная операция» // Армейский сборник — 2022. — № 07. — URL: <https://army.ric.mil.ru/Statii/item/420019/> (дата обращения: 31.10.2025).

DOI 10.24412/2587-6236-2025-449-38-46
УДК 327

С.А. Семедов

доктор философских наук, профессор,
Институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

В.А. Владиславская

кандидат политических наук, доцент,
Институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ДИПЛОМАТИИ

S.A. Semedov

Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Management,
RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow
E-mail: sa-semed@mail.ru

V.A. Vladislavskaya

PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Institute of Management,
RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow
E-mail: experiment@bk.ru

MODERN TOOLS OF RUSSIAN YOUTH DIPLOMACY

Аннотация. В статье рассматриваются современные инструменты российской молодежной дипломатии, их специфика и эффективность в условиях геополитической нестабильности. Основное внимание уделено ключевым механизмам и стратегиям, используемым государством для вовлечения молодежи в международное сотрудничество. Авторы применяют историко-аналитический подход, выделяя этапы эволюции молодежных движений в России. Результаты исследования показывают рост популярности программ международного обмена, культурно-просветительских акций и волонтерских проектов. Подчеркивается важность комплексного подхода к работе с молодежью, предлагаются рекомендации по улучшению механизмов молодежной дипломатии. Выводы подтверждают значимость российской модели молодежной дипломатии в достижении стратегических внешнеполитических интересов и подчеркивают необходимость продолжения усилий по привлечению молодежи к международному диалогу и партнерским отношениям.

Ключевые слова: молодежная дипломатия, международное сотрудничество, молодежные движения, международные форумы, имидж России.

Abstract. The article examines the current tools of Russian youth diplomacy, their specifics, and their effectiveness in the context of geopolitical instability. The focus is on the key mechanisms and strategies used by the state to involve young people in international cooperation. The authors employ a historical and analytical approach, highlighting the stages of the evolution of youth movements in Russia. The research findings demonstrate the growing popularity of international exchange programs, cultural and educational activities, and volunteer projects. The article emphasizes the importance of a comprehensive approach to working with young people and provides recommendations for improving the mechanisms of youth diplomacy. The findings confirm the importance of the Russian model of youth diplomacy in achieving strategic foreign policy interests and emphasize the need to continue efforts to involve young people in international dialogue and partnerships.

Key words: youth diplomacy, international cooperation, youth organizations, international forums, Russia's image.

Актуальность изучения инструментов российской молодежной дипломатии обусловлена рядом факторов, отражающих

современные тенденции развития международного сотрудничества. Во-первых, молодежь играет ключевую роль в формиро-

вании общественного мнения и будущего политических процессов¹. Во-вторых, активное участие молодых лидеров в международном диалоге способствует укреплению межкультурного взаимопонимания и созданию устойчивого мира. Изучение специфики и оценки эффективности современных инструментов российской молодежной дипломатии позволяет сформулировать перспективные направления и формы межгосударственного взаимодействия, способствующие достижению российских стратегических внешнеполитических интересов, а также решения глобальных проблем.

Молодежная дипломатия представляет собой особую форму внешней политики государства, направленную на привлечение молодого поколения к участию в международно-политическом процессе посредством организации образовательных контактов, культурных мероприятий, волонтерских проектов и прочих инициатив. Значение молодежной дипломатии заключается в формировании и развитии долгосрочных партнерских и доверительных связей, повышении уровня интеграционных процессов между народами и создании условий для реализации потенциала молодых людей в интересах мирового сообщества.

Целью молодых дипломатов являются формирование позитивного образа своей страны, продвижение государственных интересов и культурно-нравственных ценностей, укрепление позиций на международной арене. Российские подходы к молодежной дипломатии характеризуются комплексностью, разнообразием форм и методов работы, использованием инновационных технологий и активизацией участия общественных организаций и НКО. Особый акцент делается на развитии лидерского потенциала молодежи, повышении уровня информированности о достижениях и возможностях России, на создании площадок для диалога и сотрудничества между представителями разных стран.

Таким образом, исследование современных инструментов российской молодеж-

ной дипломатии представляется важным и актуальным направлением научных исследований, позволяющим глубже понять механизмы формирования и реализации молодежной политики государства, а также предложить рекомендации по повышению ее эффективности в условиях быстро меняющегося мира.

Исторический опыт развития молодежных движений и организаций в международном сотрудничестве

1. Советский период: зарождение молодежного движения

Первые шаги в организации молодежного сотрудничества были предприняты еще в советский период. Одним из ключевых институтов стала Всесоюзная пионерская организация имени Ленина, основанная в 1922 году. Она активно участвовала в обменах с зарубежными сверстниками, организовывала международные лагеря и конференции, формируя первые формы молодежного межгосударственного взаимодействия [4].

Особого внимания заслуживает Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проведенный в Москве в 1957 году. Этот крупный международный проект стал воплощением дружбы народов, культурного взаимодействия и мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами. Фестивали проводились на регулярной основе, привлекая миллионы молодых людей из разных уголков мира и способствуя формированию позитивного восприятия СССР среди молодежи планеты.

2. Постсоветская Россия: адаптация и модернизация инструментов

После распада Советского Союза российские молодежные организации начали адаптироваться к новым внешнеполитическим реалиям и международным услови-

¹ Историческая справка (По материалам доклада «Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала», подготовленного специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по заказу Федерального агентства по делам молодежи в 2013 году) // URL: <http://youthrussia.ru/wpcontent/>

ям. Они стали активно участвовать в интеграционных процессах в Европе и Азии, а также налаживать сотрудничество с международными структурами, такими как ЮНЕСКО, Совет Европы и ООН.

В 1991 году было основано Российское движение молодёжи (РСМ), которое стало правопреемником советских традиций и успешно адаптировалось к новым условиям демократического общества. РСМ активно участвовало в реализации проектов совместно с иностранными партнёрами, направляя усилия на укрепление культурных и образовательных контактов.

Кроме того, российские молодые активисты начали интегрироваться в структуры Европейского союза молодёжи, участвуя в программах Erasmus+, Европейской волонтерской службы и иных инициативах, направленных на расширение опыта и компетенций молодых россиян.

3. Современный этап: инновационный подход и цифровые технологии

Современный этап характеризуется активным внедрением цифровых технологий и социальных сетей в практику молодёжной дипломатии. Российские государственные органы и общественные организации используют онлайн-платформы для организации виртуальных мероприятий, хакатонов, конкурсов и конференций, вовлекающих молодёжь из разных уголков земного шара².

Примером успешного внедрения современных подходов служит Российский центр науки и культуры (РЦНК), функционирующий в десятках зарубежных городов, реализуя программы поддержки русского языка и культуры, образовательные проекты и стажировки для молодых профессионалов.

Таким образом, исторический опыт российского молодёжного движения демонстрирует последовательную эволюцию от традиционных форм взаимодействия к современному цифровому сотрудничеству,

обеспечивая устойчивую основу для дальнейшего укрепления позиций России в области молодёжной дипломатии и международного партнерства.

Основные подходы к определению функций молодёжных дипломатических инициатив

Молодёжная дипломатия выполняет ряд ключевых функций, направленных на достижение следующих стратегических целей российской внешней политики.

— Информационная функция

Основная задача — распространение объективной и полной информации о культурном наследии, истории, традициях и достижениях российского народа среди молодёжи зарубежных стран. Это способствует преодолению стереотипов и предвзятых представлений, формируя положительное восприятие образа Российской Федерации в мире.

— Образовательная функция

Образовательная деятельность направлена на развитие понимания культурных различий, обучение навыкам межкультурного взаимодействия и формирование готовности молодых людей к участию в международном сотрудничестве. Молодёжные обмены, стажировки, конференции и семинары позволяют молодым людям получать новые знания и опыт, необходимые для успешного профессионального роста и личного развития.

— Коммуникативная функция

Коммуникативные мероприятия способствуют установлению доверительных контактов между молодыми людьми разных стран, развитию навыков коммуникации и переговоров. Такие контакты помогают преодолевать барьеры недоверия и непонимания, способствуя созданию прочных связей, основанных на взаимном уважении и интересе друг к другу.

— Интеграционная функция

Интеграция молодых людей в международные сообщества позволяет создать условия для эффективного участия в гло-

² Историческая справка (По материалам доклада «Молодёжь России 2000–2025: развитие человеческого капитала», подготовленного специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по заказу Федерального агентства по делам молодёжи в 2013 году). — <http://youthrussia.ru/wpcontent/>

бальных процессах и решения проблем, стоящих перед человечеством. Совместные проекты и программы содействуют интеграции российской молодежи в международное сообщество, повышая уровень взаимопонимания и доверия между народами.

Анализ существующих концепций молодежного участия в международной деятельности государств

Рассмотрим существующие концепции молодежного участия в международной деятельности и их применение в российском контексте.

Молодежная дипломатия определяется как совокупность мероприятий и инициатив, направленных на вовлечение молодых людей в международные процессы, развитие культурных связей и укрепление взаимопонимания между народами. Существуют различные теоретические подходы к пониманию роли молодежи в международной деятельности.

1. Образовательный подход

Этот подход акцентирует внимание на значимости образовательных программ и студенческих обменов, которые способствуют развитию культурного взаимопонимания и профессиональных навыков. Образование рассматривается как ключевой фактор подготовки будущих лидеров и дипломатов.

2. Политический подход

Основное внимание уделяется участию молодежи в политических процессах и формированию общественного мнения. Политическое просвещение и активность являются важными инструментами воздействия на международную политику.

3. Социальный подход

Молодежь рассматривается как активная группа, способная решать социальные проблемы и укреплять гражданское общество. Волонтерские проекты и социальные инициативы играют важную роль в развитии международного сотрудничества [7].

3. Экономический подход

Данный подход фокусируется на вовлечении молодежи в экономические процессы, включая предпринимательство и инновационные технологии. Международные бизнес-проекты и стартапы выступают платформой для развития экономических связей.

Российская молодежная дипломатия активно развивается за счет разнообразных инструментов и форматов взаимодействия.

Ключевые направления:

- организация международных форумов и конференций, таких как Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ);
- поддержка молодежных организаций и движений, которые участвуют в международном сотрудничестве;
- развитие образовательных программ и стажировок за рубежом;
- организация волонтерских проектов и социальных инициатив.

Данные практики позволяют формировать положительный образ России среди молодого поколения зарубежных стран, способствовать культурному диалогу и развивать профессиональные компетенции молодых россиян.

Анализ существующих концепций молодежного участия в международной деятельности позволяет сделать вывод о значимости интеграции молодых людей в глобальные процессы. Российские инструменты молодежной дипломатии демонстрируют эффективность и потенциал для дальнейшего развития.

Координация российского молодежного сотрудничества

Координация международного сотрудничества молодежи осуществляется несколькими ключевыми ведомствами и структурами.

Министерство иностранных дел Российской Федерации (МИД) играет центральную роль в разработке и реализации внешней политики государства, включая молодежную дипломатию. МИД взаимодействует с зарубежными партнерами,

организует мероприятия и поддерживает программы обмена студентами, волонтерами и специалистами. С 2001 года существует Совет молодых дипломатов МИД России. Это молодежная общественная организация, в которую входит молодежь до 35 лет³. Основные направления работы Совета: межведомственное сотрудничество, патриотическое воспитание, благотворительность, спорт, наука, культура, улучшение социально-бытовых условий жизни молодых дипломатов.

Россотрудничество. Межкультурное взаимодействие среди молодежи получает значительное развитие благодаря активной поддержке Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В рамках деятельности агентства реализуются проекты, направленные на укрепление связей между молодыми гражданами РФ и представителями зарубежных стран.

Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) осуществляет комплексную поддержку инициатив молодых граждан Российской Федерации, направленную на их интеграцию в международное сообщество и реализацию проектов, способствующих развитию лидерских качеств и профессиональных компетенций. Агентство также выполняет функции координатора участия молодежи в крупных международных форумах и конференциях, что способствует формированию и продвижению российской молодежи на международной арене.

Региональные структуры. Помимо федеральных ведомств важную роль играют региональные органы власти, которые формируют собственные стратегии развития молодежного потенциала региона и поддерживают взаимодействие с иностранными партнерами. Например, создаются специализированные подразделения, занимающиеся организацией образовательных обменов, культурных мероприятий и спортивных соревнований.

Таким образом, современная структура органов власти, курирующих международное сотрудничество молодых россиян, является комплексной системой, обеспечивающей эффективное взаимодействие всех уровней управления и создающей условия для активного участия молодежи в глобальных процессах⁴.

Российские инициативы и проекты международного уровня, направленные на вовлечение молодежи

Современная российская молодежная дипломатия активно развивает разнообразные международные инициативы и проекты, способствующие вовлечению молодых людей в глобальные процессы и укрепление межкультурного взаимопонимания. Эти программы направлены на формирование позитивного имиджа России за рубежом, развитие культурных связей и расширение возможностей карьерного роста и профессионального развития молодежи [6].

Основные формы реализации инициатив следующие.

Международные молодежные форумы. Одним из ключевых инструментов является проведение крупных международных молодежных форумов, таких как Международный межрелигиозный молодежный форум, Международный молодежный форум «Образование. Наука. Производство», Международный волонтерский молодежный форум, Международный медиафорум «Артек», Молодежный международный лагерь стран БРИКС, Казанский форум молодых дипломатов ОИС, Молодежный форум государств-участников СНГ и ЕАЭС [3]. Данные мероприятия служат платформой для интеграции представителей различных государств, предоставляя им возможность обмена профессиональными компетенциями, развития лидерских навыков и реализации совместных инициатив. Форумы выступают в качестве уникального коммуникативного пространства, где происходит обсуждение актуальных во-

³ Совет молодых дипломатов России. — <https://www.smd-mid.ru>

⁴ Фонд Развития Международного Сотрудничества и общественной дипломатии "СОЮЗ". — <https://union-foundation.ru>

просов международной повестки дня, что способствует формированию устойчивых партнерских отношений. Эти события играют ключевую роль в укреплении глобального сотрудничества и продвижении интеграционных процессов на международной арене.

Международные стажировки и образовательные программы играют ключевую роль в подготовке молодых специалистов. Проекты, такие как «Послы российского образования» и Global Education Fellowship, предоставляют студентам возможность учиться и работать в зарубежных университетах и организациях. Это способствует развитию их профессиональных навыков и расширению кругозора.

Послы 11 стран мира в 2025 году стали послами российского образования и науки. Global Education Fellowship предлагает опыт в координации некоммерческих программ, планировании мероприятий и вовлечении молодежи. Задача сотрудников — поддерживать инициативы в области глобального образования, включая программы для студентов и Международный образовательный саммит. Успешным примером может служить профориентационная программа для интересующихся международными отношениями Международная Школа Молодежной Дипломатии⁵. Программа рассчитана на учащихся 8, 9, 10 и 11 классов и состоит из 3 учебных сессий: базовая и языковая сессии на территории Московской области, выездная международная сессия в таких городах, как Женева, Нью-Йорк, Вена и др. Данная программа принимает 755 слушателей в год, в 16 странах мира реализованы проекты Школы, 43 региона России приняли участие в проекте с 2008 года. Еще один успешный опыт реализации российской молодежной дипломатии принадлежит проекту Academy of Youth Diplomacy⁶. Академия молодежной дипломатии представляет собой программу содействия развитию молодых талантов и реализации молодежных проектов в области международного взаимодействия.

Она служит платформой объединения свыше 14 тысяч участников, активно вовлеченных в международные образовательные программы обмена, реализуемые между Республикой Татарстан и мировым сообществом. В рамках данного проекта реализуются важные инициативы — ежегодный конкурс для нового поколения дипломатов Youth Ambassadors, Молодежный научный конгресс стран ОИС, Молодежная медиастажировка «Диалог культур: Россия — Узбекистан» и др.

Волонтерская деятельность становится важным элементом молодежной дипломатии. Молодое движение СФЕРА занимается международными волонтерскими проектами с 2007 года. Оно дает возможность поехать волонтером практически в любую страну на срок от двух недель до года, а также координирует волонтерские проекты в России. Участие в волонтерских программах предоставляет молодым людям уникальную возможность приобрести ценный опыт международного взаимодействия и внести значимый вклад в решение глобальных проблем. Эти программы способствуют развитию межкультурных компетенций, формированию навыков коллективной работы и критического мышления, а также предоставляют платформу для обмена знаниями и передовыми практиками на глобальном уровне.

Культурное сотрудничество. Информационно-культурный медиацентр БРИКС+ является совместным проектом Всероссийской библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино и Международной медиасети TV BRICS и является направленным на продвижение глобального диалога стран БРИКС+ в гуманитарно-культурной сфере. Также в 2025 году возобновился проект Международного музыкального конкурса «Интервидение». Это платформа для культурного обмена, укрепления взаимопонимания и доверия между народами, в которой принимали участие представители 20 стран.

⁵ Международная Школа Молодежной Дипломатии // Официальный сайт. — <https://мшмд.рф/index.html>.

⁶ Academy of Youth diplomacy. — <https://taplink.cc/youthdiplomacy>.

Практики интерактивного вовлечения молодежи через инновационные форматы мероприятий

Современная молодежь отличается повышенной социальной активностью, значительной степенью мобильности и выраженной потребностью в личностной реализации и индивидуальном самоопределении. Именно поэтому традиционные методы привлечения её внимания становятся менее эффективными. Эффективному вовлечению молодежи способствуют инновационные стратегии и методологии, обеспечивающие формирование привлекательных интерактивных пространств, способствующих личностному росту, коммуникации и реализации инициативного потенциала.

Интерактивные мероприятия направлены на достижение следующих целей:

- развитие лидерства: формирование активной гражданской позиции, обучение навыкам коммуникации и публичного выступления;
- формирование компетенций: повышение уровня информированности, получение практических навыков и опыта;
- укрепление командного духа: создание благоприятной атмосферы для совместной работы и укрепления дружбы среди участников;
- популяризация идей: продвижение ценностей здорового образа жизни, патриотизма, культуры и науки.

Для реализации поставленных целей применяются следующие различные инновационные формы организации мероприятий, каждая из которых обладает специфическими характеристиками и преимуществами.

Онлайн-конференции и семинары стали особенно популярными в условиях пандемии COVID-19. Они позволяют участникам общаться друг с другом независимо от географического положения. Такой формат удобен для тех, кто хочет развиваться профессионально, но ограничен временем или возможностями посещать очные встречи. Онлайн-формат позволяет увеличивать количество международных сту-

денческих конференций. В режиме видеоконференции работает проект «100 идей для СНГ». Реализация международного молодежного проекта государств — участников Содружества Независимых Государств «100 идей для СНГ», утвержденная решением Совета глав правительств СНГ от 1 июня 2018 года, преследует цель стимулирования инновационного потенциала молодых людей путем вовлечения их в решение приоритетных задач социально-экономической сферы стран — членов организации. Данный проект способствует установлению и укреплению межнациональных связей среди представителей молодого поколения, объединенных общими интересами и демонстрирующих высокий уровень творческих и научных компетенций, содействуя развитию предпринимательской и научно-технической культуры среди молодежи.

Международные кибертурниры.

В 2025 году в Коломбо прошел Международный командный кибертурнир «80 лет Победы», в котором участвовало 9 зарубежных стран. Большую часть команды составляли участники до 35 лет. Данный кибертурнир занимает 184 место в общем рейтинге и 39 место в ТОП-100 среди общеобразовательных и специализированных общеобразовательных организаций.

Фестивали и ярмарки являются уникальной платформой для культурного обмена, предоставляя возможность ознакомиться с традициями и обычаями различных регионов и стран. Эти события способствуют межкультурной коммуникации, позволяя участникам не только погружаться в аутентичную музыкальную и театральную среду, но и дегустировать национальные блюда. Культурные мероприятия такого рода выполняют важную функцию интеграции различных социальных групп, включая людей разных возрастов и профессиональных сфер деятельности. Они не только расширяют кругозор участников, но и стимулируют их интерес к изучению и пониманию многообразия мировых культур. Таким образом, фестивали и ярмарки являются важным инструментом в процессе формирования толерантного и открытого общества. Всемирный фестиваль молодежи прошел в Нижнем

Новгороде в сентябре 2025 года. Участниками стали 2000 человек, из них 1000 — иностранные граждане.⁷ Концепция слета включала тезис «Россия — центр дружбы, сотрудничества и безграничных возможностей».

Волонтерские акции и социальные проекты. Волонтерская деятельность предоставляет молодым людям возможность интегрироваться в масштабные социальные структуры, участвовать в процессах трансформации окружающей среды и оказывать поддержку уязвимым группам населения. Социальные проекты, инициируемые молодежью, играют ключевую роль в решении актуальных общественных проблем и стимулировании общественного диалога по значимым вопросам. В качестве примера можно привести Международные клубы дружбы, которые функционируют на базе программы «Культурное шефство» Всемирного фестиваля молодежи 2024 года. Эти клубы представляют собой уникальные платформы для реализации международных инициатив, способствуют развитию межкультурного сотрудничества и укреплению дружественных связей между регионами Российской Федерации и зарубежными странами.

Телемосты и видеоконференции являются высокоэффективными инструментами, обеспечивающими межкультурное взаимодействие молодежи из различных городов и стран. Данный формат коммуникации позволяет организовывать совместные образовательные мероприятия, такие как мастер-классы, лекции, семинары и дискуссионные сессии, посвященные актуальным проблемам современности. Это способствует формированию у участников чувства принадлежности к глобальному сообществу и осознанию значимости международного сотрудничества в различных сферах. Например, уникальный международный диалог состоялся в 2025 году детском лагере «Ребятчья республика» в рамках профильной смены «Дипломатия и международные отношения». Юные дипломаты из России провели телемост с представителями детских и молодежных организаций из шести стран. В мероприя-

тии участвовали представители Абхазии, Кыргызстана, Венгрии, Русского дома во Франции и др. Участники обменялись опытом работы своих организаций и обсудили перспективы международного сотрудничества. В Салехарде в 2025 году состоялся Международный молодежный телемост, посвященный 80-й годовщине Великой Победы. Участниками стала молодежь из клубов юных дипломатов Салехарда, Лабытнанги, Ноябрьска, Губкинского, Тарко-Сале, Ханымея, Волновахи, Луганска и ученики школ при Посольстве России в Китайской Народной Республике.

Практики интерактивного вовлечения молодежи через инновационные форматы мероприятий доказали свою эффективность. Внедрение современных образовательных технологий открывает новые горизонты для интенсификации учебного процесса, делая его не только информативным, но и стимулирующим когнитивное развитие учащихся. Это способствует повышению их интереса к актуальным социальным и политическим вопросам, что, в свою очередь, формирует у молодежи критическое мышление и гражданскую ответственность. В условиях стремительного развития цифровых медиа и интерактивных платформ необходимо продолжать совершенствовать существующие формы образовательного взаимодействия, учитывая эволюционирующие потребности и предпочтения молодого поколения. Такой подход позволяет адаптировать учебный процесс к новым реалиям и обеспечить его максимальную эффективность в контексте подготовки компетентных и социально активных граждан.

Российская молодежная дипломатия представляет собой ключевой механизм формирования позитивного имиджа страны на международной арене, а также укрепления культурных связей с зарубежными партнерами. Молодежная дипломатия на современном этапе приобретает особую значимость, выступая как инновационный инструмент внешней политики [1]. Применение инструментов молодежной дипломатии способствует достижению

⁷ Всемирный фестиваль молодежи. — <https://asm.wyffest.com>.

ключевых целей внешней политики Российской Федерации, включая укрепление национальной безопасности, продвижение геополитических интересов и обеспечение устойчивого развития государства в условиях глобальной нестабильности. Молодежные инициативы, направленные на развитие межкультурного диалога и международного сотрудничества, играют важную роль в формировании позитивного восприятия России на мировой арене. Таким образом, российская молодежная дипломатия является важным элементом внешней политики страны, способствующим не только укреплению международных связей, но и обеспечению устойчивого развития государства в сложных геополитических условиях [5].

Список литературы

1. Глебова А.В. Молодежная общественная дипломатия как феномен глобальной культуры / А.В. Глебова, А.Ю. Внутских // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42678212_25966927.pdf.
2. Гуличева Е.Г. Проблемы привлечения талантливой молодежи в сферу науки, высоких технологий и высшего образования / Е.Г. Гуличева, Е.В. Кузуб, С.А. Леднева, А.А. Литвинюк, М.С. Осипова, Е.А. Сысоева. — М.: Первое экономическое издательство, 2020. — 212 с.
3. МИР создаю Я. Дипломатия для детей и молодежи / В. Лаптев, Л. Тимохина. — М.: Де'Либри, 2021.
4. Митин А. Молодежная политика и молодежные организации: понятие и основные подходы // URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-suschnosti-ponyatiya-molodezh](https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-suschnosti-ponyatiya-molodezh)
5. Молодежная дипломатия и новые вызовы времени: материалы III Международной научно-практической конференции (10–12 октября 2024 года): сборник статей. — М.: Издат. дом «УМЦ», 2025.
6. Парфенова Д.С. Проблемы формирования международного имиджа Российской Федерации посредством молодежной дипломатии // Инновационная наука. — 2023. — № 5-1. — С. 136–138.
7. Сорокоумова Г.В. Развитие молодежной общественной дипломатии // Интерактивная наука. — 2018. — № 4. — С. 26.
8. Степанян В.В. Международная молодежная дипломатия в РФ как вектор постоянного развития // Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 7, июль. — С. 56–59.

И.Ю. Сомовакандидат исторических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ СССР
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД****I.Yu. Somova**PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: Innaaleftina@mail.ru**GEOPOLITICAL COMPETITION
AND THE EVOLUTION OF THE WESTERN POLICY OF CONTAINMENT OF THE USSR
DURING THE SECOND WORLD WAR AND THE POST-WAR PERIOD**

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу эволюции западной политики сдерживания Советского Союза в контексте геополитической конкуренции, развернувшейся в период Второй мировой войны и в послевоенном мироустройстве. Целью исследования является выявление причинно-следственных связей, детерминирующих формирование стратегий сдерживания, а также изучение характера и механизмов их реализации в условиях трансформации международной обстановки. Особое внимание уделяется оценке роли СССР в разгроме нацистской Германии как фактора, оказавшего существенное влияние на изменение геополитического ландшафта. В работе рассматривается вклад союзников в общую Победу над фашизмом, при этом отмечается тенденция к затягиванию открытия второго фронта, что преследовало цель ослабления Советского Союза и привело к увеличению людских потерь. Анализируются решения Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций как ключевые этапы формирования послевоенного миропорядка. Исследование направлено на выявление и анализ факторов, обусловивших переход от союзнических отношений к политике сдерживания и последующему началу периода холодной войны. В исследовании показано, что геополитическая конкуренция, зародившаяся в годы Второй мировой войны, после 1945 года приобрела качественно новый характер и эволюционировала в эпоху холодной войны, оказавшей определяющее влияние на ход мировой истории на протяжении нескольких десятилетий. Эволюция западной политики сдерживания СССР в рассматриваемый период обусловлена обострением геополитического соперничества между великими державами антигитлеровской коалиции. Стремление СССР к расширению своего влияния и распространению социалистической идеологии вступило в противоречие с американской концепцией послевоенного мироустройства, что стало катализатором трансформации союзнических отношений во враждебные и предопределило начало периода конфронтации.

Ключевые слова: политика сдерживания, холодная война, Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, послевоенное мироустройство, конференции союзников (Тегеран, Ялта, Потсдам), идеологическое противостояние, баланс сил.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the evolution of the Western policy of containing the Soviet Union in the context of the geopolitical competition that unfolded during the Second World War and in the post-war world order. The purpose of the study is to identify the cause-effect relationships that determine the formation of deterrence strategies, as well as to study the nature and mechanisms of their implementation in the context of the transformation of the international situation. Special attention is paid to assessing the role of the USSR in the defeat of Nazi Germany as a factor that had a significant impact on changing the geopolitical landscape. The paper examines the contribution of the Allies to the overall Victory over fascism, while noting a tendency to delay the opening of the Second Front, which, in the author's opinion, pursued the goal of weakening the Soviet Union and led to increased human losses. The decisions of the Tehran, Yalta and Potsdam

conferences are analyzed as key stages in the formation of the post-war world order. The research is aimed at identifying and analyzing the factors that led to the transition from allied relations to a policy of deterrence and the subsequent beginning of the Cold War period. As a result of the study, it is shown that the geopolitical competition, which originated during the Second World War, acquired a qualitatively new character after 1945 and evolved during the Cold War era, which had a decisive influence on the course of world history for several decades. The evolution of the Western policy of containment of the USSR in the period under review is due to the intensification of the geopolitical rivalry between the great powers of the anti-Hitler coalition. The USSR's desire to expand its influence and spread socialist ideology came into conflict with the American concept of the post-war world order, which became a catalyst for the transformation of allied relations into hostile ones and predetermined the beginning of a period of confrontation.

Key words: Policy of Deterrence, Cold War, World War II, Anti-Hitler Coalition, Post-war world order, Allied Conferences (Tehran, Yalta, Potsdam), Ideological confrontation, Balance of power.

Вторая мировая война, явившись беспрецедентным испытанием для человечества, оказала глубокое воздействие на судьбы всех народов мира. В середине XX века, в период с 1939 по 1945 год, решался вопрос о дальнейшем развитии мировой цивилизации и предотвращении ее деградации. Само нападение нацистской Германии, повлекшее за собой вступление Советского Союза во Вторую мировую войну, явилось катализатором фундаментальных изменений в системе международных отношений. Изначально рассматриваемый как конфликт между ведущими мировыми державами за передел сфер влияния, данный период ознаменовался сменой парадигмы и приобретением освободительного характера, направленного на противодействие нацистской идеологии и прекращение оккупационных действий. Эскалация антифашистского сопротивления способствовала консолидации усилий и формированию антигитлеровской коалиции, центральным звеном которой стало стратегическое партнерство между СССР, Соединенными Штатами Америки и Соединенным Королевством Великобритании [5].

Перегруппировка сил на международной арене негативно отразилась на стратегическом положении нацистской Германии и ее союзников. Таким образом, расчеты нацистского руководства на изоляцию СССР посредством политики «умиротворения» оказались несостоятельными. Берлин не смог адекватно оценить произошедший после поражения Франции и начала бомбардировок Англии сдвиг в системе мировых противоречий, который складывался не в пользу дер-

жав «Оси» (Германия, Италия, Япония). При этом, на начальном этапе, поворот Гитлера на восток, согласно свидетельствам современников, вызвал в Вашингтоне и Лондоне чувство облегчения, поскольку перенаправление немецкой агрессии на Советский Союз временно ослабляло давление на западные державы [3]. Важно подчеркнуть, что это не означает, что западные державы открыто поддерживали Гитлера или желали ему победы. Скорее, это отражает сложные и противоречивые чувства и стратегические расчеты, которые существовали в то время.

Результаты исследования. Агрессия Германии привела к дестабилизации существовавшего европейского порядка, сформировавшегося в течение столетий. Франция, являвшаяся одним из ключевых элементов этого порядка и баланса сил, утратила свой статус великой державы. В то время как Лондон и Вашингтон проявляли заинтересованность в переделе французского колониального наследия и недооценивали роль генерала Шарля де Голля, возглавившего движение «Свободная Франция», советское руководство, демонстрируя политическую прозорливость и учитывая исторические традиции русско-французской дружбы, признало движение де Голля и установило с ним дипломатические отношения вскоре после начала Великой Отечественной войны. В рамках советской внешней политики, направленной на формирование антигитлеровской коалиции, 26 сентября 1941 года посол СССР в Лондоне И.М. Майский передал генералу Шарлю де Голлю официальное письмо, декларирующее признание последнего в ка-

честве лидера «Свободной Франции». Данный шаг отражал стратегический интерес советского правительства в консолидации сил сопротивления нацистской Германии и предоставлении им всесторонней политической и материальной помощи [7].

Советское руководство, после вступления в войну, рассматривало открытие второго фронта на Западе как ключевой фактор для перелома в стратегической обстановке [2]. Создание ситуации войны на два фронта для Германии отвечало не только военно-стратегическим интересам СССР, но и способствовало снижению потенциального влияния западных союзников в послевоенном мироустройстве. Данная стратегия апеллировала к историческому опыту Германии, в частности к «кошмару коалиций» Бисмарка и поражению в Первой мировой войне, вызванному войной на два фронта.

Однако позиция западных союзников, в особенности Великобритании, в вопросе открытия второго фронта выявила наличие геополитических разногласий внутри антигитлеровской коалиции. Отказ Черчилля от немедленной высадки во Франции и предпочтение Ближнего Востока в качестве возможного театра военных действий отражали стремление Великобритании сохранить свои колониальные интересы и ограничить влияние СССР в Европе. Переговоры по вопросу второго фронта, затянувшиеся на длительный период, продемонстрировали сложность согласования интересов союзников и наличие скрытых мотивов, связанных с послевоенным переделом мира. Анализ сложившейся геополитической ситуации свидетельствует о том, что президент США осознавал потенциальную возможность самостоятельной ликвидации фашистского режима Советским Союзом. Осенью 1943 года Рузвельт писал своему сыну, полковнику Э. Рузвельту, следующее: «Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится» [10]. Данный сценарий привел бы к утрате Соединенными Штатами и Великобританией статуса стран-победительниц и, как следствие, к ограничению их влияния на формирование послевоенной системы международных от-

ношений. Таким образом, в сложившихся военно-политических условиях открытие второго фронта представляло взаимный интерес, выходящий за рамки исключительно советской заинтересованности.

Формирование антигитлеровской коалиции, объединившей значительное число государств, явилось свидетельством консолидации усилий в борьбе с общим антагонистом. Однако, несмотря на общую цель, участники коалиции руководствовались собственными геополитическими интересами, что обусловило сохранение разногласий и взаимных подозрений [6]. В то время как военные неудачи стимулировали обсуждение проблем послевоенного мироустройства, решение текущих военно-стратегических задач и выполнение союзнических обязательств оставались приоритетными, предопределяя сложный характер переговоров между союзниками. Вопрос об открытии второго фронта стал ареной столкновения геополитических интересов, оказав впоследствии существенное влияние на формирование послевоенного миропорядка и траекторию эволюции политики сдерживания СССР.

По мере изменения стратегической обстановки на фронтах и приближения советских войск к государственной границе, возросла уверенность союзников в способности СССР самостоятельно одержать победу над Германией. В то же время актуальными оставались вопросы сокращения сроков войны и формирования системы межгосударственных отношений в послевоенный период [9]. В указанном контексте Третью Московскую конференцию (19–30 октября 1943 года) следует рассматривать как значимый этап в укреплении англо-советско-американского взаимодействия и формировании базиса для устойчивого союза государств в послевоенный период. Несмотря на достигнутый прогресс в координации усилий, конференция не привела к разрешению фундаментальных противоречий между участниками коалиции, обусловленных различиями в концептуальных подходах к будущему мироустройству и определению роли Советского Союза в новой системе международных отношений. В газете «Правда» 2 ноября было отмечено: «Важной сторо-

ной Московской конференции является то, что она впервые дала возможность прийти к общим существенным решениям трем ведущим союзным державам»¹ [12]. Результаты Московской конференции, отмечала газета *The New York Times* 2 ноября 1943 г., превзошли самые оптимистические ожидания и должны приветствоваться как крупная победа Объединенных Наций, соизмеримая с победой на полях сражений. Рузвельт в послании Черчиллю назвал конференцию «подлинным началом британо-российско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорому поражению Гитлера» [11].

Третья Московская конференция, отличавшаяся расширенной повесткой и значительной продолжительностью, явилась важным фактором, способствующим консолидации государств антигитлеровской коалиции и выработке компромиссных решений по ряду дипломатических вопросов. Результаты конференции сформировали основу для последующей Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

К концу 1943 года, согласно оценкам маршала Г.К. Жукова, Советский Союз, продемонстрировав значительный рост военного потенциала и установив стратегическую инициативу, характеризовался меньшей зависимостью от открытия второго фронта в Европе, по сравнению с периодом 1941–1942 годов [4]. Вместе с тем советское руководство сохраняло заинтересованность в активизации военных действий западных союзников на европейском театре военных действий. Предполагалось, что скоординированные наступательные операции государств антигитлеровской коалиции будут способствовать оптимизации сроков завершения военных действий и, как следствие, минимизации людских и материальных потерь со стороны СССР.

Летом 1944 года, завершив освобождение советской территории, Красная Армия приступила к освобождению народов Европы от нацистской оккупации. Успешные наступательные операции привели к снятию блокады Ленинграда, разгрому крупных группировок войск противника

на Правобережной Украине, освобождению Крыма, Белоруссии и части Литвы, а также к дезорганизации групп армий «Центр», «Северная Украина» и «Южная Украина». К августу 1944 года советские войска в основном вышли на государственную границу СССР по состоянию на 22 июня 1941 года.

Ситуация в освобожденной Восточной Европе, характеризующаяся противоречивостью и высоким уровнем социальной напряженности, представляла потенциальную угрозу для союзнических отношений. Поиск решений для стабилизации обстановки в регионе временно актуализировал концепцию «сфер влияния», которая, несмотря на историческую критику, рассматривалась как возможный инструмент для управления сложной геополитической реальностью.

Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.) сосредоточилась преимущественно на политических аспектах послевоенного мироустройства, в частности на проблеме Германии, определив основные стратегии в отношении побежденной страны. Советская делегация решала комплексную задачу по легитимизации итогов войны, защите приобретений и сохранению единства коалиции для обеспечения безопасности СССР и установления долгосрочного мира. Наиболее острую дискуссию вызвал вопрос о политическом устройстве освобожденных европейских государств, где проявились разногласия в отношении предпочтительных политических режимов. Итоговая Декларация об освобожденной Европе, зафиксировав принцип самостоятельного выбора народов, стала компромиссом между различными геополитическими интересами и стремлением к формированию устойчивого послевоенного порядка.

Идея сепаратного мира между державами «Оси» и одним из членов антигитлеровской коалиции находила поддержку в определенных кругах, что отражало сохраняющуюся геополитическую конкуренцию между союзниками. Стратегической целью было разделение союзников, прекращение войны на нескольких фронтах, перенаправление ресурсов для борьбы про-

¹ Конференции Победы // Конференции Второй Мировой войны, изменившие историю. — URL: <https://9may.roscongress.org/3>

тив оставшихся противников. Германия, например, пыталась договориться с Западом, чтобы направить усилия против СССР. Кроме того, она наиболее активно стремилась к сепаратному миру, особенно в 1943–1944 годах, осознавая неизбежность поражения. Переговоры часто вели через нейтральные страны (Швейцария, Швеция). Италия, после свержения Муссолини в 1943 году, перешла на сторону союзников, фактически заключив сепаратный мир. Япония меньше других стремилась к сепаратному миру, но предпринимала зондажи в отношении СССР, надеясь сохранить свои позиции в Азии. В целом, идея сепаратного мира была попыткой держав «Оси» изменить ход войны в свою пользу, но она не увенчалась успехом из-за несовместимости целей, неприемлемых условий и взаимного недоверия. Несмотря на достигнутую на Тегеранской конференции договоренность о безоговорочной капитуляции Германии и её сателлитов, в политических и деловых кругах США и Великобритании существовали влиятельные силы, выступавшие за возможность ведения переговоров с Германией с целью предотвращения усиления роли СССР в послевоенном мироустройстве. Усиление роли СССР подталкивало их к поиску альтернативных сценариев, направленных на ограничение советского влияния. В этой связи накануне президентских выборов 1944 года Рузвельт пошел на уступки оппозиции, сократив военные поставки Советскому Союзу. 12 мая 1945 года, вскоре после вступления Г. Трумэна на пост президента США, была инициирована приостановка поставок по программе ленд-лиза. Данное решение было пересмотрено в связи с сохраняющейся войной с Японией и необходимостью поддержания боеспособности союзных сил. После капитуляции Японии 2 сентября 1945 года поставки по ленд-лизу были окончательно прекращены 20 сентября 1945 года [1]. Черчилль начиная с 1943 года также усилил критику в отношении СССР.

Германское руководство, находясь в отчаянном положении, видело возможность выхода из войны путем подрыва антигитлеровской коалиции и заключения сепаратного мира с одной из сторон, предпочтительно с Западом. Однако благодаря

усилиям советской разведки планы союзников были своевременно раскрыты, что позволило советскому руководству выразить протест правительствам США и Великобритании.

Тем не менее для решения накопившихся вопросов и определения дальнейшей стратегии 26 мая была достигнута договоренность об организации новой конференции лидеров трех держав — СССР, США и Великобритании. Потсдамская конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 года, стала последней официальной встречей лидеров «Большой тройки» в рамках Второй мировой войны и была призвана определить основные принципы послевоенного мироустройства.

Повестка Потсдамской конференции включала комплекс вопросов, касающихся послевоенного устройства Германии, охватывающий демократизацию политической системы, военную и экономическую демилитаризацию, частичную реституцию материального ущерба, нанесенного другим государствам, и привлечение к ответственности лиц, совершивших нацистские преступления. В рамках конференции также рассматривались вопросы мирного урегулирования отношений с государствами — сателлитами Германии, а именно Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, а также обсуждались перспективы восстановления государственной независимости Австрии и оказания содействия в восстановлении и развитии Польши и Югославии.

Центральным элементом дипломатического противостояния на конференции являлся вопрос о будущем Германии и других европейских народов, включая заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией, стабилизацию их международного статуса, проблему репараций и определение западной границы Польши.

С момента проведения Потсдамской конференции прошло восемь десятилетий. Принятые решения, разработанные коалицией стран-победительниц, оказали определяющее воздействие на формирование послевоенного демократического устройства и на протяжении более чем сорока лет детерминировали территориаль-

но-политическую конфигурацию Европы. Участники встречи осуществили временную нейтрализацию возникших противоречий и предотвратили открытую конфронтацию.

Тем не менее достигнутый консенсус не устранил фундаментальных разногласий между союзниками, а лишь обусловил отсрочку их манифестации. В начальный период послевоенной эпохи проявилась дивергенция видения перспектив развития Европы у стран — участниц коалиции. Расхождения в идеологических парадигмах, геополитических интересах и историческом опыте привели к формированию биполярной системы международных отношений, предопределившей динамику холодной войны.

Потсдамские решения, ориентированные на демилитаризацию и денацификацию Германии, были направлены на предотвращение рецидива агрессии со стороны данного государства. Однако вопрос о дальнейшей судьбе Германии трансформировался в один из ключевых факторов, обусловивших разногласия между союзниками. Западные державы декларировали намерение восстановить немецкую экономику и интегрировать ФРГ в западный блок, в то время как Советский Союз настаивал на сохранении жесткого контроля и получении репараций.

Территориальное разделение Германии и Берлина, символизирующее раскол Европы, стало прямым следствием неразрешенных противоречий между участниками коалиции. Потсдамские соглашения, целью которых было обеспечение мира и стабильности, парадоксальным образом стали одним из факторов, спровоцировавших длительный период холодной войны.

В период Второй мировой войны, в рамках ключевых дипломатических конференций, антигитлеровская коалиция сформировала базис послевоенного мироустройства, получившего обозначение Ялтинско-Потсдамской системы. Данная система характеризовалась принципами многосторонности, балансом интересов, компромиссными решениями и целеполаганием, направленным на достижение общей победы и установление стабильного послевоенного миропорядка [12].

Однако война и ее последствия привели к трансформации расстановки сил на международной арене. Великобритания, утратив позиции лидирующей мировой державы, уступила первенство Соединенным Штатам Америки, которые, благодаря относительно небольшим потерям и умелому использованию результатов войны, заняли доминирующее положение в мире. Поражение одних государств (Германия, Япония, Италия) и ослабление других (Франция, Англия) создало, по мнению Вашингтона, «вакуум власти», который необходимо было заполнить, что предопределило дальнейшее усиление геополитической конкуренции и формирование биполярной системы международных отношений.

В заключение следует отметить, что Ялтинско-Потсдамская система, задуманная победителями во Второй мировой войне как многополярный миропорядок, в реальности не смогла в полной мере реализовать свой потенциал. Изначально предполагалось, что гарантами системы, наряду с СССР, США и Великобританией, станут также Франция и Китай. Однако поражение Германии, Японии и Италии во Второй мировой войне, повлекшее за собой утрату ими статуса великих держав и самостоятельной политической роли, существенно ограничило многополярность формирующегося мирового порядка.

Несмотря на это, ключевым фактором, предопределившим дальнейшую трансформацию Ялтинско-Потсдамской системы, стал дисбаланс сил между державами-победительницами. Доминирующее положение заняли две сверхдержавы — США и СССР, политический и военный вес которых значительно превосходил возможности остальных стран. Именно это обстоятельство обусловило стремительную эволюцию системы в биполярную модель и положило начало глобальному военно-политическому, экономическому и идеологическому противостоянию между двумя основными центрами силы — Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом.

В условиях трансформирующейся геополитической парадигмы периода Второй мировой войны и последующего мироустройства экономические санкции ста-

ли ключевым элементом стратегии сдерживания, ориентированной на изоляцию СССР и стран восточноевропейского блока. Изменение характера взаимоотношений между союзниками обусловило формирование политики «контролируемого технологического дефицита» и оказания экономического давления на Советский Союз.

Начавшаяся холодная война характеризовалась попытками ограничить влияние СССР через различные сферы: дипломатическую, культурную и спортивную. Стратегия «анаконды», заключавшаяся в окружении СССР военно-политическими альянсами, инициированными США, наглядно демонстрирует, как глобальная архитектура безопасности использовалась для поддержания конфронтации.

Вывод

Таким образом, геополитическая конкуренция, зародившаяся еще в годы Второй мировой войны, после 1945 года приобрела качественно новый характер, переросший в эпоху холодной войны, определившей ход мировой истории на несколько десятилетий. Эволюция западной политики сдерживания СССР в период Второй мировой войны и послевоенный период обусловлена обострением геополитической конкуренции между великими державами антифашистской коалиции. Стремление СССР к расширению влияния и распространению социалистической идеологии вступило в противоречие с американской концепцией послевоенного мироустройства, что привело к трансформации союзнических отношений во враждебные. Реализация «плана Маршалла», «доктрины Трумэна» и создание военно-политического блока НАТО стали ключевыми элементами политики сдерживания, направленной на ограничение советского влияния. Институционализация биполярной системы усугублялась распадом колониальной системы и появлением новых независимых государств, искавших поддержки в противостоянии Западу, что предопределило переход от сотрудничества к конфронтации между СССР и США и закрепило парадигму холодной войны.

Список литературы

1. *Акопянц А.С.* Некоторые вопросы истории ленд-лиза (1941–1945 гг.) // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. — 2023. — № 1(16). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-istorii-lend-liza-1941-1945-gg> (дата обращения: 05.03.2025).
2. *Гришин А.В., Гришин В.А.* Второй фронт как дипломатическая проблема летом 1942 года: англо-американские переговоры и позиция Советского Союза // Вестник БГУ. — 2015. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vtoroy-front-kak-diplomaticheskaya-problema-letom-1942-goda-anglo-amerikanskie-peregovory-i-pozitsiya-sovetskogo-soyuza>.
3. *Гэддис Дж.Л.* О большой стратегии. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. — 424 с.
4. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. — М., 1974. — Т. 2. — С. 211.
5. *Колужнов В.И., Сомова И.Ю.* Англо-франко-советские переговоры накануне Второй мировой войны — дипломатический провал или обдуманый геополитический шаг? // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего. Материалы X международной научно-практической конференции. В 2-х ч. — М., 2020. — С. 119–125.
6. *Константинова А.П.* Проблемы эволюции и периодизация механизмов западной изоляции России // АНИ: экономика и управление. — 2017. — № 2(19). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-evolyutsii-i-periodizatsiya-mehanizmov-zapadnoy-izolyatsii-rossii>.
7. *Молчанов Н.Н.* Генерал де Голль. — М.: Изд-во «Международные отношения», 2014. — 125 с.
8. *Потанов С.А.* Проблема «второго фронта» в стратегическом мышлении Ф. Рузвельта и У. Черчилля (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.) // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vtorogo-fronta-v-strategicheskom-myshlenii-f-ruzvelta-i-u-cherchillya-noyabr-1942-dekabr-1943-g>.
9. *Суханов М.С., Гаращенко А.Н.* Дискуссия лидеров СССР, США и Великобритании о месте и времени проведения трёхсторонней встречи в 1943 году // *Juvenis scientia*. — 2019. — No 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussiya-liderov-sssr-ssha-i-velikobritanii-o-meste-i-vremeni-provedeniya-triyohstoronney-vstrechi-v-1943-godu/>

10. *Чикаидзе Ц.М., Томаев Ч.Т.* Стратегия и приоритеты «Большой тройки» (1941–1943 гг.) // *Via in tempore. История. Политология.* — 2015. — № 13(210). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-prioritety-bolshoy-troyki-1941-1943-gg>.
11. *Foreign Relations of the United States. The Conferences at Cairo and Teheran.* — Washington, 1961. — P. 42.
12. *Smith B.F.* *The Shadow Warriors: OSS and the Origins of the CIA.* — Basic Books, 1983.

Т.С. Аразов

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**T.S. Arazov**

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: timur.org.msk@gmail.com

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF SPORTS AND PHYSICAL EDUCATION

Аннотация. В исследовании рассматривается феномен международного сотрудничества в сфере физической культуры и спорта как части государственной спортивной политики. Объектом исследования выступает система государственного управления физической культурой и спортом, предметом — механизмы реализации государственной политики в контексте международных связей. Использованы методы анализа нормативно-правовых актов, контент-анализ научной литературы, синтез и систематизация. Получены новые знания о роли международного сотрудничества в укреплении массового спорта и «мягкой силе» России, а также выявлены противоречия в современной практике (санкции, допинговые ограничения), требующие адаптации механизмов управления. Результаты показывают, что государство играет ключевую роль как стратег и регулятор: именно через нормативное регулирование и участие в международных спортивных организациях обеспечивается устойчивое развитие спорта. Предложены рекомендации по корректировке стратегических документов и расширению инструментов спортивной дипломатии. Актуальность темы обусловлена влиянием геополитических факторов (санкции, международные конфликты), что усиливает необходимость выстраивания эффективной государственной политики в области спорта.

Ключевые слова: международное сотрудничество, физическая культура, спорт, государственная политика, спортивная дипломатия, геополитика, массовый спорт.

Abstract. The article explores the phenomenon of international cooperation in the field of physical culture and sports as an integral part of state sports policy. The object of the study is the system of state governance in the sphere of physical culture and sports, while the subject is the mechanisms for implementing state policy in the context of international relations. The research employs methods of legal analysis, content analysis of scientific literature, synthesis, and systematization. New insights have been obtained regarding the role of international cooperation in strengthening mass sports and Russia's "soft power," as well as contradictions in current practice (sanctions, doping restrictions) that necessitate the adaptation of management mechanisms. The results demonstrate that the state plays a key role as both strategist and regulator: it is through legal regulation and participation in international sports organizations that sustainable sports development is ensured. Recommendations are proposed for adjusting strategic documents and expanding the tools of sports diplomacy. The relevance of the topic is determined by the influence of geopolitical factors (sanctions, international conflicts), which reinforce the need to develop an effective state policy in the field of sports.

Key words: international cooperation, physical culture, sport, state policy, sports diplomacy, geopolitics, mass sport.

Современный спорт становится неотъемлемой частью международных отношений, выступая инструментом дипломатии

и укрепления межгосударственных связей¹. Спорт высших достижений и массовая физическая культура позволяют

¹ Роль спорта и спортивной дипломатии в развитии межгосударственного сотрудничества // Международные гуманитарные связи. — URL: <https://mgs.org.ru/rol-sporta-i-sportivnoj-diplomatii-v/> (дата обращения: 01.11.2025).

продемонстрировать социально-экономические преимущества страны и служат средством преодоления конфликтов, налаживания межкультурного диалога. Вместе с тем политизация спорта заметно усилилась: внешнее давление в форме санкций и бойкотов непосредственно влияет на участие спортсменов и проведение соревнований [4]. В этих условиях актуальность исследования международного сотрудничества в спорте возросла. Глобальные геополитические факторы (международные санкции, военно-политические конфликты, допинговые скандалы) формируют новые вызовы и требуют адаптации государственной политики в сфере спорта. Как отмечает Андрей Волков, идея «аполитичного» спорта иллюзорна: политика и спорт уже неразрывно связаны и используются как площадка для выражения политических интересов [4].

Цель настоящего исследования — раскрыть специфику международного сотрудничества в области физической культуры и спорта как механизма реализации государственной политики.

Объектом исследования является система государственного управления физической культурой и спортом, предметом — международные аспекты реализации государственной спортивной политики (правовые рамки, организации, практики, направления).

Задачи работы включают:

- 1) анализ законодательной базы и стратегий России в сфере спорта, регламентирующих международное сотрудничество;
- 2) изучение влияния геополитических факторов на спортивную политику;
- 3) оценку текущих практик (например, международных спортивных проектов) и их соответствия целям государственной политики;
- 4) обоснование рекомендаций по совершенствованию механизмов реализации спортивной политики.

Методика исследования

В работе применён комплекс качественных методов: контент-анализ и системный анализ нормативных докумен-

тов (Федеральный закон «О физической культуре и спорте» № 329-ФЗ, «Стратегия развития физической культуры и спорта РФ до 2030 г.», международные соглашения), анализ научной литературы (российских и зарубежных источников), синтез и обобщение теоретических положений. При анализе учитывались материалы официальной статистики и примеры практической деятельности (международные мероприятия, соглашения, программы). Информационной базой исследования послужили работы специалистов по спортивной дипломатии и управлению спортом, а также актуальные публикации и отчёты государственных органов. Использованы методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и графическая интерпретация.

Описанный методический подход обеспечил выявление логики взаимодействия спортивной отрасли с внешними акторами и с государством. В частности, использован сравнительный анализ российских и зарубежных моделей спортивного взаимодействия, позволяющий показать специфику национальной спортивной политики в условиях международного давления. Такая методика обусловила глубокий междисциплинарный обзор: от правовых аспектов до практики спортивных ассоциаций.

Результаты исследования

Современные исследования подтверждают, что спорт является не только инструментом физического воспитания, но и важным элементом внешней политики, культурного обмена и международного диалога.

Юридический аспект международного сотрудничества подробно рассмотрен Е.Ю. Коваленко и О.А. Шавандиной (Алтайский государственный университет) в статье «Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта».

Авторы анализируют нормативные акты — Конституцию РФ, Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре

и спорте»², стратегии и концепции развития отрасли до 2035 года — и показывают, что международное взаимодействие опирается на принципы гармонизации и унификации российского законодательства с нормами международного права.

Е.Ю. Коваленко и О.А. Шавандина выделяют несколько направлений международного сотрудничества: участие России в ООН и ЮНЕСКО, ратификация международных конвенций (в том числе Антидопинговой и Хартии физического воспитания 1978 г.), взаимодействие с Советом Европы и странами СНГ [7]. По их мнению, развитие спортивного права должно включать изучение зарубежного опыта, адаптацию лучших практик и создание единого Спортивного кодекса РФ, что позволит повысить прозрачность и эффективность отрасли. Они также указывают на необходимость усиления роли Министерства спорта РФ в международной координации, включая борьбу с допингом, безопасность соревнований и развитие студенческого спорта.

Анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что международное сотрудничество в сфере спорта и физической культуры является многоуровневым процессом, включающим правовые, культурные, политические и социальные компоненты [1]. Спорт выполняет интегративную и миротворческую функции, способствуя межкультурному диалогу и укреплению национального имиджа. Однако растущая политизация спортивных отношений и санкционные ограничения требуют переосмысления механизмов взаимодействия.

В научной и правовой литературе подчеркивается необходимость перехода от традиционной модели участия в международных организациях к созданию собственных интеграционных спортивных платформ — СНГ, БРИКС, ШОС — как альтернативы западным структурам.

В долгосрочной перспективе эти процессы могут стать основой для формирования новой архитектуры глобального спортивного сотрудничества, где Россия сохранит значимую роль как организатор, медиатор и партнер.

Россия является активным участником ключевых международных спортивных организаций. Прежде всего, это Международный олимпийский комитет (МОК) — Олимпийский комитет России (ОКР) представляет страну в движении, несмотря на временные ограничения статуса (связанные с допинговыми санкциями в 2020-х). Российские спортивные федерации являются членами международных федераций по видам спорта, что позволяет нашим спортсменам участвовать в чемпионатах мира и Европы (при условии допуска) [5]. Кроме того, Россия подписала ряд международных соглашений: она присоединилась к международной конвенции ЮНЕСКО по борьбе с допингом, участвует в работе Всемирного антидопингового агентства (WADA) и до известных скандалов занимала там влиятельное положение. В рамках Совета Европы до 2022 г. РФ взаимодействовала по *Конвенции о насилии на спортивных мероприятиях* и *Конвенции Маколина* (о борьбе с договорными матчами). Статья 40 Федерального закона о спорте прямо указывает, что международное сотрудничество РФ в области физкультуры и спорта осуществляется на основе международных договоров и соглашений — это правовая база, по которой заключены десятки двусторонних соглашений со странами СНГ, Европы, Азии об обмене опытом, участии в сборах, научном сотрудничестве и т.д.³

Российские представители традиционно входят в состав руководящих органов различных организаций: так, наши делегаты работали в исполнительных комитетах МОК (в 2020–2024 гг. членом МОК остава-

² Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 01.10.2025).

³ Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 01.10.2025).

лась Елена Исинбаева до ее выхода), Паралимпийского комитета, международных федераций (например, Виталий Смирнов ранее был почётным членом МОК). Спортивные дипломаты продвигают инициативы, например Россия выступала с идеей укрепления роли БРИКС и ШОС в спорте — проведение мультиспортивных игр среди этих объединений [8]. В 2021 г. на саммите ШОС была поддержана мысль о регулярных соревнованиях между странами ШОС⁴. Таким образом, несмотря на сложную обстановку, Россия сохраняет присутствие в глобальном спортивном сообществе, используя спорт как канал внешней политики (пусть иногда и в ограниченном статусе). Следует отметить, что санкции 2022–2023 гг. (отстранение многих наших сборных от мировых первенств) — временное явление; параллельно развиваются альтернативные направления сотрудничества (Азия, Латинская Америка), чтобы наши атлеты не выпали из международной соревновательной практики.

Исторически сложившиеся связи со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) являются одними из самых прочных. Главы государств СНГ признают спорт приоритетным направлением сотрудничества⁵. Создана обширная договорно-правовая база: Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта (2007) регламентирует взаимодействие государственных органов, олимпийских комитетов стран СНГ. В 2020 г. была принята Стратегия развития сотрудничества стран СНГ в сфере спорта на

2021–2030 гг., цель которой — совместно повысить уровень здоровья населения, развивать инфраструктуру, усиливать позиции на мировой арене. В рамках СНГ ежегодно проводится акция «Спортивная столица Содружества» — статус, который поочередно присваивается одному из городов для проведения крупного спортивного фестиваля⁶. Учреждены Игры стран СНГ — новый формат мультиспортивных соревнований, инициированный Россией (решение 2019 г.); первые Игры прошли в Казани в 2021 г., вторые — в Минске в 2023 г. Также действуют Совет по физической культуре и спорту СНГ и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества, поддерживающий проекты по массовому и детскому спорту, национальным видам спорта. Такое тесное сотрудничество позволяет странам обмениваться тренерскими методиками, совместно готовить спортсменов (сборы), проводить традиционные турниры (например, международные Иссык-Кульские игры на приз МФГС с 2004 г. раз в два года). Для России площадка СНГ стала особенно важной после ограничения контактов с западными странами: здесь наши спортсмены и команды могут полноценно соревноваться и поддерживать форму.

Важным является партнерство с Китаем и ШОС/БРИКС. На восточном направлении у России динамично развиваются спортивные связи с КНР. 2022–2023 годы были объявлены Годом российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта указом Президента В.В. Путина⁷. В рамках этой программы

⁴ Сотрудничество государств — участников СНГ в сфере физической культуры и спорта: главные события и новые перспективы развития // e-cis.info: интернет-портал СНГ. — 19 авг. 2023. — URL: <https://e-cis.info/news/566/111396/?ysclid=mghut5xbez549380923> (дата обращения: 02.10.2025).

⁵ Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств — участников Содружества Независимых Государств (заключено в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2005 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов Docs.cntd.ru. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902129065?ysclid=mghuz2p3kh477089505> (дата обращения: 01.10.2025).

⁶ Сотрудничество государств — участников СНГ в сфере физической культуры и спорта: главные события и новые перспективы развития // e-cis.info: интернет-портал СНГ. — 19 авг. 2023. — URL: <https://e-cis.info/news/566/111396/?ysclid=mghut5xbez549380923> (дата обращения: 02.10.2025).

⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 273-рп «О проведении в 2022–2023 годах Годов российско-китайского сотрудничества в области физической культуры и спорта» // Официальный портал правовой информации. — URL: https://pekin.mid.ru/ru/news/prezident_rossii_vladimir_putin_podpisal_rasporyazhenie_o_provedenii_godov_rossiysko-kitayskogo_sotr/ (дата обращения: 02.10.2025).

прошёл Международный фестиваль университетского спорта в Екатеринбурге в 2023 г. с участием команд стран БРИКС, ШОС и СНГ. Также организованы взаимные тренировочные лагеря: китайские олимпийцы в 2020–2021 гг. готовились на базах в России, а наши спортсмены отправлялись в Китай (например, сборы по водным видам спорта перед ОИ-2020). Подписан новый меморандум о сотрудничестве между Минспортом РФ и Главным управлением по спорту КНР (2022 г.), предусматривающий обмен тренерами, проведение товарищеских матчей. С другими странами ШОС (Индия, Казахстан, Узбекистан и др.) Россия также укрепляет связи — проводятся соревнования по национальным видам спорта, фестивали боевых искусств, юношеские игры. В 2024 г. планировалось проведение Игровых видов спорта БРИКС, чтобы компенсировать ограничения участия в традиционных турнирах. Всё это говорит о переориентации спортивной дипломатии России на Восток и Глобальный юг, создавая новые возможности для наших атлетов.

Проведение крупнейших международных соревнований всегда было частью стратегии России по интеграции в мировое сообщество и демонстрации открытости. В предшествующий период страна принимала: Олимпиаду в Сочи (2014), Чемпионат мира по футболу (2018), Универсиаду в Красноярске (2019). Эти события требовали широкого сотрудничества — с международными федерациями, иностранными государствами по вопросам логистики, безопасности, трансляций и т.д. Они стали драйвером развития инфраструктуры и привлекли тысячи иностранных гостей, усилив народную дипломатию. В 2020–2024 гг. из-за пандемии и политической ситуации масштабных новых мероприятий с глобальным участием не проводилось, но Россия искала альтернативы: вместо отменённой Универсиады-2023 в Екатеринбурге проведён упомянутый Университетский фестиваль с дружественными странами [6]. Также Россия выразила интерес в организации ШОС/БРИКС Игр. Эти события позволяют поддерживать международные спортивные связи в сложных условиях.

Российские спортсмены продолжали выступать на Олимпийских играх (под флагом ОКР) в Токио-2020 и Пекине-2022, завоевав множество медалей, что укрепляет спортивный престиж. После 2022 г. пришлось переключаться на региональные и национальные старты, однако были случаи приглашения россиян на дружественные турниры в Азии (напр., в 2023 г. легкоатлеты выступили на Азиатских соревнованиях вне конкурса). Тут проявляется политический аспект: спорт становится полем борьбы санкций, но Россия ищет кооперацию с международными партнёрами, чтобы не изолировать своих атлетов. Например, в 2024 г. ОКР заключил соглашения с олимпийскими комитетами ряда азиатских стран о допуске россиян на коммерческие старты. Таким образом, даже в непростых условиях Россия старается сохранять присутствие в глобальном спорте, опираясь на принципы олимпизма и взаимопонимания.

Главным испытанием для международного сотрудничества стала политизация спорта. Допинговый кризис привёл к санкциям: решение CAS (Спортивного арбитража) 2020 г. ограничило флаг/гимн РФ на Олимпиадах до 2022 г., что осложнило отношения с WADA и МОК. Далее, в 2022–2023 гг. почти все международные федерации отстранили российские команды от участия под давлением геополитической ситуации. Это существенно сузило возможности классического сотрудничества — совместных соревнований, обмена спортсменами. Кроме того, прекратилось взаимодействие с европейскими институтами (Совет Европы) из-за выхода РФ из организации. Всё это — серьёзные вызовы, снижающие интенсивность спортивных контактов с рядом стран [9].

Россия адаптируется к новым международным условиям, продолжая развивать так называемую «параллельную» спортивную дипломатию. Основываясь на сотрудничестве с дружественными и нейтральными странами, удаётся выстраивать альтернативные форматы взаимодействия: внутри страны регулярно проводятся международные соревнования с участием зарубежных спортсменов (в частности, Международные игры дружбы 2022 года в Казани

по плаванию, гимнастике и другим видам спорта стали важным прецедентом), а также налажен обмен участием в открытых чемпионатах на территории дружественных государств. В течение 2024 года ряд международных федераций (например, по фехтованию, теннису) начал частично допускать российских спортсменов к международным стартам, что стало признаком постепенного смягчения ограничений. Хотя участие сборной России в Олимпийских играх 2024 года в Париже было возможно лишь в нейтральном статусе, этот опыт позволил сохранить связи с мировым спортивным сообществом и подтвердить конкурентоспособность отечественных атлетов. В 2025 году приоритетом остаётся дальнейшее расширение международных спортивных контактов через новые форматы, региональные соревнования и институциональные соглашения.

Анализ показал, что государственная политика в сфере физической культуры и спорта прямо задаёт рамки международного сотрудничества. Так, согласно Федеральному закону № 329-ФЗ (ред. 2024 г.), международное сотрудничество в области спорта осуществляется в соответствии с международными договорами РФ и законодательством РФ. Россию же, как члена международных спортивных организаций, обязали соблюдать их правила. Тем самым законодательство закрепляет механизм реализации спортивной политики через интеграцию в мировые спортивные структуры. Государство вправе привлекать к деятельности спортивных организаций иностранных специалистов и средства, а также участвовать в формировании нормативно-правовой базы МФСО (международных физкультурно-спортивных организаций) через своих представителей. Эти положения обеспечивают юридический фундамент для международной кооперации: например, создаются филиалы зарубежных федераций в РФ, а россияне могут принимать участие в системе управления МФСО.

Вместе с тем обнаруживаются тенденции политизации спорта. Международные санкции, связанные с допинговыми

скандалами и политическими конфликтами, накладывают серьёзные ограничения на взаимодействие. Так, Исполнительный комитет МОК постановил не проводить в России никакие международные мероприятия и рекомендовал найти альтернативные площадки вместо российских⁸. Очевидно, что спортивная политика вынуждена учитывать геополитические риски: ограничения на въезд спортсменов, запреты флагов и гимнов заставляют искать новые формы сотрудничества.

С точки зрения социальной системы спорта, важнейший вывод состоит в том, что массовый спорт представляет собой открытую экосистему, требующую постоянной поддержки государства. Анализ роли государства в экосистеме массового спорта показал: без внешней поддержки (организационной, финансовой, законодательной) система не может устойчиво развиваться. Государственная политика обеспечивает организацию, финансирование и регуляцию всех аспектов массового спорта (инфраструктура, программы физкультурно-спортивных мероприятий, педагогическая подготовка и др.), тем самым создавая условия для привлечения населения к физической активности [6]. Данный результат подчёркивает системную роль государства как стратега и координатора: через долгосрочные стратегии (например, упомянутую «Стратегию до 2030 года») формируются приоритеты развития физической культуры, определяются формы международного сотрудничества (например, участие в СНГ-спартакиадах, дружеских матчах, совместных образовательных проектах).

Важную роль международное сотрудничество играет и в контексте культурно-гуманитарного измерения. Мы установили, что многие государства стремятся использовать спорт для укрепления имиджа и межгосударственных связей. Например, недавно Россия принимала участие во II Международной Спартакиаде среди экспертных организаций стран СНГ (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Россия). Это мероприятие сочетало спортивные состязания

⁸ МОК продлил санкции против России [Электронный ресурс] // SWI swissinfo.ch. — 9 декабря 2016 г. — URL: https://www.swissinfo.ch/rus/business/допинговый-скандал_мок-продлил-санкции-против-россии/42750884 (дата обращения: 01.11.2025).

(шесть видов спорта) и профессиональные конференции, способствуя не только физическому здоровью, но и обмену опытом по управлению проектами между странами⁹. Такой пример показывает, что спорт интегрируется с другими сферами (здесь — строительной экспертизой) как средство формирования доверия и координации на международной платформе. Выявлен факт: государственные организации (Минстрой, Главгосэкспертиза) используют спортивные события для реализации решений международных конференций и укрепления профессиональных связей. Это говорит о появлении новых форматов спортивной дипломатии, где спорт выступает связующим элементом больших межрегиональных проектов.

Таким образом, научной новизной данного исследования является систематизация механизма государственной политики в международном измерении спорта: сочетание законодательного регулирования (как реализован ФЗ № 329-ФЗ), стратегического планирования (стратегии, программы), финансовых инструментов и многосторонних мероприятий (спартакиады, конференции). Обнаружены пробелы: например, недостаточная синхронизация национальных стратегий и международных обязательств в условиях санкций, а также слабое использование «гуманитарного потенциала» спорта для гражданской дипломатии.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают, что спорт выступает мощной «мягкой силой», которую государства используют для продвижения своих интересов. Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от механизмов реализации государственной политики. Судя по анализу, отечественные подходы имеют следующие особенности:

- 1) нормативно-правовое закрепление (соблюдение законов, участие в международных соглашениях);

- 2) институциональная поддержка (создание ответственных органов, выделение бюджетных средств, привлечение экспертов);
- 3) коммуникационные платформы (международные форумы и мероприятия);
- 4) гибкость и адаптивность (готовность корректировать планы ввиду внешних вызовов).

По мнению ряда исследователей, включая Е.А. Гурееву и др., именно такой экосистемный подход обеспечивает устойчивое управление массовым спортом [6].

В современных условиях геополитики необходима «гибкая» спортивная дипломатия. Например, даже при внешних ограничениях Россия может усиливать сотрудничество со странами-партнёрами через региональные союзы (ЕАЭС, СНГ, ШОС) и двусторонние соглашения. Участие в Олимпиадах и мировых чемпионатах по иному формату (под нейтральным флагом, в виртуальном пространстве) становится одним из способов сохранить международные связи. Кроме того, важно учитывать «спортивно-политические» риски: празднования побед могут интерпретироваться как показательная демонстрация национальной силы (см. исторический опыт холодной войны), а поражения — восприниматься как урон престижу. Следовательно, анализ влияния спорта на имидж страны должен стать компонентом планирования.

Международное сотрудничество в спорте не самоцель, а инструмент достижения целей политики (развитие массового спорта, безопасность, имидж). Оно должно развиваться в гармонии с внутренними программами: например, импортозамещение спортивного оборудования, подготовка кадров, вакцинация спортсменов — всё это формирует ресурсную базу для успешного международного взаимодействия. В частности, для реализации спортивной политики имеет смысл предложить структурную матрицу или модель взаимодействия, где согласованы: законодательные и фи-

⁹ Спорт и международное сотрудничество: Спартакиада объединяет экспертов // Госэкспертиза РФ. — 08 июля 2025 г. — URL: <https://gosexpert35.ru/blog/2025/07/08/325/> (дата обращения: 01.11.2025).

нансовые механизмы, органы управления, образовательные и исследовательские проекты, а также механизмы мониторинга. Данное предложение основано на анализе существующих недостатков и опирается на передовые практики (законотворчество, цифровизация спорта, общественное участие).

Вывод

Исследование показало, что международное сотрудничество в сфере физической культуры и спорта служит комплексным механизмом государственной политики, объединяющим юридический, финансовый и организационный инструментарий. Объект и предмет исследования обнаружили в себе следующие ключевые свойства: государство выступает стратегом и координатором (определяет цели, нормы, ресурсы), а международные связи — средством укрепления массового спорта и положительного имиджа страны. Полученные результаты внесли новые знания о том, как действуют эти механизмы в современных условиях: они показали потребность модернизации стратегий с учётом геополитических реалий (санкций, пандемии, конфликтов).

1. Международное сотрудничество усиливает внутренние возможности развития спорта (через обмен технологиями, финансирование, повышение квалификации), но также требует преодоления внешних ограничений.
2. Гибкость государственной политики (возможность перенастроек стратегий, диверсификации партнёров) повышает эффективность спортивной дипломатии.
3. Необходимо усилить интеграцию спортивного менеджмента с внешнеполитическим блоком и проектными институтами — например, формировать «спортивные сектора» при министерствах и ведомствах, отвечающие за международные связи.
4. Для достижения новых знаний и устойчивого развития рекомендовано пересмотреть существующие нормативные акты и программы, об-

ратив внимание на «быстрые реакции»: скорое создание механизмов возврата участия в крупных международных соревнованиях (с учётом требований МОК/WADA) и подключение спортивной деятельности к гуманитарным инициативам (мировотворческим, образовательным).

Таким образом, статья обнаруживает новизну подхода: международное сотрудничество следует рассматривать не как пассивное следствие внешних соглашений, а как активный инструмент государственной политики в спорте. Предложенные выводы и рекомендации позволяют уточнить приоритетные направления программы «Развитие физической культуры и спорта» и повысить качество управления отраслью в условиях новой реальности.

Список литературы

1. *Беликова Е.В.* Социально-экономические аспекты развития массового спорта / Е.В. Беликова, А.В. Васильев // Экономика и управление в спорте. — 2022. — Т. 2. — № 1. — С. 11–24.
2. *Белянская И.М.* Спорт в системе международных отношений / И.М. Белянская, И.В. Николаева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 102-3. — С. 8–10.
3. *Брановицкая Л.А.* Современные тенденции развития международных спортивных связей / Л.А. Брановицкая, В.В. Вольский // Физическая культура в системе профессионального образования: идеи, технологии и перспективы: сборник материалов IV всероссийской научно-практической конференции, Омск, 19 апреля 2019 года. — Омск: Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, 2019. — С. 140–143.
4. *Волков А.* Влияние политических санкций на участие спортсменов и команд в международных соревнованиях // Российский совет по международным делам (РСМД). — 2023. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/vliyanie-politicheskikh-sanktsiy-na-uchastie-sportsmenov-i-komand-v-me/> (дата обращения: 01.11.2025).
5. *Головин Ю.П.* Международные спортивные соревнования как фактор сотрудничества между странами / Ю.П. Головин, С.П. Миронова // Гуманитаризация инженерного образова-

- ния: методологические основы и практика — 2022: материалы III Международной научно-практической конференции. В 2 т., Тюмень, 26–27 мая 2022 года. — Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. — Т. 2. — С. 352–355.
6. *Гуреева Е.А.* Государственная политика и методы её реализации в управлении российским массовым спортом // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2024. — Т. 10. — № 4. — С. 139–156. — DOI 10.18413/2408-9346-2024-10-4-1-0.
  7. *Коваленко Е.Ю., Шавандина О.А.* Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2020. — № 2.14. — С. 96–102.
  8. *Пыж В.В.* Физическая культура и спорт в системе международных отношений / В.В. Пыж, С.И. Петров // Социально-гуманитарные технологии в управлении человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здоровья: сборник научных статей и докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Санкт-Петербург, 16–17 апреля 2020 года / Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. — СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. — С. 162–171.
  9. *Чернов Е.С.* Влияние международных отношений на спорт // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2023. — № 3(69). — С. 215–217.
  10. *Шавернев В.Г.* Физическая культура и спорт как фактор международного сотрудничества / В.Г. Шавернев, А.Г. Ростеванов // Инновационное развитие современной науки: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 2-х ч., Пенза, 20 октября 2017 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. — Т. 1. — С. 191–195.

Т.С. Колесников

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ЦИФРОВАЯ АДАПТАЦИЯ СЕТЕЙ ИСЛАМИСТСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД****T.S. Kolesnikov**

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: kolesnikovtimur62@gmail.com

**DIGITAL ADAPTATION OF ISLAMIST EXTREMISM NETWORKS
IN THE POST-PANDEMIC PERIOD**

Аннотация. В данной статье рассматривается цифровая адаптация сетей исламистского экстремизма в постпандемический период. Пандемия COVID-19 выступила в роли катализатора, ускорившего миграцию экстремистской активности в цифровую среду и заставившего пересмотреть традиционные парадигмы противодействия. Физическая мобильность была ограничена, поэтому экстремистские группировки перенесли свои действия (вербовку, пропаганду, коммуникацию и финансирование) в онлайн и разработали изоциренные и адаптивные тактики. Эта трансформация представляет собой системный вызов национальной и международной безопасности, усугубляемый на фоне общей нестабильности международной обстановки и усиления региональных угроз после афганского кризиса. Ужесточение модерации на массовых открытых платформах со стороны IT-корпораций привело к диверсификации и усложнению цифровых стратегий экстремистов, их миграции в закрытые и зашифрованные каналы связи. Теоретическая значимость статьи заключается в развитии положений теории информационного общества и исследований религиозно-политического экстремизма применительно к новым цифровым реалиям. По результатам исследования разработаны системные меры и практические рекомендации, направленные на совершенствование деятельности компетентных органов и институтов гражданского общества по противодействию цифровым угрозам экстремистского характера. Результаты включают предложения по развитию правовой базы, внедрению проактивных технических решений, усилению международного сотрудничества и повышению цифровой грамотности населения, реализация которых будет способствовать нейтрализации деструктивного потенциала цифровизированного экстремизма.

Ключевые слова: исламистский экстремизм, цифровая адаптация, постпандемический период, кибербезопасность, противодействие экстремизму, радикальный дискурс, террористические сети, цифровое пространство, информационное противоборство.

Abstract. This article examines the digital adaptation of Islamist extremism networks in the post-pandemic period. The COVID-19 pandemic acted as a catalyst that accelerated the migration of extremist activity into the digital environment and forced a rethink of traditional counteraction paradigms. Physical mobility was limited, so extremist groups shifted online recruitment, propaganda, communication, and financing, and developed sophisticated and adaptive tactics. This transformation is a systemic challenge to national and international security, exacerbated by the general instability of the international situation and the increased regional threats following the Afghan crisis. The tightening of moderation on mass open platforms by IT corporations has led to the diversification and complication of digital strategies of extremists, their migration to closed and encrypted communication channels. The theoretical significance of the article lies in the development of the provisions of the theory of the information society and research on religious and political extremism in relation to the new digital realities. Based on the results of the study, systematic measures and practical recommendations have been developed aimed at improving the activities of competent authorities and civil society institutions to counter extremist digital threats.

The results include proposals for the development of the legal framework, the introduction of proactive technical solutions, strengthening international cooperation and improving the digital literacy of the population, the implementation of which will help neutralize the destructive potential of digitalized extremism.

Key words: islamist extremism, digital adaptation, the post-pandemic period, cybersecurity, countering extremism, radical discourse, terrorist networks, digital space, information warfare.

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровой трансформацией операциональной деятельности сетей исламистского экстремизма, получившей дополнительный импульс в условиях пандемии COVID-19 и закрепившейся в постпандемический период. Вынужденные ограничения офлайн-активности и массовый переход социальных взаимодействий в цифровую среду создали новые вызовы для систем международной и национальной безопасности. Экстремистские группировки, традиционно демонстрирующие высокую адаптивность, активно освоили цифровые средства для решения основных задач.

Целью статьи являются выявление направлений цифровой адаптации сетей исламистского экстремизма в постпандемический период и разработка на этой основе мер по совершенствованию системы противодействия данным угрозам. Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи, направленные на анализ теоретических основ цифровизации экстремистской деятельности, систематизацию современных тактик, разработку практических рекомендаций для правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Мы проанализируем освещение данной проблемы в работах отечественных исследователей. Так, проблема идеологических основ возрождения религиозного экстремизма исследуется Н.Д. Назировым в статье «Идеологические основы возрождения религиозного экстремизма и терроризма в XXI веке». Методы пропаганды и вербовки, применяемые в цифровой среде, анализируются С.Ф. Самойловым в работе «Методы пропаганды экстремистских идей и вовлечения в экстремистскую деятельность, применяемые исламистами». Афганский кризис и его влияние на активизацию экстремистской угрозы в Центральноазиатском регионе изучает-

ся в статье М.А.И. Аскерова, Л.М. Исаева и А.В. Коротаева «Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане».

Причины и формы проявления религиозного экстремизма в современном мире, включая его цифровое измерение, раскрываются в работе Е.А. Матвиенко и М.С. Маслова «Причины, сущность и формы проявления религиозного экстремизма в современном мире». Особенности проблемы исламского экстремизма в российском цифровом пространстве получили развитие в исследовании С.Ш. Олимзода «Проблема исламского экстремизма в современном российском цифровом пространстве», а вопросы оперативного выявления исламистской символики рассматриваются С.Ф. Самойловым и А.В. Некрасовой в статье «Проблема выявления исламистской символики в профессиональной деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму». Специфика идеологического наполнения и символического ряда исламизма анализируется в работе С.Ф. Самойлова и К.В. Вишневецкого «Специфика реализации принципов религиозно-политического экстремизма в основных направлениях идеологии исламизма и при создании исламистской символики».

Международный аспект противодействия угрозам в цифровой среде освещается А.А. Смирновым в статье «Вопросы противодействия проявлениям терроризма и экстремизма в цифровой среде в деятельности компетентных органов государств — участников Содружества Независимых Государств». Теоретико-философское осмысление феномена исламистского этоса и дискурса радикализма в цифровой среде проводится С.И. Чудиновым в статьях «Исламистский этос в цифровой среде» и «Цифровизированный дискурс религиозно-политического радикализма и экстремизма».

Материалы и методы

Материалами для исследования данной проблемы послужили научные публикации, посвященные проблемам исламистского экстремизма, его идеологии и практикам деятельности в цифровой среде. В нашей работе проанализированы статьи в рецензируемых отечественных журналах, материалы международных и всероссийских научно-практических конференций, раскрывающие специфику современных угроз и способов противодействия. В процессе работы был применен ряд исследовательских методов: теоретический анализ литературы использовался для синтеза основных научных концепций и формирования теоретического каркаса. Сравнительный метод выявляет эволюцию тактик экстремистских сетей. Метод классификации и систематизации обеспечил структурирование выявленных направлений цифровой адаптации и разработанных рекомендаций. Институциональный метод дал возможность проанализировать эффективность мер противодействия экстремизму со стороны государственных и международных структур.

Результаты и их обсуждение

Современный этап развития исламистского экстремизма характеризуется его цифровой адаптацией, которая перешла из разряда вспомогательных средств в категорию системообразующих элементов его операционной модели. Постпандемический период закрепил и качественно трансформировал тенденции, создав принципиально новую, гибридную угрозу. Вектором этой стратегической трансформации стала тотальная миграция в закрытые, полужакрытые и децентрализованные коммуникационные экосистемы [9, с. 206]. Ужесточение модераторской политики крупнейших технологических платформ — левиафанов, таких как Facebook (Meta), YouTube и Twitter/X, привело не к искоренению, а к закономерному и хорошо организованному исходу экстремистского контента и коммуникаций в менее регулируемые или вовсе нерегулируемые правовые и технологические пространства.

Мессенджер Telegram с его гибридной архитектурой, сочетающей публичные каналы с многомиллионной аудиторией, приватные группы и секретные чаты с продвинутым уровнем сквозного шифрования, превратился в центральный, системообразующий хаб для координации деятельности, обмена оперативной информацией, идеологической обработки и распространения пропагандистских материалов в промышленных масштабах. Данная платформа обеспечивает техническую анонимность и создает у пользователя иллюзию нахождения в легитимном информационно-коммуникационном поле [4, с. 238]. Наблюдается целенаправленное освоение сегментов даркнета для организации конспиративных и юридически значимых видов деятельности.

Профессионализация операционной безопасности (OPSEC) и цифровой конспирации стала основой повседневного цифрового бытия современных экстремистских ячеек. Повсеместное и грамотное использование методов обеспечения анонимности и безопасности свидетельствует об усвоении и оперативной имплементации передовых практик цифровой гигиены. Вербовщики, идеологи и координаторы целенаправленно проводят для своих адептов и новобранцев специализированные ликбезы и тренинги, посвященные использованию зашифрованных средств связи и безопасной работе в социальных сетях, методам противодействия цифровой слежке и фишингу [3, с. 41]. Данная тревожная тенденция со всей очевидностью указывает на острую необходимость опережающего развития собственных технических и аналитических возможностей компетентных органов.

Автоматизация пропагандистской, вербовочной и даже управленческой деятельности с элементами искусственного интеллекта и машинного обучения открывает перед экстремистскими группами новые, ранее недоступные возможности для масштабирования своего влияния. Все чаще фиксируются случаи использования ботов, ботнетов и полуавтоматических скриптов для массовой, целевой рассылки пропагандистских материалов в комментариях под новостными публикациями,

на тематических форумах и в личные сообщения пользователей; для создания разветвленных «astroturf»-сообществ, искусственно раздувающих видимость массовой общественной поддержки тех или иных радикальных идей и нарративов [6, с. 82]. Однако в стратегической перспективе наибольшую опасность представляет потенциальное использование генеративного искусственного интеллекта для создания высококачественных, гиперреалистичных и персонализированных убедительных текстовых, аудио- и видеоматериалов, которые могут с беспрецедентной эффективностью использоваться для дискредитации публичных лиц и институтов, тонкого манипулирования общественным мнением, разжигания социальной розни и распространения стратегической дезинформации.

Особую тревогу вызывает наблюдаемая целенаправленная геймификация пропаганды и умелая эксплуатация молодёжных цифровых субкультур и языков общения. Для привлечения наименее защищенной аудитории экстремистские группы адаптируют свою риторику и форматы подачи информации под популярные среди молодёжи тренды, эстетику и паттерны потребления информации [7, с. 68]. Деструктивный и зачастую примитивный идеологический посыл искусно облачается в привлекательные, интерактивные и современные формы мемов (интернет-фольклора), коротких динамичных видеороликов в стиле TikTok или Reels, элементов геймификации (игровизации), компьютерных игр, комиксов и даже музыкальных клипов, насыщенных скрытой и явной радикальной символикой, мифологией и нарративами. Подобная изощрённая тактика позволяет эффективно обходить психологические защитные барьеры и когнитивные искажения, делая деструктивный контент вирусно распространяемым, эмоционально привлекательным, релевантным и легкоусвояемым для молодёжной аудитории, не обладающей сформировавшимся критическим мышлением, историческими знаниями и социальным опытом и иммунитетом к манипулятивным техникам, построенным на подмене понятий и спекуляции на чувстве справедливости.

Ещё одной стратегической линией адаптации стала легитимация экстремистской деятельности через её умелую маскировку под формы цифрового активизма, правозащиты и умелую, циничную эксплуатацию актуальной и зачастую действительно болезненной социально-политической и экономической повестки дня. Современные экстремистские группы всё чаще и успешнее позиционируют себя как единственных последовательных и бескомпромиссных защитников угнетённых масс населения, борцов с социальной несправедливостью, глобальным неравенством, колониальным наследием и культурной гегемонией Запада [10, с. 85]. Они используют в своей пропаганде реальные, острые и резонансные проблемы международной и внутренней политики, такие как гуманитарные и политические последствия афганского кризиса, затяжной палестино-израильский конфликт, проявления ксенофобии и исламофобии в западных обществах, социально-экономическое неравенство внутри отдельных стран и регионов.

Архитектура и философия глобальной цифровой среды объективно и неизбежно способствуют и стимулируют переход экстремистских структур от устаревших, уязвимых иерархических пирамидальных моделей к сетевым, децентрализованным, гибким, резилентным и адаптивным формам организации по типу «роя» или «головоногого моллюска» [2, с. 461]. Это делает их невероятно устойчивыми к традиционным, линейным силовым и оперативным методам нейтрализации: арест или ликвидация одного звена не приводит к коллапсу и развалу всей системы. Такая сетевая модель требует адекватного, нелинейного ответа, направленного на деструктивные свойства и уязвимости сети в целом.

Выявленные тенденции образуют динамичную систему взаимосвязанных и взаимно усиливающих друг друга направлений цифровой адаптации, которые в своей совокупности создают латентный и крайне устойчивый вызов для систем национальной и международной безопасности в XXI веке [8, с. 154]. Данные проблемы носят системный и долгосрочный характер и коренятся в самой природе современных

информационно-коммуникационных технологий. Эти проблемы требуют адекватного ответа, стратегически сочетающего в себе правовые, технологические, оперативные, разведывательные, дипломатиче-

ские, социально-психологические и профилактические меры.

Основные направления противодействия цифровой адаптации исламистского экстремизма приведены в таблице.

Таблица

**Основные направления противодействия
цифровой адаптации исламистского экстремизма**

Направление противодействия	Меры решения проблем	Ожидаемые результаты
Совершенствование правового и институционального регулирования	<ul style="list-style-type: none"> — Разработка и внедрение международных конвенций, обязывающих ИТ-компания к сотрудничеству с правоохранительными органами. — Создание специализированных межведомственных центров по противодействию киберэкстремизму. — Уточнение составов преступлений в уголовном кодексе с учётом цифровых реалий 	<ul style="list-style-type: none"> — Повышение уровня международной кооперации. — Снижение латентности киберпреступлений экстремистской направленности. — Ускорение процедур ограничения доступа к запрещённому контенту
Развитие технологических возможностей	<ul style="list-style-type: none"> — Внедрение систем проактивного мониторинга и анализа Big Data на основе AI для выявления сетей и паттернов поведения. — Развитие отечественных технологий криптоанализа и цифровой форензики. — Создание «цифровых песочниц» для моделирования атак и отработки ответных мер 	<ul style="list-style-type: none"> — Своевременное выявление и пресечение деятельности вербовочных сетей. — Получение доступа к зашифрованной переписке преступных элементов. — Отработка навыков киберзащиты в смоделированной среде
Усиление международного сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> — Формирование единых чёрных списков экстремистских ресурсов в рамках ШОС, ОДКБ, СНГ. — Проведение совместных учений и операций по пресечению каналов финансирования в криптовалютах. — Обмен лучшими практиками и аналитическими данными 	<ul style="list-style-type: none"> — Создание единого информационного поля безопасности. — Повышение эффективности санкционного давления. — Синхронизация усилий разных стран
Информационно-пропагандистская и профилактическая работа	<ul style="list-style-type: none"> — Реализация контрнарративных кампаний, разоблачающих мифы экстремистской пропаганды, с привлечением авторитетных религиозных деятелей. — Развитие программ медиаграмотности и цифровой гигиены среди молодёжи. — Поддержка гражданских инициатив, направленных на укрепление межнационального и межрелигиозного согласия 	<ul style="list-style-type: none"> — Снижение рекрутингового потенциала экстремистских групп — Формирование у населения иммунитета к манипулятивным техникам. — Укрепление социальной стабильности

Меры противодействия цифровой адаптации исламистского экстремизма носят взаимодополняющий характер и направлены на нейтрализацию векторов исламистского экстремизма. Совершенствование правового и институционального регулирования выступает основой противодействия, т.к. создает необходимые

правовые рамки и координационные механизмы для деятельности всех субъектов безопасности. Без международных и национальных правовых норм, обязывающих ИТ-компания к сотрудничеству, и без создания специализированных межведомственных центров остальные меры будут иметь ограниченную эффективность.

Развитие технологических возможностей представляет собой асимметричный ответ на технологическое усиление самих экстремистских сетей [1, с. 21]. Внедрение систем мониторинга на основе искусственного интеллекта и развитие средств цифровой криминалистики являются стратегической необходимостью. Формирование единых черных списков в рамках ШОС, ОДКБ и СНГ, отработка механизмов совместного пресечения финансирования в криптовалютах создают единое правовое и оперативное пространство безопасности.

Реализация информационно-пропагандистской и профилактической работы нацелена на коренные причины уязвимости общества перед радикальными влияниями [5, с. 97]. Развитие медиаграмотности и цифровой гигиены, наряду с продвижением конструктивных контрнарративов, способствует формированию своего рода «когнитивного иммунитета» у граждан, особенно у молодежи.

Таким образом, реализация предложенных мер должна осуществляться комплексно. Правовые реформы создают основу для технологического развития, которое усиливается международной кооперацией, в то время как профилактическая работа обеспечивает устойчивость общества к угрозам в цифровой среде. Силовые, технологические, правовые и социально-психологические методы адекватны масштабу вызова, связанного с цифровой адаптацией сетей исламистского экстремизма.

Вывод

Цифровая адаптация сетей исламистского экстремизма в постпандемический период представляет собой качественно новый этап в их развитии, характеризующийся миграцией в анонимные сегменты интернета, профессионализацией операционной безопасности, использованием передовых цифровых технологий и изощренных методов психологического воздействия. Основными барьерами в противодействии выступают технологическое отставание правоохранительных органов, недостатки международной правовой базы, регулирующей киберпространство, высокая скорость обновления тактик

противника. Для решения этих проблем предлагаются меры, включающие совершенствование правового и институционального регулирования, развитие технологических возможностей компетентных органов, усиление международного сотрудничества в киберпространстве и проведение информационно-пропагандистской и профилактической работы. Реализация этих мер требует консолидированных усилий государства, IT-сектора, гражданского общества и международных партнёров. Репрессивные и превентивные методы эффективно нейтрализуют деструктивный потенциал цифровой адаптации сетей исламистского экстремизма и обеспечивают устойчивость общества к радикальным влияниям в цифровую эпоху.

Список литературы

1. *Аскеров М.А.И.* Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане / М.А.И. Аскеров, Л.М. Исаев, А.В. Кортаев // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 12. — С. 16–22.
2. *Матвиенко Е.А.* Причины, сущность и формы проявления религиозного экстремизма в современном мире / Е.А. Матвиенко, М.С. Маслов // Инновационные технологии в агропромышленном комплексе в условиях цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции. — Волгоград, 2022. — С. 459–463.
3. *Назирова Н.Д.* Идеологические основы возрождения религиозного экстремизма и терроризма в XXI веке // Вестник Академии образования Таджикистана. — 2024. — № 1 (50). — С. 38–44.
4. *Олимзода С.Ш.* Проблема исламского экстремизма в современном российском цифровом пространстве // Возможности и угрозы цифрового общества. Материалы конференции. — Ярославль, 2024. — С. 235–243.
5. *Самойлов С.Ф.* Методы пропаганды экстремистских идей и вовлечения в экстремистскую деятельность, применяемые исламистами // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. — Краснодар, 2023. — С. 92–104.
6. *Самойлов С.Ф.* Специфика реализации принципов религиозно-политического экстремизма

- в основных направлениях идеологии исламизма, а также при создании исламистской символики / С.Ф. Самойлов, К.В. Вишневецкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 6. — С. 79–83.
7. *Самойлов С.Ф., Некрасова А.В.* Проблема выявления исламистской символики в профессиональной деятельности сотрудников подразделений по противодействию экстремизму // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2022. — № 3 (57). — С. 66–71.
8. *Смирнов А.А.* Вопросы противодействия проявлениям терроризма и экстремизма в цифровой среде в деятельности компетентных органов государств — участников Содружества Независимых Государств // Стратегические аспекты сотрудничества органов внутренних дел (полиции) стран Содружества в противо-
- действии транснациональной преступности в контексте развития информационного общества под эгидой Совета министров внутренних дел государств — участников Содружества Независимых Государств. — М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. — С. 151–159.
9. *Чудинов С.И.* Исламистский этос в цифровой среде // Общество. Наука. Образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Ефимова, Т.И. Монастырской. — Новосибирск, 2023. — С. 203–207.
10. *Чудинов С.И.* Цифровизированный дискурс религиозно-политического радикализма и экстремизма // Информационные войны: когнитивные и аксиологические аспекты. Сборник трудов Международной научной конференции. — Новосибирск, 2023. — С. 81–91.

А.И. Легошин

аспирант

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУЩНОСТИ
И СОДЕРЖАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ****A.I. Legoshin**

Postgraduate Student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: a.i.legoshin@uwc-i.ru

**THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE ESSENCE
AND CONTENT OF YOUTH POLITICAL CONSCIOUSNESS**

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретическому анализу феномена политического сознания, особенностям его формирования у молодежи. Автор теоретически обосновывает формирование цивилизационного политического сознания, основанного на стратегических задачах национальной безопасности, устойчивого развития и культурного суверенитета России. Прослеживается историко-философская эволюция концепций политического сознания от античных представлений о добродетели и справедливости через рационализм Нового времени, марксистскую критику и психоаналитические интерпретации до современных социологических, коммуникативных и культурно-цивилизационных подходов. Особое внимание автор уделяет цивилизационному подходу как ключевому для понимания специфики политического сознания молодежи в российском контексте. Автор обосновывает необходимость формирования у молодежи цивилизационного политического сознания, интегрирующего историческую память, духовно-нравственные ценности и стратегические интересы России как страны-цивилизации. В статье структурированы компоненты (когнитивный, аксиологический, прагматический, идентификационный) и функции политического сознания молодежи. Подчеркивается влияние современных вызовов, таких как цифровизация, глобализация, сетевые коммуникации и феномен «постправды», на трансформацию политического восприятия и социализации. Автор делает вывод о том, что формирование зрелого политического сознания молодежи является стратегической задачей, требующей синтеза традиционных ценностей и современных практик, а также интеграции усилий государства, образования и культуры для укрепления гражданской идентичности и цивилизационного суверенитета.

Ключевые слова: политическое сознание, общество, молодежь, система, идеи, органы управления.

Abstract. It is devoted to a comprehensive theoretical analysis of the phenomenon of political consciousness, the peculiarities of its formation among young people. The author theoretically substantiates the formation of civilizational political consciousness based on the strategic objectives of national security, sustainable development and cultural sovereignty of Russia. The historical and philosophical evolution of the concepts of political consciousness is traced from the ancient ideas of virtue and justice through Modern rationalism, Marxist criticism and psychoanalytic interpretations to modern sociological, communicative and cultural-civilizational approaches. The author pays special attention to the civilizational approach as the key to understanding the specifics of the political consciousness of youth in the Russian context. The author substantiates the need for the formation of a civilizational political consciousness among young people, integrating historical memory, spiritual and moral values and strategic interests of Russia as a country of civilization. The article structures the components (cognitive, axiological, praxeological, identification) and functions of youth political consciousness. The influence

of modern challenges such as digitalization, globalization, network communications and the phenomenon of “post-truth@ on the transformation of political perception and socialization is emphasized. The author concludes that the formation of a mature political consciousness of youth is a strategic task that requires a synthesis of traditional values and modern practices, as well as the integration of state efforts, education and culture to strengthen civic identity and civilizational sovereignty.

Key words: political consciousness, society, youth, system, ideas, governing bodies.

Проблема политического сознания представляет собой один из наиболее сложных и многогранных объектов политической науки. Ее теоретическое осмысление прошло сложную эволюцию — от философских спекуляций до строгих научных концепций. Историко-генетический анализ позволяет выделить несколько фундаментальных исследовательских парадигм, каждая из которых внесла существенный вклад в понимание природы данного феномена. Феномен политического сознания молодежи является предметом междисциплинарного анализа — политологического, социологического, философского и психологического. Политическое сознание трактуется как форма общественного сознания, отражающая отношение молодежи к власти, государству, институтам гражданского общества и политическим процессам. В отечественной науке данное понятие связано с категориями политической социализации, гражданской идентичности и политической культуры.

Цель статьи — осуществить комплексный теоретический анализ эволюции и основных парадигм изучения политического сознания.

Задача исследования заключается в теоретическом обосновании формирования цивилизационного политического сознания, которое не просто является направлением молодежной политики, а основывается на стратегических задачах национальной безопасности, устойчивого развития и культурного суверенитета России. Проведенное исследование вносит вклад в развитие цивилизационного подхода к изучению политического сознания молодежи и создает теоретические основания для формирования целостной системы цивилизационной политической социализации в современной России.

Материалы и методы

В исследовании использовались междисциплинарный анализ, историко-генетический и сравнительный методы, а также методология системного подхода, позволяющие рассмотреть феномен политического сознания молодежи в единстве его теоретических и эмпирических аспектов. Материалами послужили фундаментальные труды классиков политической философии, социологии и психологии (Платон, Аристотель, Т. Гоббс, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, З. Фрейд и др.), работы современных авторов (Ю. Хабермас, П. Бурдьё, М. Кастельс, С. Хантингтон, А.С. Панарин и др.), а также концепции, отражающие цифровую трансформацию и цивилизационный подход. В качестве эмпирической основы были применены структурированные аналитические модели, включая авторскую таблицу компонентов политического сознания молодежи, что обеспечило комплексность и глубину теоретического обобщения.

Результаты исследования

Согласно социологическому подходу (М. Вебер, Э. Дюркгейм) политическое сознание представляет собой совокупность коллективных представлений, определяющих восприятие власти и политических норм [40; 11]. В рамках психологического подхода (А. Маслоу, Г. Олпорт) акцентируется внимание на мотивационно-ценностной структуре личности [22; 23]. Культурно-цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский, А.С. Панарин) раскрывает зависимость политического сознания от традиций, исторической памяти и духовных оснований общества [10; 25].

Античность заложила парадигмальный фундамент понимания политического сознания как феномена нравственного са-

мопознания. У Платона оно обретает форму в концепции идеального государства, где сознание гражданина тождественно добродетели и справедливости, а его психосоциальная типология задает первую классификацию политических типов [27]. Аристотель трансформирует эту идею, трактуя политическое сознание как естественную реализацию человеческой сущности через жизнь в полисе, акцентируя его социально-активную природу [3]. Политика мыслилась не как техника управления, а как пространство реализации человеческой природы через участие в делах общины.

Средневековая мысль наполнила политическое сознание богоцентрическим смыслом — власть осмыслялась как форма служения, а сознание как внутренний инструмент морального выбора между справедливостью и грехом. Средневековая схоластика, представленная трудами Фомы Аквинского и Августина Блаженного, наполнила политическое сознание теологическим содержанием. В работе «О граде Божием» Августин разработал дихотомию земного и града, где политическое сознание выступало инструментом морального выбора в контексте божественного промысла [1].

Эпоха Просвещения ознаменовалась переходом к рационалистической трактовке. Т. Гоббс в «Левиафане» обосновал концепцию общественного договора, где политическое сознание формируется как результат рационального расчета индивидов [8]. Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» разработал теорию естественных прав, существенно расширив понимание содержания политического сознания [18]. Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» ввел концепцию «общей воли» как высшей формы политического сознания, выражающей не сумму индивидуальных интересов, а общее благо [28].

Современные последователи этой традиции — Ю. Хабермас с теорией коммуникативного действия и Ч. Тейлор с концепцией социального воображаемого — развивают идею о том, что легитимность власти и содержание политического сознания конституируются через публичный дискурс и общественное согласие [33; 39].

Кардинально новое понимание предложили основоположники марксизма. К. Маркс в «Немецкой идеологии» и «Капитале» разработал теорию базиса и надстройки, где политическое сознание рассматривалось как идеологическая надстройка, детерминированная экономическими отношениями [20; 21]. Его концепция «ложного сознания» раскрыла механизмы отчуждения в политической сфере. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Происхождении семьи, частной собственности и государства» развил эти идеи, показав историческую обусловленность форм политического сознания [35].

Марксистско-диалектический подход: социальная детерминация и классовая обусловленность. Марксистская парадигма внесла принципиально новый уровень анализа — она материализовала сознание, поместив его в систему общественно-экономических отношений. В рамках диалектического материализма политическое сознание рассматривается как надстроечный феномен, формирующийся под влиянием базиса — экономической структуры общества. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что политическое сознание отражает не объективную истину, а идеологическую позицию класса, стремящегося утвердить свое господство. Таким образом, сознание становится инструментом легитимации власти.

Однако марксистская традиция не сводит политическое сознание только к отражению — оно обладает практико-преобразующей функцией. Через осознание классовых интересов субъект становится революционным агентом исторического изменения. Современные неомарксистские и критические теории (А. Грамши, Л. Альтюссер, С. Жижек) развивают идею гегемонии сознания — власти, которая осуществляется не через насилие, а через убеждение и производство смыслов. Политическое сознание в этом контексте — это поле борьбы за интерпретацию социальной реальности. Неомарксистская традиция существенно обогатила этот подход. А. Грамши в «Тюремных тетрадах» разработал теорию культурной гегемонии, где политическое сознание становится полем символической борьбы за доминиро-

вание [9]. Его концепция «органических интеллектуалов» раскрыла механизмы производства и распространения политических смыслов. Л. Альтюссер в работе «Идеология и идеологические аппараты государства»¹ предложил структурно-функциональный анализ политического сознания, введя понятие «идеологических аппаратов государства» как механизмов воспроизводства доминирующих представлений.

Современные представители этого направления — С. Жижек² и Э. Лаклау — развивают дискурс-аналитический подход, рассматривая политическое сознание как результат артикуляции плавающих означающих в процессе политической борьбы [38].

Психологическое направление внесло существенный вклад в понимание эмоционально-аффективных основ политического сознания. З. Фрейд в «Психологии масс и анализе человеческого «Я» применил психоаналитический метод к изучению политического сознания, раскрыв роль бессознательных влечений и механизмов идентификации [30]. Э. Фромм в «Бегстве от свободы» и «Здоровом обществе» исследовал социально-психологические механизмы формирования авторитарного сознания, связав политические ориентации с базовыми экзистенциальными потребностями [31]. Развитие этого направления продолжили Т. Адорно с исследованием авторитарной личности [2], Э. Эриксон с концепцией психосоциальной идентичности [36], А. Маслоу с иерархией потребностей [22].

Социологический подход предложил системное понимание политического сознания как социального регулятора. Э. Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» разработал теорию коллективных представлений, показав их роль в поддержании социальной солидарности [12]. М. Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма» и «Политике как призвании и профессии» обосновал

концепцию ценностной рациональности и типов легитимности, существенно обогатив понимание нормативных оснований политического сознания [6]. П. Бурдьё в «Социологии политики» и «Различении» разработал теорию политического поля и габитуса, раскрыв механизмы социального воспроизводства политических диспозиций [5; 37]. В своем произведении «Власть» Н. Луман предложил системно-теоретический подход, рассматривая политическое сознание как коммуникативный механизм обработки [19].

Психологический и социологический подходы: сознание как социальный и психический конструкт. Психологический подход обращает внимание на внутреннюю динамику восприятия политики. З. Фрейд и Э. Фромм рассматривали политическое сознание как результат взаимодействия бессознательных импульсов и социальных стереотипов [30–32]. Массовая психология выявила феномены подражания, внушаемости, коллективного страха, что особенно актуально в условиях современных политических кризисов и информационных войн.

Социологический подход акцентирует внимание на институциональной функции политического сознания. Оно выступает как социальный регулятор, обеспечивающий легитимность власти и интеграцию общества. Концепция «ценностной рациональности» показывает, что политическое действие невозможно без внутреннего смысла, укорененного в убеждениях и вере. Современные социологические теории вводят понятие рефлексивного сознания, способного адаптироваться к рискам и неопределенности глобализованного мира.

Культурно-цивилизационный подход рассматривает политическое сознание как производное культурно-исторического кода общества. Он подчеркивает, что каждая цивилизация формирует уникальный тип сознания, основанный на ценностях, мифах и символах. В рамках

¹ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // URL: <https://mirbukv.net/kniga/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-altyusser?ysclid=miq51797zt645705814> (дата обращения: 17.11.2025).

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии // URL: https://yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-vozv_o_ideologii-81.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

российской научной парадигмы политическое сознание трактуется как духовно-нравственная категория, отражающая соборность, патриотизм и ответственность перед историей. Оно неотделимо от цивилизационной миссии России, где власть и общество связаны через идею служения и справедливости. В современном контексте культурно-цивилизационный подход становится основой концепции ценностного суверенитета, где политическое сознание выступает механизмом сохранения национальной идентичности в условиях глобального идеологического давления.

Современные когнитивно-коммуникативные тенденции: сознание в эпоху постправды. Современный этап характеризуется переходом к цифрово-коммуникативной модели политического сознания. Распространение сетевых технологий, искусственного интеллекта, социальных медиа приводит к тому, что политическое восприятие становится фрагментированным и манипулируемым. Исследователи отмечают, что политическое сознание все чаще формируется не в сфере рационального дискурса, а в пространстве эмоций, визуальных образов и меметической коммуникации. Возникает феномен постфактического сознания, в котором границы между истиной и интерпретацией размываются. Данное направление предложило макроисторическое понимание политического сознания. Н.Я. Данилевский в «России и Европе» разработал теорию культурно-исторических типов, показав цивилизационную обусловленность политических представлений [10]. О. Шпенглер в «Закате Европы» продолжил эту линию, связав формы политического сознания с жизненными циклами цивилизаций [34]. А. Тойнби в «Постижении истории» предложил концепцию «вызова-и-ответа», раскрыв динамику развития политического сознания в контексте цивилизационного развития [29].

Цивилизационный подход, развитый в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, А.С. Панарина, исходит из признания уникальности цивилизационных кодов — исторически сложившихся комплексов ценностей, норм и институтов. Политическое сознание

в рамках данного подхода выступает репрезентантом цивилизационной идентичности, обеспечивая устойчивость государства как исторического субъекта.

Современные школы, включая неинституционализм и социальный конструктивизм, подчеркивают роль политического сознания как фактора, формирующего восприятие легитимности и идентичности, а также как инструмента воспроизводства социально-политических смыслов.

Страна-цивилизация — это макросоциальная система, обладающая самодостаточным цивилизационным кодом, культурной миссией и способностью воспроизводить собственную модель развития. Для таких стран характерна интеграция духовно-нравственных ценностей в политическую систему и наличие миссионной идеи, определяющей их субъектность.

Цифровизация политического пространства приводит к формированию сетевого типа сознания, характеризующегося множественностью источников и эмоциональной доминантой. Это изменяет формы политической социализации и механизмы легитимации власти. Современный этап характеризуется процессом реидеологизации, при котором политическое сознание ориентируется на традиционные ценности и национальную идентичность. Образование, культура и медиа становятся ключевыми каналами воспроизводства цивилизационных смыслов.

В России процесс трансформации политического сознания проявляется в синтезе традиционных и инновационных элементов. Усиливается роль исторической памяти, духовности и социальной справедливости, при этом формируется новая идентичность, связанная с цифровым суверенитетом и идеей национальной модернизации.

В российской научной традиции И.А. Ильин в произведениях «О сущности правосознания» и «О грядущей России» разработал духовно-нравственную концепцию политического сознания, основанную на православной антропологии [14; 13]. А.С. Панарин в «Православной цивилизации» и «Искушении глобализмом» развил цивилизационный подход, показав

специфику российского политического сознания в контексте вызовов глобализации [24; 25].

Современный этап характеризуется синтезом различных традиций. П. Бергер и Т. Лукман в «Социальном конструировании реальности» разработали теорию социального конструктивизма, раскрывшую механизмы объективации политических смыслов [4]. Э. Гидденс в своем произведении «Устроение общества» предложил теорию структуризации, преодолевающую дихотомию структуры и действия в анализе политического сознания [7]. М. Кастельс в «Информационной эпохе» и «Власти коммуникации» исследовал трансформацию политического сознания в условиях сетевого общества [16]. Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» разработал теорию делиберативной демократии, раскрывающую дискурсивные основания современного политического сознания [33].

В Новое время политическое сознание становится рациональной категорией — результатом осмысления общественного договора. Оно приобретает форму саморефлексии субъекта, осознающего свои естественные права и социальные обязанности. Таким образом, философско-классический подход утверждает, что политическое сознание — это не просто знание о политике, а форма духовного и интеллектуального самопознания личности в контексте власти и закона. Современные исследователи (Ю. Хабермас, Ч. Тейлор) развивают эту линию, рассматривая политическое сознание как форму коммуникативного разума, в котором истина и легитимность власти конституируются через диалог и согласие [33; 39].

Теоретическое осмысление политического сознания демонстрирует сложную диалектику преемственности и инноваций в развитии научного знания. Классические подходы сохраняют свою эвристическую ценность, одновременно обогащаясь новыми методологическими перспективами. Современный этап характеризуется стремлением к синтезу различных традиций и разработке комплексных моделей, адекватных сложности исследуемого феномена в условиях глобальной трансформации политической реальности.

Политическое сознание молодежи включает когнитивный, ценностно-нормативный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент отражает уровень знаний о политических процессах, ценностный — мировоззренческие ориентации, эмоциональный — отношение к политическим явлениям, а поведенческий — готовность к участию в политической жизни. В совокупности эти элементы формируют целостную систему восприятия политической реальности.

Функции политического сознания молодежи — когнитивная, аксиологическая, регулятивная, интегративная и мобилизационная. Они обеспечивают осознание личностью своего места в политической системе и участие в процессах общественного развития.

Современная политическая реальность характеризуется ростом цифровых коммуникаций, развитием сетевых форм участия и снижением роли традиционных институтов социализации. Интернет и социальные сети формируют новую структуру политического восприятия, основанную на горизонтальных взаимодействиях и феномене «постправды», в связи с чем политическое сознание молодежи становится гибридным, сочетающим рациональные и эмоциональные элементы (табл.).

Политическое сознание молодежи представляет собой многомерный и динамичный феномен, интегрирующий когнитивные, ценностные и деятельностные аспекты. Его формирование и развитие выступают стратегическим условием укрепления гражданской культуры и политической стабильности.

Современные тенденции — цифровизация, глобализация и кризис доверия к институтам — требуют обновления теоретико-методологических подходов к анализу политического сознания. Формирование зрелого политического сознания молодежи должно рассматриваться как приоритет государственной и образовательной политики.

Проблема политического сознания является одной из ключевых категорий политической науки и философии политики, поскольку она раскрывает внутрен-

ний механизм взаимодействия субъекта и политической реальности. Через призму политического сознания исследуется, каким образом человек осознаёт власть, власть осмысляет человека, а общество воспроизводит собственные институты и нормы. В современном научном дискурсе политическое сознание понимается как интегративный феномен, включающий когнитивные, ценностно-нормативные и эмоционально-волевые компоненты.

Оно не только отражение политических отношений, но и активная способность субъекта конструировать политическую реальность в рамках определенной цивилизационной, культурной и информационной парадигмы. В классической политологической традиции оно рассматривалось как отражение социальной реальности, тогда как современные подходы трактуют его как активный конструктор политической действительности.

Таблица

Структура политического сознания молодежи

Аспект	Компоненты	Содержательная характеристика
Содержательные характеристики	Цивилизационная идентичность	Осознание принадлежности к российской цивилизации как особому культурно-историческому типу
	Историческая преемственность	Восприятие современной политической реальности через призму исторического пути развития России
	Ценностное ядро	Ориентация на традиционные духовно-нравственные ценности как основу политического выбора
	Коллективная субъектность	Осознание молодежью своей роли в воспроизводстве и развитии цивилизационных основ общества
Структурные компоненты	Когнитивный	Знание цивилизационных особенностей политического развития России
	Аксиологический	Принятие цивилизационных ценностей как личных ориентиров
	Праксиологический	Готовность к политическому действию в цивилизационном контексте
	Идентификационный	Осознание цивилизационной принадлежности
Функциональные особенности	Самоопределение	Способность к цивилизационному самоопределению в глобальном политическом пространстве
	Синтез	Умение синтезировать традиционные ценности и современные политические практики
	Ответственность	Готовность к ответственному участию в укреплении цивилизационного суверенитета
Процесс формирования	Исторический опыт	Освоение исторического опыта российской цивилизации
	Ценностные основания	Усвоение традиционных ценностных оснований политической культуры
	Воспроизводство	Овладение механизмами цивилизационного воспроизводства
	Гражданственность	Формирование практик ответственного гражданства

Ключевые особенности феномена — интегративный характер, системность политического сознания, культурно-историческая обусловленность, практическая ориентированность, преемственность поколений. *Цивилизационное политическое сознание представляет собой высшую форму политического самосознания мо-*

лодежи, интегрирующую исторический опыт, ценностные ориентиры и стратегические перспективы развития страны цивилизации.

На основе ключевых феноменов политического сознания молодежи нами сформулирована сущностная характеристика цивилизационного политического сознания,

которая определяется как высшая форма политического самосознания молодежи, интегрирующая исторический опыт, ценностные ориентиры и стратегические перспективы развития страны-цивилизации.

Таким образом, теоретические подходы к сущности и содержанию политического сознания молодежи становятся основой для построения современного общества. При этом в молодежной политике должен учитываться гибридный феномен, сочетающий рациональные и иррациональные элементы, идеологические и цифровые структуры, личностную идентичность и массовую манипуляцию. Политическое сознание представляет собой фундаментальную категорию политической науки, объединяющую рациональное и духовное, личное и коллективное, традиционное и инновационное. Его теоретическое осмысление показывает, что в разные эпохи акценты смещались — от морали к рациональности, от материальных детерминант к символическим, от классового анализа к культурно-ценностному, от идеологического воздействия к информационно-коммуникативным механизмам. Современный этап характеризуется переходом от анализа сознания как отражения к пониманию сознания как конструктора политической реальности. Этот сдвиг требует синтеза философских, социологических, культурологических и когнитивных подходов. В условиях глобализации, цифровизации и идеологической турбулентности именно глубокое теоретическое осмысление политического сознания становится основой укрепления гражданской идентичности, ценностного суверенитета и интеллектуальной безопасности общества.

Список литературы

1. *Августин А.* О граде Божиим: перевод с латинского / Аврелий Августин. — М.: АСТ, 2023. — 1240 с.
2. *Адорно Т.В.* Исследование авторитарной личности / Теодор В. Адорно; пер. с нем. М.Н. Попова, М.В. Кондратенко. — М.: ЛитРес [поставщик], 2012. — 250 с.
3. *Аристотель.* Политика / ; пер. С.А. Жебелёв; под общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Изд-во Юрайт, 2025. — 297 с.
4. *Бергер П.Л.* Социальное конструирование реальности: трактат по социол. знания / Питер Бергер, Томас Лукман; пер. / — М.: Моск. филос. фонд, 1995. — 322 с.
5. *Бурдьё П.* Социология политики / Пьер Бурдьё; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко; пер. с фр.: Е.Д. Вознесенская и др. — М.: Socio-Logos, 1993. — 333 с.
6. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер; пер. с нем. М.И. Левиной. — М.: Бизнеском, 2013. — 321 с.
7. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс; пер. И. Тюриной. — М.: Акад. проект, 2003. — 525 с.
8. *Гоббс Т.* Левиафан / Томас Гоббс. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
9. *Граммши А.* Тюремные тетради / Антонио Грамши; пер. с итал.; вступ. ст. М.Н. Грецкого, с. 5–22. — М.: Политиздат, 1991.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. — 812 с.
11. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда; Метод социологии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр; изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапова. — М.: Наука, 1991. — 572 с.
12. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. А. Аполлонова, Т. Котельниковой. — М.: Издат. дом Дело; РАНХиГС, 2018. — 732 с.
13. *Ильин И.А.* О грядущей России: Избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. — Джорданвилль (Н.Й.): Свято-Троиц. монастырь: Корпорация «Телекс», Сор. 1991. — 367 с.
14. *Ильин И.А.* О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. — 235 с.
15. *Кастельс М.* Власть коммуникации / Мануэль Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архиповой под науч. ред. А.И. Черных. — 2-е изд., доп. — М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2017. — 590 с.
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. — М., 2000. — 606 с.
17. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб.: «Макет», 1995. — 316 с.
18. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / Джон Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семе-

- нова; Фонд либеральных программ «Свободный мир». — М.; Челябинск: Социум, 2014. — 480 с.
19. *Луман Н.* Власть / Никлас Луман; пер. с нем. А. Антоновской. — М.: Праксис, 2001. — 249 с.
  20. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии: сочинение Карла Маркса, изданное под редакцией Фридриха Энгельса / пер. с фр. Ф. Кенэ и М.А. Бунятина, с англ. П.Н. Ключкина. — М.: Эксмо, 2012.
  21. *Маркс К.* Немецкая идеология: критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков: с приложением статьи Ф. Энгельса «Истинные социалисты»: [с предисловиями предыдущих русских изданий: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса (1818–2018)] / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 8-е изд. — М.: URSS: ЛЕНАНД, сор. 2019. — XXI, 615 с.
  22. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. — 3-е изд. — М. [и др.]: Питер, 2013. — 351 с.
  23. *Олпорт Г.* Становление личности: Избр. тр. / Гордон Олпорт; пер. с англ. Л.В. Трубицыной и Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — 461 с.
  24. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. — М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003. — 415 с.
  25. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003 (АООТ Твер. полигр. комб.). — 541 с.
  26. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). — М.: ИФ РАН, 1994. — 262 с.
  27. *Платон.* Государство. Законы. Политик. — М.: Мысль, 1998. — 798 с.
  28. *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. В. Ютанова. — М.: П. Пловхов, 1906. — [2], IV, 108 с.
  29. *Тойнби А.Д.* Постигание истории: сборник / пер. с англ.; А.Дж. Тойнби; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; заключ. ст. Е.Б. Рашковского; авт. коммент. Д.Э. Харитонович, Н.И. Колышкина. — М.: Прогресс, Б.г. (1990). — 730 с.
  30. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я» / Зигмунд Фрейд; пер. с нем. Я.М. Когана, И.Д. Ермакова. — СПб.: Азбука, 2017. — 190 с.
  31. *Фромм Э.* Бегство от свободы; Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. — М.: АСТ, 2004. — 571 с.
  32. *Фромм Э.* Здоровое общество; Догмат о Христе: перевод с немецкого / Эрих Фромм. — М.: Транзиткнига : АСТ, 2005. — 571 с.
  33. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2007. — № 4. — С. 43–63.
  34. *Шпенглер О.* Закат Европы / пер. А.А. Франковского. — М.: Изд-во Юрайт, 2025. — 237 с.
  35. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — М.: Прогресс, Б.г. (1988). — 534 с.
  36. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. — 344 с.
  37. *Bourdieu P.* La Distinction: Critique sociale du jugement. — Paris: Ed. de Minuit, 1979.
  38. *Laclau E.* On populist reason. — L.; N.Y.: Verso, 2005.
  39. *Taylor Ch.* Modern social imaginaries. — Durham: Duke univ. press, 2004. — 215 p.
  40. *Weber M.* Economy and society. — Berkeley, 1978. — Vol. 1.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-449-80-93

УДК. 32

Тянь Синь

аспирант,

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Т.Л. Мусатова

кандидат исторических наук,

доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

**РОССИЯ-КИТАЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА****Tian Xin**

PhD student,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

E-mail: 1250947050@qq.com

T.L. Musatova

PhD in History, Associate Professor,

Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: tat.musatova@gmail.com

**RUSSIA-CHINA: ENSURING EURASIAN SECURITY
AS A KEY AREA OF STRATEGIC PARTNERSHIP**

Аннотация. Статья посвящена стратегическому партнерству России и Китая как фактору обеспечения новой архитектуры безопасности в Евразии. Являясь самым значимым и большим континентом и в то же время не имеющим надежной системы безопасности, Евразия поддерживает концепцию многополярного мира и не желает повторения ошибок, обречших на поражение евроатлантизм. Все страны региона выступают за связку безопасности и развития («устойчивая безопасность») как инструмента защиты от типичных для Евразии нетрадиционных угроз. Россия и Китай в рамках уникальных «отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» вносят значимый вклад в решение проблем региона. Исходя из принципа равной и неделимой безопасности, обе страны делают все от них зависящее для обеспечения тесной политико-дипломатической, военно-оборонной и торгово-экономической координации как в двустороннем, так и многостороннем формате, включая такие региональные объединения, как СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, а также ОПОП. Достигнуто определенное согласование стратегических инициатив России и КНР (российской БЕП и китайской Глобальной инициативы в области безопасности, а также глобального управления). Комплекс стратегического партнерства требует постоянного мониторинга и актуализации, и настоящая статья призвана внести свой вклад в решение этой задачи на основе анализа документов и многочисленной литературы, в том числе западной. Использовались базовые теоретико-прикладные теории, включая реализм, материализм, частично марксизм и социализм с китайской спецификой; метод сопоставления и сравнительного анализа позиций сторон; корреляции совпадений, отраженных в официальных документах, с реальными делами. Сделаны выводы о стратегическом значении личной дипломатии лидеров России и Китая и особо важной роли саммитов; о достаточно успешном преодолении Россией и Китаем санкционного давления Запада и надежности экономической основы для укрепления стабильности в Евразии; о взаимном стремлении Москвы и Пекина в рамках ШОС+ к подключению новых партнеров к евразийскому проекту безопасности, включая Индию и Иран.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, Россия, Китай, Центральная Азия, «устойчивая безопасность», Евразия, ШОС, ЕАЭС, ОПОП, БЕП.

Abstract. The article is devoted to the strategic partnership between Russia and China as a factor in ensuring a new security architecture in Eurasia. Being the most significant and largest continent and at the same time deprived of a reliable security system, Eurasia supports the concept of a

multipolar world and does not want to repeat the mistakes that doomed Euro-Atlantics. All countries in the region advocate a combination of security and development (“sustainable security”) as a tool to protect against non-traditional threats typical of Eurasia. Russia and China are making a significant contribution to solving the problems of the region within the framework of a unique “comprehensive partnership and strategic cooperation”. Based on the principle of equal and indivisible security, both countries are doing everything in their power to ensure close political, diplomatic, military-defense, and trade-economic coordination, both in a bilateral format and within the framework of multilateral regional associations such as the CIS, CSTO, EAEU, SCO, and OBOR. Coordination of each other’s strategic initiatives (the Russian BEP and the Chinese Global Security Initiative, as well as global governance) has been achieved. The phenomenon of bilateral cooperation requires constant monitoring and updating, and this article aims to contribute to this task based on an analysis of the sources of the two countries and numerous literature, including Western. The basic theoretical and applied theories were used, including realism, materialism, partly Marxism with Chinese characteristics; the method of comparing and comparative analysis of the positions of the parties; correlations of coincidences reflected in official documents with real cases. Conclusions are drawn about the strategic importance of personal diplomacy between the leaders of Russia and China and the particularly important role of summits; the successful overcoming of Western sanctions pressure by Russia and China and the existence of an economic basis for strengthening stability in Eurasia; and the mutual desire of Moscow and Beijing within the SCO+ to involve new partners in the Eurasian security project, including India and Iran.

Key words: Strategic Partnership, Russia, China, Central Asia, “sustainable security”, Eurasia, SCO, EAEU, OBOR, BEP.

Стратегическое партнерство России и Китая в период становления многополярного мира является одним из основополагающих факторов формирования новой международной системы безопасности, в том числе в Евразийском регионе.

Евразия¹ — это самый большой континент планеты, играющий роль географического, материального и ресурсного фундамента обновляемого мира. После развала системы безопасности на евроатлантическом пространстве именно Евразия сохраняя верность Уставу ООН и международному праву, становится «лабораторией многосторонности», сердцевинной поиска новых форм безопасности, именно сюда перемещаются новые центры силы, опережающего экономического развития и принятия глобально значимых политических решений. На этом фоне особую актуальность приобретает такое явление, как отсутствие на Евразийском континенте общей организации, хотя здесь имеется целый ряд субрегиональных структур, играющих свою роль в укреплении безо-

пасности. Государства Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан) — ЦА, нынешнего постсоветского пространства Евразии, исторически находившиеся «под зонтиком» СССР, ныне входят в Содружество Независимых Государств (СНГ) и в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С 2015 г. в Евразии действует Евразийский экономический союз (ЕАЭС), межправительственная организация экономической интеграции в составе России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии. Учрежденная в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была создана по инициативе Китая и России. Однако с учетом усиливающейся в настоящее время нестабильности в мире и в силу экономического отставания региона от ведущих стран Азии здесь нарастает турбулентность с проявлениями международного терроризма, религиозного экстремизма, сепаратизма; генерируются новые вызовы и угрозы, связанные с киберпреступностью, наркотрафиком,

¹ «Евразия — это Азия и Европа, включающая в себя южные, восточные и юго-восточные части (регионы) континента. Вместе с тем трактовки географического понятия Евразии разнятся между собой, составляя достаточно большой спектр определений. Под узким определением понимается Евразия в пределах части границ Российской империи и СССР, под широким — система азиатских регионов и территорий от Тихого океана до западных границ Белоруссии и Карпат» [15, с. 3–4].

нелегальной миграцией, нестабильностью в Афганистане. Налицо также усиление вмешательства внешних сил, прежде всего США и Евросоюза, стремящихся к ограничению влияния России и Китая, установлению своего доминирования и получению таким образом доступа к природным ресурсам региона.

Для России и Китая южная, восточная и юго-восточная части Азиатского континента — это жизненно важный район, где две державы непосредственно соседствуют, соприкасаясь своими огромными территориями по границе протяженностью более чем 4 300 км.

Москва и Пекин построили «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху» — уникального тандема, основанного на общности ключевых интересов, обоюдной неприязни к мировому гегемону — США, координации действий во внешней политике и безопасности, взаимной симпатии лидеров двух стран. Обе державы демонстрируют «тематический альянс» в качестве членов Совета Безопасности ООН, координируя свои действия и выступления по конкретным вопросам. Россия подтверждает принцип «одного Китая», в то время как Китай сохраняет позицию «нейтралитета и примирения» в отношении украинского кризиса: выступает против нелегитимных антироссийских санкций, вопреки сложным условиям на западных границах Евразии интенсифицирует курс на развитие всестороннего партнерства с Россией, выдвигает мирные инициативы по урегулированию украинского кризиса, предполагающие устранение первопричин его возникновения. В Москве и Пекине с тревогой наблюдают за состоянием безопасности на всей территории Евразийского континента вплоть до Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где разрастается сеть узкоблоковых структур, входящих в систему НАТО и действующих в духе «менталитета холодной войны» под лидерством США.

Все перечисленные обстоятельства обуславливают чрезвычайную актуальность темы обеспечения евразийской безопасности. Цель настоящей статьи —

проанализировать роль стратегического партнерства России и Китая как важного фактора обеспечения стабильности в Евразии. Под таким углом зрения в работе рассматриваются современные направления и формы политического, военного, торгово-экономического и социально-экономического взаимодействия; основные результаты этого процесса в период нахождения у власти в России В.В. Путина и в Китае Си Цзиньпина; взаимные шаги России и Китая по решению проблем безопасности в рамках евразийских многосторонних объединений; параметры идеологического осмысления Россией и Китаем актуального концепта евразийской безопасности; проблемы, возникающие в двустороннем сотрудничестве по причине санкционного давления, и то влияние, которое оно оказывает на продвижение двух стран по пути обеспечения безопасности; выводы и рекомендации с целью устранения имеющихся проблем и построения здания евразийской стабильности.

Стороны видят своей задачей создание в Евразии контура равной и неделимой безопасности, взаимовыгодного равноправного сотрудничества и развития, систему, в рамках которой все государства были бы уверены в собственной безопасности и защите. Это достигается через укрепление диалога, формирование будущей архитектуры связанности между региональными организациями (ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС), создания системы гарантий двустороннего и многостороннего уровня, постепенного сворачивания присутствия внешних держав, включения вопросов социально-экономического благосостояния, интеграции и всестороннего взаимовыгодного сотрудничества в повестку многосторонних евразийских объединений.

Задача построения системы евразийской стабильности многофункциональна и междисциплинарна в плане ее научного осмысления. Здесь можно выделить, по крайней мере, две составляющие — традиционная и нетрадиционная безопасность, или военно-оборонная, классическая, с одной стороны, и социально-экономическая, нетрадиционная, — с другой. На взгляд российских экспертов, следует говорить как об общей и традици-

онной коллективной безопасности, то есть безопасности государств, так и об «устойчивой безопасности», связанной с проблематикой «устойчивого развития» [4; 17] и ее неотъемлемой части — «экономической безопасности» [31]. Обеспечение безопасности в отношении нетрадиционных катаклизмов, включая водные, продовольственные, энергетические и др., — это более острая проблема, чем обеспечение безопасности государства, поскольку она непосредственно затрагивает каждого жителя планеты и требует срочных совместных действий [46, с. 268]. Как свидетельствует анализ официальных выступлений и литературы, такой подход разделяют не только в Китае, но и в России [39; 12]. Исходя из концепции «устойчивой безопасности», в последние годы были разработаны основополагающие документы по внешней политике и дипломатии каждой из двух стран, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Правовой основой совместных действий России и Китая по обеспечению безопасности в Евразии является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в 2001 г. Президентом России В.В. Путиным и председателем Китая Цзянь Цзэмином. Стороны не вступили в союзнические отношения и не взяли на себя обязательства по совместной обороне от агрессии, которые содержались в договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. И вместе с тем дружественные соседские отношения между ними превосходят военно-политические альянсы, исповедующие логику конфронтации. Документ закрепил взаимные обязательства сторон о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия и взаимном ненацеливании ракет. Москва и Пекин обязались оказывать взаимную поддержку по вопросам «защиты государственного единства и территориальной целостности друг друга». В 2021 г. Договор был автоматически продлен на пять лет, а в 2026 году будет отмечаться его 25-летие.

Как говорится в Совместном заявлении, подписанном по итогам визита Си Цзиньпина в Россию 8 мая 2025 г., стороны придают большое значение глобальным инициативам и концепциям друг друга, важности и дополняемости категорий многополярности и многосторонности. В 2016 и 2024 гг. Россия в качестве объединительной повестки дня выдвинула концепцию построения «Большого Евразийского пространства» (БЕП), идея которого стала сегодня флагманской российской программой экономической интеграции континента и построения на этой основе новой архитектуры евразийской безопасности. За короткий период концепция БЕП завоевала принципиальную поддержку Китая и всех названных выше объединений.

Глобальной идеей Пекина для мира и Азии является «Сообщество единой судьбы человечества», которая была предложена в выступлении Председателя КНР в марте 2013 г. в Москве (МГИМО). «Сообщество» как бы охватывает «Один пояс, один путь», вдохновляемый старинным «Шелковым путем», а также последующие инициативы, о которых мы уже говорили и которые стали основными проектами современной внешней политики КНР [11]. Как подчеркнул министр иностранных дел КНР Ван И в марте 2024 г., «Сообщество единой судьбы» получило международное признание в ООН, а также ШОС. Оно стало реальностью в рамках отношений со всеми странами ЦА².

В работе рассматриваются многочисленные официальные документы и весьма солидная и многогранная научная литература, как российская, так и китайская, зарубежная. Первенство отдавалось анализу новых источников и монографического материала, что необходимо для выстраивания полноценного исследования.

При рассмотрении тематики евразийской безопасности российские эксперты делают акцент на многополярности и Большом Евразийском пространстве [7; 11; 18; 22]. В фокусе — построение БЕП

² В Сианьской декларации в рамках формата Китай+Центральная Азия в 2023 г. было подтверждено создание «Сообщества единой судьбы» ЦА и КНР. С 2023 г. саммиты в этом формате проводятся на уровне глав государств. В 2024 г. был учрежден Секретариат в Сиане. Отношения Китая со всеми пятью странами ЦА выведены на уровень стратегического партнерства.

как общего геополитического пространства, альтернативного евроатлантическому. Россия призвана играть роль гаранта безопасности с опорой на СНГ [24]; ОДКБ [9; 29], ЕАЭС [18; 25], а также ШОС [8; 17]. Не ослабевает интерес к китайской инициативе «Пояса и Пути» (ОПОП) [13; 26]. Запад расценивается как главный источник нестабильности. Наряду с СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ШОС, рассматривается возможность привлечения других многосторонних платформ в Азии, таких как АСЕАН [1], а также создания новых форматов сотрудничества.

Многие российские исследования посвящены вопросам стратегического партнерства с Китаем [3; 7; 14; 15; 17; 18; 22]. Контакты в политико-идеологической сфере постоянно находятся в фокусе российской политологии [11]. Большое значение имеет изучение экономики в качестве фундамента евразийской безопасности, экономических аспектов региональных проблем [3; 5; 21; 22; 34]. В центре внимания — тема сопряжения «Пояса и Пути» и ЕАЭС [13; 19; 26; 31]; меньше работ по военно-оборонному [2; 10] и энергетическому [22; 28; 41] сотрудничеству как ключевому направлению торгово-экономического партнерства.

Китай видит проблему евразийской безопасности под углом зрения «Сообщества единой судьбы человечества», в том числе в региональном измерении [3; 22; 35]. Главным инструментом достижения этих целей называются инициатива ОПОП [32; 36], а также ШОС [42; 46]. Группа китайских экспертов занималась проблемой сопряжения ОПОП и ЕАЭС [39; 42]. Многие китайские специалисты предлагают более решительно продвигаться вперед, приступив уже сейчас к созданию Зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках этого сопряжения [47], а молодые специалисты призывают к открытию Дальнего Востока для Китая [6]. В последние годы Пекин активно занимается повышением статуса Китая как глобальной военной державы, опирающейся на успехи в развитии [43; 44; 46].

Большое внимание уделялось китайским исследованиям о стратегическом партнерстве двух стран [42; 43]. Линь Боцян, Ван Сяоцюань, Завьялова и др. анализи-

руют стратегическое энергетическое партнерство с Россией и ЦА [28; 40]. При этом с учетом зависимости Китая от поставок энергоресурсов из Евразии активно изучаются безопасность трубопроводов и альтернативные маршруты поставок; влияние санкций на энергорынки и пр.

Российский и китайский научные курсы противостоят западному. На взгляд западных политологов, НАТО остается ключевым гарантом безопасности в Европе, протягивая свои щупальца до Азии и АТР, которым угрожает якобы Китай. Расширение НАТО в Европе до начала СВО рассматривается как инструмент сдерживания России; намерения России в Евразии связываются с восстановлением СССР; ОДКБ оценивается как новое явление Организации Варшавского Договора (ОВД); ЕАЭС — как объединение с ограниченной интеграцией; подчеркивается малая эффективность ШОС в вопросах безопасности. Что же касается Китая, то делается огульный вывод об угрозе евразийской политики Пекина основам международной безопасности. Особенно это сказывается в отношении военно-оборонной политики Китая и его инициативы ОПОП («долговые ловушки», геополитическое проникновение, военная модернизация, нарушение прав человека) [6; 48–50].

В ряду теорий и исследовательских методов большое место отводилось теории системного анализа и политического реализма, делающего ставку на национальные государственные интересы и баланс интересов. Использовались такие теоретико-прикладные подходы, как материализм, частично марксизм и социализм с китайской спецификой, базовая терминология которого нашла отражение в российском внешнеполитическом дискурсе. Фокусируется теория нового регионализма и неоевразийства [20; 33 и др.]; в экономическом отношении — теория евразийской интеграции [5]; модели «евразийского устойчивого развития» как части «устойчивого развития в равном и неделимом формате». Евразийская стратегия в КНР все еще находится в разработке, однако уже сейчас ясно, что региональное управление будет прагматически превалировать над глобальным управлением [37]. При обработке

и осмыслении официальных документов использовались методы компаративного анализа; сопоставления и сравнения позиций сторон; корреляции указанных совпадений, отраженных в официальных документах, с реальностью в практическом поле сотрудничества.

Россия занимает традиционно сильные позиции в Евразии. Они основаны на фундаментальных исторических, социокультурных, географических и других факторах. Москва активно работает в ОДКБ, повышает эффективность деятельности СНГ, стремится к углублению интеграции в рамках ЕАЭС. Важно, что интеграционные объединения показывают убедительные результаты.

Для Пекина Евразия с 1991 г. — это ЦА, новые партнеры Китая, которые ранее были малодоступны. Вместе с тем значимость ЦА для Китая сложно переоценить, и она постоянно возрастает. Регион важен с точки зрения обеспечения безопасности западных границ и районов Китая, купирования уйгурской угрозы и обострения афганской проблемы, обеспечения энергетической и иной ресурсной безопасности, транспортной связанности китайской экономики с рынками Европы и Ближнего Востока. Наконец, ЦА — это ключевой регион для реализации инициативы ОПОП в Евразии. Вместе с тем, «малая Евразия» — это сравнительно небольшое пространство по отношению к Азиатскому континенту и его Восточному и Юго-Восточному побережью, где сосредоточены самые значимые интересы внешней политики и безопасности Китая.

Россия — главный центр силы в Евразии, она общепризнанный актор на постсоветском пространстве региона, особенно после вывода американских контингентов из Афганистана. Москва — не новичок в защите евразийских государств и построении для них системы безопасности. Сегодня Россия имеет задел, на который может опереться в Евразии и который дает ей ряд преимуществ: опора в сфере безопасности

на ОДКБ; в сфере экономики — на ЕАЭС; устойчивые позиции в области энергетики; фундаментальная роль в сфере образования, науки и культуры; роль русского языка как языка государственного и профессионального общения; фактор исторической памяти; культурные и межличностные связи; тесные контакты на уровне руководства государств.

Единственной структурой, которая обеспечивает стабильность и безопасность стран-участниц от внешних угроз и внутренних вызовов в ЦА, является ОДКБ в составе стран СНГ и ЦА. Это межправительственная организация военно-оборонного типа, способная к практическим действиям³. Традиционно в рамках ОДКБ Россия играет роль гаранта безопасности для трех государств ЦА (Казахстана, Киргизии и Таджикистана). У Москвы имеются двусторонние договоренности о военном сотрудничестве с Узбекистаном и Туркменией, не являющимися членами ОДКБ. С большей частью стран региона действует соглашение о единой системе ПВО. Москва сыграла главную роль в разрешении в январе 2022 г. кризиса в Казахстане, чреватого государственным переворотом. Пользуясь специальным каналом связи с Астаной по линии ОДКБ, Россия организовала отправку туда контингентов ОДКБ. Китай поддержал усилия России в этом плане, поскольку создавшаяся ситуация угрожала сохранению его имущества в стране. Ранее в 2020 г. ОДКБ удалось предотвратить взрывоопасную ситуацию в Киргизии, а также приостановить приграничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном в 2022 г. В настоящее время речь идет о превращении ОДКБ в полноценную международную военно-политическую организацию, предполагающую повышение готовности Коллективных сил ОДКБ, развитие института Наблюдателей и Партнеров по диалогу, обеспечение правосубъектности Парламентской ассамблеи ОДКБ [9].

Однако мнения экспертов об ОДКБ варьируются [29]. Тем не менее Органи-

³ В 2007 г. были сформированы Миротворческие силы ОДКБ (ныне — 3,5 тыс. человек), в 2009 г. — Коллективные силы быстрого реагирования (20 тыс. человек). Ключевым фактором в обеспечении единой системы коллективной безопасности региона остается присутствие дислоцированной в Таджикистане 201-й российской военной базы и российской авиационной группировки в Киргизии (г. Кант).

зация является самостоятельной, имеет оборонный характер и сосредоточена на противодействии внешним угрозам. Россия планирует оснастить ее современным вооружением, прошедшим апробацию на фронтах СВО. ОДКБ ни в коем случае не намерена соперничать с кем бы то ни было. Вместе с ШОС и СНГ Организация готова работать с целью «уплотнить взаимодействие» на условиях взаимодополняемости. Как подчеркивается в Совместном заявлении от 16.05.2024 г., «Стороны признают важную роль ОДКБ и СНГ в обеспечении региональной безопасности». Вместе с тем в ряде случаев в ЦА Пекин начинает принимать свои собственные защитные меры. Так, активно развиваются контакты в формате КНР-ЦА, трехсторонний диалог КНР-Афганистан-Пакистан, Пекин прилагает серьезные усилия по интенсификации отношений с Туркменистаном на двусторонней основе. «Но не думаю, — пишет эксперт из НИУ ВШЭ В. Кашин, — что можно говорить о каком-то соперничестве между РФ и КНР, — военного присутствия России и масштабной помощи со стороны Москвы в регионе значительно больше» [10].

Российско-китайское партнерство преопределено отношениями «вечного добрососедства». По мнению китайских экспертов, Россия и Китай достигли самого высокого уровня «приоритетного партнерства» [14, с. 116–117]. К 2019 г. обе страны «окончательно осознали невозможность вписаться на равных в международную систему, в которой доминируют США и их союзники», что положило начало «новой эпохе» сближения между ними [16]. С 2022 г. реальное стратегическое партнерство между РФ и КНР получило беспрецедентное развитие и обрело новое качество. Его сердцевина — двусторонние механизмы полного цикла для поддержания политического диалога и осуществления глобального управления кооперацией. Трудно переоценить систему регулярных ежегодных встреч между лидерами двух стран, премьер-министрами, министрами иностранных дел и обороны, главами спецслужб и парламентов. Самой высокой оценки заслуживает «дипломатия лидеров» двух стран, которые провели более

40 саммитов. Согласование стратегического видения, развитие концепции двусторонних связей и закрепление этих установок в двусторонних документах — все это необходимо для того, чтобы определить общий алгоритм движения. Другая сторона саммитов — держать руку на пульсе происходящего, выявлять и закрывать узкие места, устранять поводы для конкуренции, находить компромиссы и взаимоприемлемые решения. Стороны осуществляют плотную координацию, действуют оперативно и слаженно, поддерживая высокую динамику взаимодействия.

Фундаментом стратегического партнерства служат торгово-экономические обмены, осуществляемые на основе Соглашения 2010 г. и др. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2024 г. объем взаимной торговли по сравнению с 2023 г. увеличился на 1,9% и достиг рекордной отметки — 244,81 млрд долл. КНР на сегодня является абсолютным лидером среди основных торговых партнеров России. В 2023 г. Москва вышла на пятую позицию по стоимостному объему товарооборота. По данным Главного таможенного управления КНР, по итогам января-сентября 2025 г. товарооборот Китая и России снизился на 9,4% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., составив 163,621 млрд долл. По данным таможни, Китай за январь-сентябрь ввез в Россию товаров на 73,566 млрд долл., снижение по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. составило 11,3%. Поставки из РФ в КНР сократились на 7,7%, составив 90,054 млрд долл. При этом более 90% расчетов между странами осуществляется с 2024 г. в национальных валютах. Динамика структуры торговли определяется преобладанием минеральных ресурсов в российском экспорте; машин и оборудования, изделий радиоэлектронной промышленности — в китайском. Причем фактическое китайское присутствие на российском рынке более значительно, чем это показывают данные китайской таможенной статистики. В связи с этим можно предположить, что ощутимая часть китайских товаров, поступающих в страны Центральной Азии и СНГ (Белоруссия, Казахстан, Узбеки-

стан, Таджикистан), реэкспортируется в Россию.

Успехом в наращивании товарооборота обе страны обязаны, прежде всего, транзакциям с углеводами (более 80% от общей торговли). Сооруженный в 2019 г. газопровод «Сила Сибири» способствует диверсификации российского энергетического экспорта в КНР и гарантирует энергетическую безопасность «Поднебесной». С 1 декабря 2024 года «Сила Сибири» работает на максимальной проектной мощности — 38 млрд куб. м газа в год. В начале февраля 2022 г. «Газпром» подписал с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) второй долгосрочный контракт — на экспорт по дальневосточному маршруту с суммарным объемом поставок до 48 млрд куб. м ежегодно. С учетом газопровода «Сила Сибири-2» и его продолжения через Монголию — газопровода «Союз Восток» — экспорт газа в Китай может быть увеличен до 50 млрд куб. м в год. «Дальневосточный» маршрут предполагает строительство ответвления от внутрироссийского газопровода «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» в Китай. Газ по «дальневосточному» маршруту пойдет в январе 2027 г. 2 сентября 2025 г. «Газпром» и CNPC подписали юридически обязывающий меморандум о строительстве «Силы Сибири — 2» и транзитного газопровода через Монголию «Союз Восток». Также стороны договорились об увеличении поставок по газопроводу «Сила Сибири» с 38 до 44 млрд куб. м газа в год, по «дальневосточному» маршруту — с 10 до 12 млрд куб. м газа в год. Согласно подписанному в 2022 г. соглашению «Газпрома» и CNPC, расчеты за поставки газа в Китай осуществляются в рублях и юанях [27]. С участием России в Китае построены четыре энергоблока Тяньваньской АЭС⁴.

На взгляд западных исследователей, война на Украине, влияние антироссийских санкций ведут Россию к нарастающим потерям экономических рычагов и традиционных зон влияния в Евразии,

Москва — больше не основной торговый партнер всей ЦА, ее заменил Пекин. Однако эта тенденция не связана с проведением СВО, а проявилась ранее. В перспективе — наращивание Москвой и Пекином товарооборота до 300 млрд долл. к 2030 г. В целом торгово-экономический вектор стратегического партнерства характеризуется впечатляющей динамикой и выполняет, на наш взгляд, отведенную ему роль, несмотря на наличие серьезных проблем при осуществлении международных расчетов по причине нелегитимных односторонних ограничений и пр.

Высокий уровень взаимного доверия позволяет интенсивно развивать военно-оборонное и военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем. На регулярной основе проводятся совместные командно-штабные, военно-морские, военно-воздушные и антитеррористические учения; взаимное патрулирование в некоторых частях Мирового океана. Новым моментом является проведение совместных военно-морских учений в «чувствительных» для НАТО акваториях Южно-Китайского, Балтийского морей и Ормузского пролива и совместное патрулирование ВВС над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей. На протяжении многих лет Китай является основным импортером российского вооружения. Продажа Пекину 24 истребителей Су-35 и системы ПВО С-400 укрепила безопасность страны [44]. В последние годы наметился переход к более совершенной форме сотрудничества — взаимным разработкам и совместному производству [46, с. 238–239]. Россия оказала содействие в создании в КНР системы предупреждения о ракетном нападении, что свидетельствует о высочайшем уровне взаимодоверия [16].

Двустороннее взаимодействие и координация между Россией и Китаем осуществляются в рамках ШОС, созданной в 2001 году, со штаб-квартирой в Шанхае. Через эту Организацию обе державы осуществляют сотрудничество в области

⁴ В 2019 г. «Росатом» и Китайская государственная корпорация ядерной промышленности подписали контракт на сооружение третьего и четвертого энергоблоков АЭС «Сюйдапу» в провинции Ляонин. В 2021 г. стартовало строительство новых атомных блоков в Китае — на Тяньваньской атомной электростанции и АЭС «Сюйдапу». Ввод новых блоков Тяньваньской АЭС в эксплуатацию запланирован на 2026–2027 гг., АЭС «Сюйдапу» — на 2027–2028 гг. [27].

борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью в Евразии, ведут поиск ответов на новые вызовы и угрозы [45], организуют регулярные антитеррористические маневры⁵.

В целом тесная координация в ШОС становится одним из основных направлений стратегического партнерства. Организация была создана по инициативе России и Китая и при участии четырех государств ЦА (кроме Туркменистана) в качестве межгосударственной платформы для обсуждения широкого спектра проблем евразийской стабильности, принятия консенсусных решений и их осуществления. Присоединение к Организации в последние годы Индии, Ирана, Пакистана, Белоруссии призвано повысить международный авторитет Организации, оно также способно повлечь серьезные изменения в международной и региональной деятельности ШОС и вместе с тем привести к появлению ряда проблем, требующих немедленного урегулирования. Дело в том, что ШОС не является военным блоком. Страны-участницы руководствуются принципами равенства и невмешательства во внутреннюю политику друг друга, весьма чувствительны к сохранению своих суверенитетов, выступают с осуждением любой гегемонии. Формат ШОС отражает, прежде всего, взгляды Китая, который считает Организацию своим первым и основным институциональным проектом в Евразии. Россия разделяет китайский подход, однако у Москвы и Пекина имеются некоторые несовпадения в видении ШОС. Так, российских экспертов беспокоит, что роль ШОС как инструмента безопасности остается все еще ограниченной. На их взгляд, ШОС необходимо развивать институциональную опору комплексной безопасности в Азии [8, с. 129]. Россия приветствует расширение состава Организации и отмечает, что новые члены — Индия, Иран и Пакистан — вместе с Россией и Китаем, являются полноправными членами «ядерного клуба». Индия поддерживает концепцию

ШОС как Организации, прежде всего, по обеспечению безопасности. Несколько по-иному мыслят китайские специалисты, отмечая, что расширение состава Организации — это не всегда позитивная идея (первоначально Пекин был против вступления Индии). Как полагают в Китае, необходимо, прежде всего, скорректировать право консенсуса, думая не только об обеспечении равноправия при голосовании, но также о совершенствовании глобального управления в регионе.

Некоторые несовпадения имеются и в плане экономической деятельности ШОС. Москва, безусловно, учитывает лидерство КНР в экономическом сотрудничестве с государствами ШОС с 41% -ной долей в общем товарообороте государств-членов и падением доли самой России до 38%, что обеспечило ей второе место в товарообороте [35; 36]. Китай и ряд стран ЦА поддерживают движение в сторону экономизации ШОС, скорейшего осуществления решений о создании Банка развития и соответствующего Фонда. В новых условиях мирового развития и своего продвижения на Восток, на саммите ШОС в Китае в конце августа — начале сентября 2025 года России пришлось учесть эти пожелания и поддержать курс на активизацию экономического вектора Организации.

В последние годы в фокусе внешнеполитических исследований в России оказалась разработка обобщающей стратегии евразийской интеграции. ЕАЭС стал функционировать как общий рынок товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы начиная с 2015 года. В трудный период после 2022 года, в отличие от Европейского союза, ЕАЭС сумел удержать позитивную динамику развития, доказав свою жизнеспособность. По итогам 2024 г. рост совокупного ВВП в ЕАЭС составил 4,2%, а промышленное производство в постоянных ценах увеличилось на 4,5% [23].

Ответом Китая на сдвиги в международной и региональной ситуации явилось выдвигание Си Цзиньпином в 2013 г.

⁵ Регулярно с 2005 г. проводятся учения под названием «Мирная миссия», специальные мероприятия по линии спецслужб и правоохранительных органов. В ШОС регулярно организуются также военно-морские маневры [2, с. 57–61]. Значимым стал вывод военных баз стран НАТО из Киргизии и Узбекистана, что не обошлось, по всей видимости, без обсуждения этой проблемы с Китаем и согласования обоюдных позиций.

в Астане глобального логистического проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП)⁶. Пять стран ЦА — легитимные участники китайского проекта, поскольку именно через эти территории в старину проходил Шелковый путь в Европу. Поэтому не случайно, что они увидели здесь новые возможности развития, расширения торговых связей с выходом на китайский рынок, привлечения инвестиций.

Многие эксперты, поддержавшие ОПОП, высказали в то же время определенные опасения относительно механизма его функционирования (увеличение долговой нагрузки на страны-участницы; опасения, что инвестиции Китая в ЦА могут привести к долговой зависимости этих стран от Пекина; неравные условия участия; несоответствие стандартам; усиление конкуренции) [26, с. 142]. Инициатива ОПОП сразу же вызвала критику на Западе. Как отмечают М. Глянц и Дж. Росс, этот проект рассчитан на оказание геополитического влияния и противодействие Западу, в том числе в Евразии [6].

На первых порах официальная реакция России на китайскую инициативу была прохладной, однако впоследствии ситуация изменилась. Как указывалось в Совместном заявлении Москвы и Пекина в 2015 г., стороны взаимно поддерживают ОПОП и ЕАЭС, намерены предпринимать усилия по их сопряжению. Это означало, что Китай признал новое интеграционное объединение под эгидой России и согласился работать сообща. Москва оценила значимость этой поддержки. Однако было необходимо также заручиться гарантиями, что Китай будет уважать политические интересы России в странах ЦА; что будет обеспечена независимость ЕАЭС, который должен сохранить свой автономный потенциал для са-

мостоятельного участия в дальнейшем развитии региона [18].

Между тем, как заявил академик РАН В.Л. Ларин, идея сопряжения ОПОП и ЕАЭС «никак не работает в экономическом плане» [13]. В коммюнике по итогам 30-й встречи премьер-министров России и Китая 4 декабря 2025 г. стороны акцентировали необходимость урегулирования этой несостыковки, обязавшись углублять сопряжение планов развития ЕАЭС и ОПОП, добиваться всесторонней реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС (и его государствами-членами) и КНР от 17 мая 2018 г. На уровне правительств они условились и далее содействовать упрощению процедур торгово-инвестиционной деятельности, закреплению результатов сотрудничества.

Взаимодействие между Китаем и Россией в области евразийской безопасности оказывает позитивное влияние на стабильность во всей Азии, прежде всего путем сдерживания попыток США сохранить одностороннюю гегемонию в регионе. Москва и Пекин активно реагируют на соперничество и нетрадиционные угрозы безопасности, активизируют неполитизированную работу над общими вызовами стабильности, включая предупреждение терроризма и поддержание кибербезопасности, предлагают новые идеи и решения для управления глобальной и региональной безопасностью. Что касается работы КНР со странами ЦА в формате 5+, то об этом мы уже упоминали. Такой же формат учрежден с 2022 года на министерском уровне между Россией и странами ЦА. Согласно сообщениям о встрече министров иностранных дел стран ЦА+Россия в Минске в апреле 2024 г., был подтвержден настрой на транспортное, гуманитарное,

⁶ ОПОП — это масштабный, многомерный, преследующий множество экономических целей логистический план. В дипломатическом и геополитическом отношениях целью ОПОП является укрепление двусторонних отношений с соседними странами посредством осуществления инфраструктурных инициатив; противодействия пагубным последствиям политики США, осуществляемой в рамках «Стратегии ребалансировки сил в АТР»; соединения двух концов Евразийского континента и повышения его международного значения. В экономическом плане ОПОП призван устранить дисбаланс в развитии между восточными и западными регионами Китая; переместить излишки китайского производства стали и цемента на рынки, которые нуждаются в них в первую очередь; обеспечить углубление региональной экономической интеграции и торговли с широким кругом стран; соединить источники ресурсов и энергии для обеспечения экономического развития.

миграционное сотрудничество, по вопросам здравоохранения и санитарно-эпидемиологического благополучия [12]. Таким же путем следует Индия, собираются идти по нему Иран и др.

14 июня 2024 г. Президент России В.В. Путин предложил план построения архитектуры безопасности в Евразии, основой которого может служить «Большое Евразийское пространство в экономической сфере». Принципиальная новизна этого предложения заключается в том, что будущая система будет открыта для всех стран, в том числе европейских и натовских; для ее реализации необходимо привлечь все действующие в Евразии международные организации и объединения ЮВА; социально-экономическое развитие является неотъемлемой составляющей понятия евразийской безопасности. В России видят в ЦА «основной элемент» построения БЕП, оказывающий первостепенное воздействие на обеспечение «устойчивой безопасности». Ничто не мешает уже сейчас добиваться вывода войск внешних стран с Евразийского континента, каким бы фантастическим ни казался ныне этот призыв.

Каково отношение Китая к БЕП-2024? Как указывается в Совместном заявлении России и Китая от 8 мая 2025 года, Пекин придает большое значение российской инициативе Евразийской архитектуры безопасности и надеется одновременно продвигать свою Глобальную инициативу в области безопасности. Позднее, в ноябре 2025 г. в совместном коммюнике по итогам 30-й встречи глав правительств России и Китая отмечалось важное положительное значение концепции «Сообщества единой судьбы человечества» и Инициативы по глобальному управлению. Но, несмотря на совпадение интересов, в деле достижения полного сопряжения стратегических документов предстоит еще большая работа. По словам Генерального директора Российского совета по международным делам (РСМД) И.Н. Тимофеева, БЕП и китайская Инициатива глобальной безопасности в значительной степени совместимы, хотя предлагаемые ими способы имплементации могут быть разными [30].

***

Обеспечение безопасности на Евразийском континенте происходит по нарастающей и в позитивном ключе, несмотря на сохранение американского доминирования в Азии и постоянные попытки Вашингтона и его союзников укрепить свои позиции на континенте и вокруг него.

Первостепенным фактором стабилизации в настоящее время служит «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие», вступившее в «новую эпоху», требующую укрепления взаимодоверия. Трудно переоценить эффективную роль политико-дипломатических механизмов и саммитов, личной дипломатии лидеров двух стран в поддержании тонаса стратегического сотрудничества и успешного продвижения вперед, несмотря на продолжающийся конфликт на западных окраинах Евразии. Вопреки определенной несбалансированности операционного сотрудничества и давлению со стороны новых западных ограничительных мер, российско-китайское партнерство, включая политику и безопасность, военно-оборонную, технологическую, торгово-экономическую составляющие, продолжает служить надежным фундаментом взаимодействия, и его показатели улучшаются.

Россия играет в настоящее время роль локомотива в поддержании и защите евразийской безопасности. Имеющийся у нее инструментарий, не являясь безупречным, значим и надежен, его опора — СНГ, ОДКБ, ЕАЭС. Китай позитивно оценивает роль ОДКБ и СНГ в регионе, работает в направлении углубления сопряжения ОПОП с ЕАЭС, сложность достижения которого нивелируется в общем контексте БЕП и участвующих в его продвижении многосторонних объединений Евразии.

Российская и китайская концепции безопасности близки и совпадают по стратегическим векторам, хотя могут различаться по способам достижения стратегических целей. Обе державы склоняются к пониманию региональной стабильности как «устойчивой безопасности», органически связанной с концепцией «содействия устойчивому развитию ООН» при приоритетной роли экономической, энер-

гетической, социальной безопасности, цивилизационных начал, совместной неполитизированной работы по преодолению нетрадиционных вызовов и угроз. Вместе с тем Москва и Пекин уделяют неослабевающее внимание коллективной безопасности и поддерживают построение жесткого контура по периметру внешних границ. Одно из серьезнейших условий построения действенной архитектуры евразийской безопасности — недопущение в регион внешних сил.

Стороны отмечают большое значение модернизации механизмов ШОС в сфере противодействия вызовам и угрозам безопасности. В этой связи они выступают за скорейшее введение в действие Соглашения об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности и Соглашения об Антинаркотическом центре.

Пекин высоко оценивает выдвинутую РФ идею построения Евразийской архитектуры безопасности. Стороны готовы совместно активно продвигать сопряжение концепций по безопасности, включая китайскую Инициативу по глобальной безопасности и Инициативу по глобальному управлению. Это и есть «совместное видение будущего», разрабатываемое двумя сторонами [20].

По установившемуся в российско-китайском партнерстве негласному пониманию, Россия является драйвером обеспечения безопасности; Китай — драйвером развития экономического сотрудничества, что обеспечивается объективными условиями. Феномен «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» несовместим с соперничеством или конкуренцией. Средством гармонизации ситуации в рамках стратегического партнерства России и Китая может быть «разграничение полномочий» и «распределение ролей». И, тем не менее, главное, как представляется, — это сохранение «взаимоверия», значение которого в нынешнем беспокойном мире только возрастает.

Список литературы

1. Байков А.А. АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы: монография /

А.А. Байков, В.В. Вершинина; под ред. А.В. Колдуновой и др. Предисл. ак. А.В. Торкунова. — 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2025. — 608 с.

2. Васильев Л.Е. Взаимодействие России и Китая в решении проблем по обеспечению безопасности в Евразии // URL: <https://cyberleninka.ru/articles/n/>.
3. Внешняя политика КНР и российско-китайское взаимодействие в год 75-летия двусторонних дипломатических отношений. Сборник тезисов по материалам докладов и ежегодного Круглого стола Центра «Россия, Китай и мир». 11 июня 2024 года / отв. ред. Т.М. Мамаханов. — М.: ИКСА РАН, 2025. — 60 с.
4. Глазунова Е.Н. К вопросу о генезисе понятия «устойчивая безопасность» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. — 2018: — № 2. — С. 3–31.
5. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция. Теория и практика. — М., 2023. — 645 с.
6. Глянц Г.М., Росс Дж.Р. Долгий марш Китая в 2049 год / перев. с англ. — М., 2019. — 262 с.
7. Дипломатия стран Востока и Юга в условиях трансформации системы международных отношений / под ред. К.М. Барского. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 408 с.
8. Еникеев Ш.М. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях / Ш.М. Еникеев, А.В. Лукин, Д.П. Новиков // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. — № 1. — С. 129–148.
9. Интервью Директора I ДСНГ МИД России М.В. Агасандяна органу СМИ «Союзники. ОДКБ» // URL: <https://odkb-souz.org/intervyu/62/>.
10. Кашин В. Промышленное сотрудничество: путь к слиянию российской и китайской экономики // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Валдайские записки. — 2016, март. — № 44. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22150/>.
11. Кортунув А.В. Инициатива в области глобальной безопасности. Пекин принимает новую роль // URL: <https://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/initiativa>.
12. Лавров С.В. Вступительное слово на встрече министров иностранных дел в формате «Россия — Центральная Азия». 12 апреля

- 2024 г. // URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1944056/.
13. *Ларин В.* Инициатива «Пояса и пути»: экономика и политика / РСДМ. — 25.05.2023. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/>.
  14. *Лексютина Я.В.* Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. — 2025. — Т. 8. — № 2. — С. 114–126.
  15. *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. — М.: ИД «Форум», 2009. — 288 с.
  16. *Лукин А.* Российская стратегия в отношении Китая в новую эпоху // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 3 (май-июнь). — URL: <https://globalaffairs.ru/issues/2020/3/?ysclid=mjs9db2dbz159290741>.
  17. *Лукин А.В.* Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 5. — Р. 46–59. — URL: <https://www.politstudies.ru/article/5696>.
  18. *Лукин А.В.* Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). — М.: ИКСА РАН, 2024. — 959 с.
  19. *Макаров И.А.* Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России / И.А. Макаров, А.К. Соколова // URL: <https://iorj.hse.ru/data/2016/07/01/1115769128/...pdf>.
  20. *Маслов А.А.* Стратегическое партнерство в условиях глобальных перемен. Интервью журналу «Международная жизнь». 03.04.2025 // URL: <https://interaffaires.ru/news/show/5/006/>.
  21. *Матвеева А.А.* Россия и Китай в условиях санкционного давления (2014–2025) // Актуальные исследования. — 2025. — № 18(253). — URL: <https://apni.ru/article/11941-strategicheskoe-partnerstvo-rossii-i-kitaya-v-usloviyah-sankcionnogo-davleniya-2014-2025>.
  22. IX Международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху. 75 лет дипломатических отношений РФ и КНР. 30–31 мая 2024 г. / РСМД; Китайская академия общественных наук (КАОН). — М., 2024. — 16 с. (на рус. и кит. яз.).
  23. Министерство экономического развития РФ: В 2025 г. страны ЕАЭС продолжат работу над созданием общего финансового рынка и независимой платежной инфраструктуры. 21.03.2025 // URL: <https://www.economy.gov.ru/material/news/...html>.
  24. *Никитина Ю.А.* Проблемы региональной безопасности — СНГ // Метаморфозы мировой политики / под общ. ред. М.М. Лебедевой. — М.: МГИМО-У, 2012. — С. 70–84.
  24. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире: монография / Л.Э. Слуцкий, М.И. Кротов, В.И. Мунтиян. — М., 2025. — 294 с.
  26. *Саидов Б.С.* Сравнительный анализ интеграционных инициатив и проектов России и Китая в Центральной Азии // Известия Восточного института. — 2024. — № 3 (63). — С. 138–149.
  27. Сообщение Пресс-службы компании «Газпром». 4.02.2022 // URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2022/february/article547475/>.
  28. Стратегическое партнерство России и Китая в сфере энергетики: Монография / Е.Б. Завьялова, Ван Сяоюань и др.; под ред. Е.Б. Завьяловой и Ван Сяоюаня; МГИМО(У) МИД России. — М.: Научная библиотека. 2019. — 296 с.
  29. *Сыроежкин К.Л.* Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль и потенциал ОДКБ // Вызовы безопасности в Центральной Азии. — М.: ИМЭМО РАН. 2013. — С. 131–134.
  30. *Тимофеев И.Н.* Евразийская и глобальная архитектура безопасности. Направления сопряжения. 4 марта 2025 г. Международный дискуссионный клуб «Валдай» // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaja>.
  31. *Тимофеев И.Н.* Система евразийской безопасности. Экономический аспект. 1.08.2024 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics/>.
  32. *Тураева М.О.* Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. / М.О. Тураева, А.А. Яковлев // Россия и современный мир. — 2024. — № 3(124). — С. 8–26.
  33. *Цыганков А.П.* Социология международных отношений. Анализ российских и западных теорий / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. — М.: Аспект Пресс, 2006.
  34. Об основных трендах развития торговли России и Китая. 13.09.2024 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/>.
  35. *Ван Ивэй.* Сообщество единой судьбы. В чем общая цель и отличительная черта китайской дипломатии в новую эпоху? // Российская газета. — 2022. — 10 ноября.
  36. *Ван Ивэй.* Один пояс и один путь: что принес миру подъем Китая? / перевод на рус. яз. —

- Пекин: New World Press, Новый мир, 2017. — 261 с.
37. *Вэйцзин Дай*. Взгляды Китая и России на глобализацию и регионализацию и их влияние на евразийскую интеграцию // Сравнительная политика. — 2024. — Т. 15. — № 4. — С. 33–47.
38. *Ли Мин*. Новая модель отношений между Китаем, США и Россией: война, сотрудничество и стратегические возможности Китая // Цифровой бюллетень. — 2025, 31 марта. — № 1(19). — URL: <https://pircenter.org/editions/analiz-19-2025-novaya-model-otnoshenii-mezhdu-kitaem-ssha-i-rossiei-voina-sotrudnichestvo-i-strategicheskie-vozmozhnosti-kitaya/>.
39. *Ли Юнцюань, Чжан Нин*. Изучение экономического партнерства Шелкового пути и Евразийского экономического союза. — Пекин: НОАК, 2017. (На кит. яз.).
40. *Линь Боцян*. Думая об энергетической политике Китая. — Пекин, 2009. (На кит. яз.).
41. *Тянь Синь*. Геополитическое влияние китайско-российской торговли энергоресурсами: от «энергетической зависимости» до «энергетической безопасности» // Вопросы политологии. — 2025. — Т. 15. — Вып. 4(116). — С. 1498–1502.
42. *Чжао Хуашэн*. Евразийская интеграция: взгляд из Китая. 2020 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — URL: <https://ru.valdaiclub.com/>
43. *Ши Синь*. Модель модернизации партнерства Китая: на примере партнерства Китая со странами Центральной Азии // 2024. — № 6. — С. 67–88. (На кит. яз).
44. 搜狐网. (2024). 中俄联合军演: 深化战略合作与安全关系的关键时刻. (Соху. (2024). Совместные китайско-российские военные учения: критический момент для углубления стратегического сотрудничества). — URL: https://www.sohu.com/a/807432244_121956424
45. 中国新闻网. (2021). 中俄学者发布联合研究报告共议应对中亚安全风险的路径选择. (China News Network (2021). Китайские и российские ученые опубликовали совместный исследовательский отчет по проблемам безопасности в Центральной Азии. // URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2021-12/30/35416634.html>.
46. *Fu Yiung*. Seeing the World. — Beijing, 2019.
47. *Zhao Huasheng*. Greater Eurasian Partnership: China's Perspective // China International Studies. — 2018. — N 68. — P. 68–84.
48. *Hall I D.P., Envall H.D.P.* Asian strategic Partnerships: new Practices and regional security Governance // Asian Politics and Policy. — 2016. — Vol. 8. — N 1. — P. 87–105.
49. Putin's "Turn to the East" in the XI Jinping Era / K. Stallard, J.D.J. Brown, S. Radchenko et al. — London; New York: Routledge 2024. — 238 p.
50. *Russell M.* Eurasian Economic Union. The rocky road to integration. Briefing. — 2017. — April. — 12 p. — URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/599432/EPRS_BRI..._EN.pdf.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-449-94-100

УДК 338

Р.М. Байгуловдоктор экономических наук, профессор,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва**ЦИФРОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА ДАННЫХ:
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЮТ ГРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА****R.M. Baygulov**Doctor in Economic Sciences, Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: baygulov2018@mail.ru**DIGITAL DATA GEOPOLITICS:
HOW ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS
REDEFINE THE BOUNDARIES OF ECONOMIC INFLUENCE AND STATE SOVEREIGNTY**

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена цифровой геополитики данных в контексте становления нового технологического уклада, основу которого составляют искусственный интеллект и большие данные. Авторский анализ демонстрирует, что контроль над потоками данных и алгоритмическими системами их обработки превратился в ключевой фактор экономического могущества и суверенитета государства. Целью работы является выявление механизмов, с помощью которых технологии искусственного интеллекта, в частности крупные языковые модели и нейросетевые алгоритмы, трансформируют традиционные понятия границ, территориального контроля и экономического влияния. Методология исследования включает сравнительный политико-экономический анализ, case-study ключевых юрисдикций (США, КНР, ЕС, Россия), а также формализацию модели зависимости национального технологического суверенитета от параметров «алгоритмической экстерриториальности». В работе представлена оригинальная концепция «цифрового технологического протекционизма» как ответной стратегии государств на вызовы геополитики данных. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для формирования национальной политики в сфере регулирования трансграничных потоков данных, развития отечественных инфраструктур искусственного интеллекта и защиты цифрового пространства как компонента государственного суверенитета.

Ключевые слова: цифровая геополитика, искусственный интеллект, большие данные, технологический суверенитет, экономическое влияние, цифровая трансформация, государственный суверенитет, алгоритмы, нейросети, регуляторные практики.

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of digital data geopolitics in the context of the emerging new technological order, the basis of which is artificial intelligence and big data. The author's analysis demonstrates that control over data flows and algorithmic systems for their processing has become a key factor in the state's economic power and sovereignty. The aim of the work is to identify the mechanisms by which artificial intelligence technologies, in particular large language models and neural network algorithms, transform traditional concepts of borders, territorial control and economic influence. The research methodology includes comparative political and economic analysis, a case study of key jurisdictions (USA, China, EU, Russia), and the formalization of a model of the dependence of national technological sovereignty on the parameters of «algorithmic extraterritoriality». The paper presents an original concept of «digital technological protectionism» as a state response strategy to the challenges of data geopolitics. Practical significance lies in the development of recommendations for the formation of national policy in the field of regulating cross-border data flows, the development of domestic artificial intelligence infrastructures and the protection of digital space as a component of state sovereignty.

Key words: digital geopolitics, artificial intelligence, big data, technological sovereignty, economic influence, digital transformation, state sovereignty, algorithms, neural networks, regulatory practices.

Классическая геополитика, оперировавшая понятиями сухопутных, морских и воздушных пространств, претерпевает фундаментальную цифровую трансформацию. В центре нового, шестого технологического уклада находятся не физические ресурсы, а данные (data) и инструменты искусственного интеллекта (ИИ) для их обработки. Способность экстрагировать ценность из данных определяет конкурентоспособность национальных экономик, формируя новый ландшафт глобального влияния — цифровую геополитику данных [4, с. 56]. В этом контексте технологический суверенитет государства все более определяется его возможностью контролировать «полный цикл»: генерацию, хранение, передачу и, что критически важно, алгоритмический анализ данных на своей территории или в рамках доверенной юрисдикции.

Цель исследования — раскрыть, как конкретные инструменты ИИ (нейросетевые модели, предиктивные алгоритмы, системы компьютерного зрения) становятся агентами пересмотра границ экономического влияния и компонентами национального суверенитета.

Ниже приведены задачи, которые решались для достижения поставленной цели.

Во-первых, проанализировать эволюцию понятий суверенитета и границы в условиях доминирования платформенных экономик.

Во-вторых, провести технический анализ ключевых алгоритмов ИИ как инструментов экстерриториального влияния.

В-третьих, рассмотреть на кейсах (США, КНР, ЕС, РФ) правовые и экономические стратегии в области цифровой геополитики.

В-четвертых, разработать теоретическую модель оценки угроз технологическому суверенитету от иностранных нейросетевых систем.

В-пятых, предложить контуры политики «цифрового технологического протекционизма».

Более подробно рассмотрим теоретические основы перехода от территориального к цифровому суверенитету.

Эволюция понятия суверенитета в условиях цифровой трансформации пред-

ставляет собой фундаментальный сдвиг парадигмы от исключительно территориальной модели к комплексной, включающей контроль над цифровыми пространствами и алгоритмическими процессами. Классическая вестфальская модель, закрепляющая суверенитет как абсолютную и исключительную власть государства в пределах его географических границ [2, с. 112], сталкивается с вызовами, порожденными сетевыми технологиями и новым технологическим укладом, основанным на данных.

Концепция технологического суверенитета возникает на стыке следующих трех ключевых трансформаций.

Во-первых, это дематериализация ресурсов, где ключевым экономическим и стратегическим ресурсом становятся данные (data), а не физические территории или сырье. Именно их генерация, агрегация и анализ с помощью инструментов искусственного интеллекта (ИИ) создают новую форму капитала и власти.

Во-вторых, экстерриториальность инфраструктур, через такие цифровые инструменты экономик, как облачные платформы, социальные сети, системы платежей, которые функционируют в глобальном масштабе, часто подчиняясь юрисдикции государства-резидента головной компании, а не страны пребывания пользователя. Это создает феномен алгоритмической экстерриториальности.

И наконец, в-третьих, переопределение границ влияния, где границы экономического и политического влияния более не совпадают с государственными рубежами. А они, прежде всего, определяются радиусом действия нейросетевых моделей, пропускной способностью каналов данных и правилами цифровых торговых площадок.

Если традиционный суверенитет, по Вестфальской модели, неразрывно связан с территориальным контролем, то цифровая трансформация создала феномен экстерриториальности данных — информация, физически хранящаяся на серверах в одной стране, может принадлежать юридическому лицу из другой и обрабатываться алгоритмами ИИ, разработанными в третьей [7, с. 88].

Это формирует «новые границы» — не линии на карте, а точки доступа к данным, проприетарные (закрытые) программные интерфейсы (API) и стандарты нейросетевых архитектур.

Инструменты экономики, основанной на данных, — это прежде всего алгоритмы машинного обучения. Их технический анализ позволяет выявить механизмы влияния:

- предиктивная аналитика для прогнозирования потребительского спроса, финансовой стабильности или социальной напряженности в суверенном государстве извне;
- крупные языковые модели (Large Language Models, LLM), формирующие нарративы и интерпретации событий, потенциально чуждые национальным интересам;
- системы рекомендаций, определяющие информационную диету граждан и таким образом влияющие на публичную сферу.

Технологический суверенитет в этой парадигме — это способность государства обеспечивать независимый анализ своих стратегических данных на базе доверенных цифровых инструментов.

Формализовать это противоречие можно через модель расщепленного суверенитета:

$$S_{total} = S_{territorial} \times \alpha + S_{digital} \times \beta,$$

где S_{total} — совокупный (полный) суверенитет государства;

$S_{territorial}$ — классический территориальный суверенитет (контроль над физическим пространством, населением, институтами);

$S_{digital}$ — цифровой суверенитет, определяемый как способность государства осуществлять независимую политику в киберпространстве, контролировать критически важные цифровые активы и обеспечивать безопасность своих данных;

α и β — весовые коэффициенты, отражающие относительную значимость каждого компонента. В экономике знаний XXI века β стремительно приближается к α , а в некоторых секторах (например, финансы, связь) и превышает α .

Цифровой суверенитет ($S_{digital}$), в свою очередь, может быть декомпозирован на составляющие, оцениваемые через индекс цифрового суверенитета (ИЦС):

$$ИЦС = (K_{data} + K_{infra} + K_{alg}) / 3,$$

где K_{data} — коэффициент суверенитета над данными. Рассчитывается как доля стратегически значимых данных (персональные данные граждан, данные госорганов, промышленные данные КИИ), хранящихся и обрабатываемых на территории государства или в юрисдикциях с адекватным уровнем защиты, в соответствии с требованиями, например, ст. 18 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [5].

Формула:

$$K_{data} = (V_{local} + V_{trusted}) / V_{total},$$

где V — объем данных;

K_{infra} — коэффициент суверенитета над инфраструктурой. Отражает долю критической цифровой инфраструктуры (серверы, магистральные каналы связи, центры обработки данных), контролируемой национальными операторами или государством. Включает показатели выполнения Постановления Правительства РФ № 201 от 21.02.2020 «О создании единой сети передачи данных...» в части инфраструктуры государственных органов [6];

K_{alg} — коэффициент суверенитета над алгоритмами. Наиболее сложный для оценки параметр, измеряющий зависимость от иностранных нейросетевых архитектур, систем машинного обучения и проприетарного программного обеспечения. Для его оценки применим метод экспертных опросов и технический анализ стека (набора) технологий в ключевых отраслях.

Пример метрики:

$$K_{alg_i} = 1 - (N_{foreign_{AI}} / N_{total_{AI}}),$$

где для i -й отрасли (например, здравоохранение) рассчитывается доля используемых алгоритмов ИИ иностранного происхождения.

В качестве примера можно рассмотреть кейс, иллюстрирующий конфликт юрисдикций: Решение Суда Европейского союза по делу «Schrems II» (2020) признало недействительным решение Еврокомис-

сии о достаточности уровня защиты данных в рамках соглашения «Privacy Shield» между ЕС и США [9]. Суд установил, что американское законодательство (в частности, Закон FISA — Foreign Intelligence Surveillance Act) предоставляет государственным органам США несоразмерный доступ к данным европейских граждан, хранящимся на американских серверах, что нарушает фундаментальные права на приватность, закрепленные в Общем регламенте по защите данных (GDPR) [10]. Этот прецедент — яркий пример того, как цифровой суверенитет ЕС, выраженный в жестких нормах защиты данных, вступил в противоречие с экстерриториальными притязаниями США, основанными на соображениях национальной безопасности. В результате трансграничные потоки данных между двумя крупнейшими экономиками были серьезно осложнены, что стимулировало дальнейшую локализацию облачных инфраструктур и развитие европейских цифровых инструментов.

Другим примером может служить кейс суверенитета через стандартизацию, как Китайская стратегия «Военно-гражданская интеграция» (Civil-Military Fusion) в сфере искусственного интеллекта и активное продвижение собственных стандартов связи (5G от Huawei) и операционных систем (HarmonyOS) демонстрируют иной путь. Здесь технологический суверенитет обеспечивается не только правовыми барьерами, но и созданием конкурентоспособной и политически подконтрольной технологической экосистемы. Разработка и обязательное внедрение алгоритмов социального кредита (social credit system), основанных на нейросетевом анализе больших данных о поведении граждан и компаний, представляет собой пример использования инструментов ИИ для укрепления суверенитета государства над обществом в новой, цифровой форме [10].

Таким образом, теоретический переход от территориального к цифровому суверенитету заключается не в отмене первого, а в его наложении на новую, виртуальную плоскость. Границы в цифровую эпоху — это не только линии на карте, но и протоколы шифрования, правила трансграничной передачи данных, исходный код алгорит-

мов и стандарты нейросетевых интерфейсов. Успешное поддержание технологического суверенитета требует от государства комплексного подхода, сочетающего регуляторную жесткость (как в случае GDPR), инвестиции в национальные инфраструктуры и алгоритмы (как в Китае) и активное участие в формировании глобальных технических стандартов.

Следующий вариант технологического суверенитета — через создание алгоритмических инструментов геополитики, а именно модели угроз.

Итак, для формализации угроз можно представить зависимость уровня технологического суверенитета (ТС) от степени контроля над алгоритмическим стеком (АС).

Так, модель 1: Индекс алгоритмической зависимости (ИАЗ)

$$ИАЗ_i = (\sum (w_k \times D_{ik})) / K,$$

где $ИАЗ_i$ — индекс для i -й критической отрасли (финансы, энергетика, здравоохранение);

w_k — вес k -го иностранного алгоритма/платформы ИИ (рассчитывается методом анализа иерархий на основе критериев, таких как доля рынка, уникальность функционала и глубина интеграции);

D_{ik} — оценка глубины зависимости i -й отрасли от k -го алгоритма по шкале 0–1 (0 — полная автономия, 1 — критическая зависимость);

K — нормирующий коэффициент.

Тогда общий индекс технологического суверенитета может быть выражен как:

$$ТС = 1 - (\sum \beta_i \times ИАЗ_i),$$

где β_i — вес i -й отрасли в национальной безопасности.

Модель 2 представляет оценку экстерриториального влияния через данные.

Экономическое влияние государства A на государство B через инструменты ИИ можно упрощенно описать:

$$I_{ab} = V_b \times \alpha \times \int f(DA_{ab}(t)) dt,$$

где I_{ab} — уровень влияния;

V_b — объем и ценность цифрового следа (digital footprint) экономики B ;

α — коэффициент эффективности алгоритмов A для анализа данных B .

$f(DA_{ab}(t))$ — функция доступа алгоритмов государства A к данным

государства *B* в момент времени *t*, определяемая правовыми режимами и техническими уязвимостями.

Рассмотрим и проанализируем кейсы цифровой геополитики данных.

Кейс 1 — это США, где технологический суверенитет проводится как «экстерриториальность через инновации и юрисдикцию».

При этом инструментом является доминирование глобальных технологических платформ, таких как Google, Meta и Amazon, чьи нейросетевые сервисы в виде поиска, таргетинга и облачных вычислений являются де-факто мировыми стандартами. Правовой основой является Закон CLOUD Act (2018), позволяющий американским правоохранительным органам запрашивать данные, хранящиеся за рубежом, у подконтрольных США компаний. Это прямая экстерриториальная юрисдикция над данными. И это всё позволяет оказывать экономическое влияние путём контроля над ключевыми цифровыми инструментами мировой экономики — от систем аналитики до стека (набора) технологий для искусственного интеллекта (TensorFlow, PyTorch).

Следующий **Кейс 2** — это технологический суверенитет, который проводит Китай через «суверенный цифровой периметр и экспорт моделей». Основными инструментами жесткой изоляции внутреннего цифрового пространства являются «Великий китайский файрвол» — Great Firewall и параллельное создание конкурентоспособных алгоритмов ИИ (Baidu, Alibaba, Tencent). Такая стратегия в Китае, как «Военно-гражданская интеграция» (Civil-Military Fusion) в сфере ИИ. Законодательно-правовой основой является Закон о кибербезопасности (2017), Положение о классифицированной защите кибербезопасности, требующие локализации данных и проведения технического анализа на безопасность. Тем самым экономическое влияние Китая в мире осуществляется путём экспорта модели «Интернета под суверенным контролем» и связанных с ней инструментов, таких, как система распознавания лиц, «умные города», в рамках инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative).

Кейс 3 — это осуществление технологического суверенитета Европейским союзом (ЕС), который проводится путём «регуляторного суверенитета и защиты права личности». Сохранение технологического суверенитета проводится установлением глобальных стандартов через мегарегулирование. Тем самым, не обладая платформами уровня США/Китай, ЕС регулирует их деятельность на своей территории. В качестве правовой основы используется общий регламент по защите данных (GDPR, 2018), который ограничивает трансграничную передачу данных, и акт об искусственном интеллекте (AI Act, 2024), где введён запрет на социальное скоринговое оценивание и строгие требования к «высокорисковым» системам ИИ. Экономическое мировое влияние создается через «Эффект Брюсселя», так как иностранные компании вынуждены подстраивать глобальные продукты под стандарты ЕС, что и усиливает его технологический суверенитет через право.

И, наконец, **Кейс 4** — Российская Федерация, достижение технологического суверенитета проводится через «стратегию суверенизации цифрового пространства». Инструментом выступает построение национальной инфраструктуры через закон о «суверенном Рунете», национальное облако и поддержка отечественных инструментов ИИ, таких как, например, фреймворк, т.е. каркас программирования Surikov, и разработки в области компьютерного зрения. Правовой основой являются Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ) Российской Федерации» № 187-ФЗ от 26 июля 2017 года, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27 июля 2006 года и Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». Экономическое влияние осуществляется путём сокращения зависимости от иностранных цифровых инструментов в госсекторе и критической информационной инфраструктуры (КИИ), что позволяет сохранить научно-технологические связи и конкурентоспособность отечественных

нейросетевых решений РФ в глобальной мировой экономике.

С учётом анализа существующих кейсов осуществления технологического суверенитета можно предложить Концепцию цифрового технологического протекционизма.

Так, на основе анализа представленных кейсов можно сформулировать ответную стратегию как цифровой технологический протекционизм. Это не изоляция, а целенаправленная политика, предполагающая:

- селективную локализацию, т.е. повышение требований к использованию доверенных алгоритмов и инструментов ИИ в особо критических инфраструктурах, таких как энергетика, транспорт и финансы;
- обязательную стандартизацию и сертификацию через разработку национальных стандартов безопасности и этики для нейросетевых систем и обязательную сертификацию импортируемых алгоритмов;
- стимулирование «суверенного спроса», т.е. осуществление государственных закупок и создание «регуляторных песочниц» (sandbox) для отечественных разработок в сфере искусственного интеллекта;
- формирование альянсов данных, т.е. создание безопасных режимов обмена данными с доверенными партнерами, например в рамках ЕАЭС, БРИКС и главное — на основе взаимного признания стандартов.

Таким образом, цифровая трансформация мировой экономики и политики привела к тому, что искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы стали новыми инструментами геополитического влияния. Границы государственного суверенитета теперь проходят не только по географическим рубежам, но и по линиям кода, доступа к данным и контроля над алгоритмическими системами принятия решений. Технологический суверенитет становится невозможным без суверенитета над алгоритмами. Стратегии ведущих акторов демонстрируют разнообразие подходов — от американской экстерриториальности и китайской изоляции до европейско-

го регуляторного влияния. Для России и подобных ей государств, стремящихся сохранить самостоятельность в новом технологическом укладе, оптимальной представляется гибкая политика цифрового технологического протекционизма, сочетающая защиту критических цифровых инструментов с активным участием в формировании международных стандартов в сфере искусственного интеллекта. Будущее цифровой геополитики — это соревнование не только нейросетей, но и нормативно-правовых моделей, в которых они существуют и развиваются.

Список литературы

1. Байгулов Р.М. Деривативы и финансовый кризис // *Финансы и кредит*. — 2011. — № 47(479). — С. 19–21.
2. Кловацкий А.Ю. Экономическое взаимодействие России и ЕС: сотрудничество или противостояние? / А.Ю. Кловацкий, Р.М. Байгулов, А.Р. Байгулова // *Актуальные вопросы экономики и финансов в условиях современных вызовов российского и мирового хозяйства. Материалы III Международной научно-практической конференции*. — Самара, 2015. — С. 112–115.
2. Красинский В.В. Вестфальская система и современность: трансформация понятия суверенитета // *Международные процессы*. — 2022. — Т. 20. — № 1(66). — С. 110–128. — DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.66.7.
4. Най Дж.С.-мл. Будущее власти / пер. с англ. В. Ионовой. — М.: АСТ, 2014. — 349, [1] с. — (Серия «Политика»).
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.12.2024) // *Собрание законодательства РФ*. — 2006. — № 31 (Ч. I). — Ст. 3451.
6. Об утверждении Правил создания и эксплуатации единой сети передачи данных... : постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2020 № 201 (ред. от 15.11.2024) // *Официальный Интернет-портал правовой информации*. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202002210038>.
7. Симонян К.Р. Суверенитет в цифровую эпоху: новые вызовы и контуры трансформации // *Полис. Политические исследования*. — 2023. — № 4. — С. 85–101. — DOI: 10.17976/jpps/2023.04.07.

8. *Creemers R.* China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control: preprint. — Rochester, NY: Social Science Research Network, 2023. — 9 May. — 42 p. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4442365. DOI: 10.2139/ssrn.4442365.
9. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 July 2020, Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited and Maximilian Schrems, Case C-311/18, ECLI:EU:C:2020:559. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62018CJ0311>.
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. — L 119, 4.5.2016. — P. 1–88. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679>.

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Ю.А. Тимакина

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

Е.А. Сентищева

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

Н.М. Квач

кандидат технических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Москва

РОЛЬ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

Yu.A. Timakina

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: j.a.timakina@uwc-i.ru

E.A. Sentishcheva

PhD in Pedagogical Sciences,
South-West State University, Kursk
E-mail: elenasentischeva@yandex.ru

N.M. Kvach

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow
E-mail: nkvach@mail.ru

THE ROLE OF LOCAL BUDGETS IN ADDRESSING SOCIO-ECONOMIC TERRITORIAL DEVELOPMENT PROBLEMS

Аннотация. В статье рассматривается роль местных бюджетов в решении задач социально-экономического развития территорий в условиях нестабильности. В рамках финансирования социально-экономического развития муниципального образования из местного бюджета выделяются средства для обслуживания отдельных направлений сбалансированного функционирования территории. По своей сути местные бюджеты носят социальный характер, так как основным их предназначением является решение именно социальных задач развития государства. Управление расходами местного бюджета в контексте совершенствования деятельности органов территориального самоуправления имеет ключевое значение, так как в рамках данной деятельности необходимо, во-первых, выделить стратегически наиболее важные направления расходования общественных финансовых ресурсов и, во-вторых, обнаружить индикаторы, которые свидетельствуют о нецелевом или низкоэффективном использовании средств бюджета муниципального образования. Решение данных задач возможно при тщательном изучении всего бюджетного механизма на территории муниципального образования, выявлении его положительных сторон и недостатков и уже на их основе выработке направлений оптимизации финансовой политики

органов местного самоуправления в области совершенствования управления расходами местного бюджета. Управление расходами местного бюджета представляет собой совокупность процедур, направленных на распределение финансовых ресурсов из централизованного фонда денежных средств муниципального образования с целью решения основных его социально-экономических проблем, при соблюдении принципов адресности, целесообразности, приоритетности, правового характера, устойчивости.

Ключевые слова: местные бюджеты, муниципальное управление, социально-экономическое развитие, территориальный менеджмент.

Abstract. This article examines the role of local budgets in addressing regional socio-economic development challenges in unstable conditions. As part of financing the socio-economic development of a municipality, local budgets allocate funds to support specific areas of the balanced functioning of the territory. Local budgets are inherently social in nature, as their primary purpose is to address the social development objectives of the state. Managing local budget expenditures in the context of improving the performance of local government bodies is crucial, as this activity requires, firstly, identifying the most strategically important areas for spending public financial resources and, secondly, identifying indicators that indicate inappropriate or inefficient use of municipal budget funds. These challenges can be addressed through a thorough study of the entire budgetary mechanism within the municipality, identifying its strengths and weaknesses, and, based on these, developing guidelines for optimizing the financial policies of local government bodies to improve local budget expenditure management. Local budget expenditure management is a set of procedures aimed at distributing financial resources from a municipality's centralized cash fund to address its key socioeconomic problems, while adhering to the principles of targeting, appropriateness, priority, legality, and sustainability.

Key words: local budgets, municipal governance, socioeconomic development, territorial management.

Вопросы управления расходами местного бюджета и путей его совершенствования имеют высокий уровень актуальности в условиях финансового дефицита осуществления своей деятельности органами местного самоуправления. Финансовая система страны построена таким образом, что источники формирования доходной части местных бюджетов являются весьма скудными, что создает предпосылки для образования постоянного дефицита бюджета на муниципальном уровне. Для решения вопросов дефицита местного бюджета существуют два основных пути развития ситуации [5, с. 3915]. С одной стороны, органам местного самоуправления необходимо реализовывать мероприятия в области максимизации роста доходов местного бюджета, а с другой стороны, необходимо осуществлять процедуры по оптимизации расходной части бюджета муниципального образования. Управление местным бюджетом полностью находится в ведении муниципальных органов власти. Как отмечает Ф.С. Агузарова, органы местного самоуправления обладают определенными правами в области управления финансовыми ресурсами местного бюджета, которые

закреплены в нормах действующего законодательства [1, с. 330].

Бюджет муниципального образования состоит из двух основных элементов: доходов и расходов. По мнению А.С. Гиленко, одним из основных принципов функционирования местных бюджетов является принцип финансовой самостоятельности [6, с. 53]. Сущность данного принципа состоит в том, что бюджет муниципального образования должен носить сбалансированный бездефицитный характер, то есть величина расходов бюджета муниципального образования должна покрываться размером его доходов. Однако на практике такая ситуация практически нигде не встречается, так как местные бюджеты уже по своей финансовой сути носят дефицитный характер [8]. Х.И. Иногамов выделяет три основных причины образования несбалансированного характера местного бюджета:

— *низкий уровень доходных полномочий бюджета муниципального образования.* Основным источником формирования доходов местного бюджета являются налоговые доходы. В налоговом законодательстве

России выделены несколько налогов местного значения, средства от которых поступают напрямую в доходы местного бюджета. В целом, как показывает практика, величина данных поступлений существенно ниже размера расходных обязательств местного бюджета;

- *высокий уровень расходных обязательств местного бюджета.* Основным направлением расходования средств местного бюджета является решение социально-экономических вопросов в области развития муниципального образования. При этом бюджетной структурой финансовой системы страны в область управления муниципальными органами власти отведен очень обширный круг вопросов, в первую очередь социального развития муниципального образования. Для решения данного перечня вопросов собственных средств местных бюджетов крайне недостаточно;
- *низкий уровень неналоговых доходов местных бюджетов.* Помимо налоговых доходов, в качестве поступлений в местный бюджет также используются неналоговые доходы муниципальных образований. Основным источником формирования неналоговых доходов местного бюджета являются доходы от управления муниципальной собственностью, но часть муниципалитетов не имеет этой собственности вовсе, а часть — неэффективно управляет ею [10, с. 123].

Таким образом, главной проблемой управления бюджетом муниципального образования является его дефицитный и несбалансированный характер. Данная проблема решается посредством перечисления на безвозмездной основе части денежных средств из областного бюджета, то есть дефицит местного бюджета покрывается субсидиями из областного бюджета. Итак, расходы местного бюджета представляют собой потоки финансовых ресурсов, перечисляемых из централизованных фондов муниципального образования для решения основных проблем социально-экономического развития территории.

Управление расходами местного бюджета имеет ключевое значение как для повышения устойчивости местных бюджетов частности, так и для совершенствования развития основ местного самоуправления в целом.

Результаты и обсуждения

Трактовка сущности местного бюджета представлена в публикациях широкого круга авторов. Обратимся к наиболее интересным из них. К.Р. Жунусбаева и Ш.Х. Жетписова раскрывают сущность местного бюджета следующим образом: местный бюджет представляет собой основной канал доведения финансовых ресурсов государства до населения через финансирование ряда социально-экономических программ развития муниципального образования [9, с. 70]. М.М. Пилипенко в несколько ином ракурсе предлагает взглянуть на сущность местного бюджета [16, с. 65]: местный бюджет является основой финансовой независимости и устойчивости местного самоуправления, обеспечивает выполнение местными органами власти своих обязательств в области социально-экономического развития территории. Е.В. Маслова также уделяет внимание раскрытию сущности понятия местного бюджета муниципального образования [11, с. 470]. В.А. Шушков пишет, что местный бюджет представляет собой централизованный фонд финансовых ресурсов муниципального образования, вопросами формирования, управления, распределения, использования и контроля которых занимаются органы местного самоуправления [19, с. 160].

На основе обобщения этих определений, раскрывающих сущность местного бюджета, можно выделить основные признаки местного бюджета как финансово-экономической категории:

- служит финансовой основой для организации местного самоуправления;
- средства местного бюджета направляются исключительно на решение проблем местного значения на уровне муниципального органа власти;
- управление финансовыми ресурсами

ми местного бюджета осуществляют непосредственно муниципальные органы власти;

- финансовые ресурсы местного бюджета являются определенной гарантией исполнения муниципальными органами власти своих социально-экономических обязательств перед населением территории;
- средства местного бюджета гарантируют определенный уровень финансовой устойчивости и независимости органов местного самоуправления [3, с. 1801].

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что местный бюджет представляет собой определенную форму поступлений и расходования финансовых ресурсов с целью исполнения социально-экономических обязательств муниципального органа власти за определенный временной промежуток [13, с. 68].

Управление средствами местного бюджета осуществляется в рамках реализации муниципальной финансовой политики. В этой связи М.Н. Соломко и И.М. Соломко отмечают, что финансовая политика муниципального образования оказывает ключевое влияние на уровень его социально-экономического развития, так как при построении качественной финансовой политики у органов местного самоуправления формируются финансовые ресурсы для разработки и реализации программно-

целевых мероприятий, направленных на повышение уровня социально-экономического развития территории [17, с. 145].

В то же время, по мнению Т.А. Хубаева, при реализации муниципальной финансовой политики возникает множество проблем, в первую очередь из-за того, что финансовая система страны построена таким образом, что источники формирования доходной части местных бюджетов являются весьма скудными, что создаются предпосылки для образования постоянного дефицита бюджета на муниципальном уровне [18, с. 127].

Стабильно-дефицитный характер местного бюджета является ключевой проблемой муниципальной финансовой политики местных органов власти. Вопросы актуальности дефицита местного бюджета затрагивает в своей публикации Я.Г. Ефимов, который пишет о том, что для решения вопросов дефицита местного бюджета существуют два основных пути развития ситуации [7, с. 119]. С одной стороны, органам местного самоуправления необходимо реализовывать мероприятия в области максимизации роста доходов местного бюджета, а с другой стороны, необходимо осуществлять процедуры по оптимизации расходной части бюджета муниципального образования. В этой связи на рис. 1 представим место муниципальных финансов в финансовой системе государства.

Рисунок 1 — Место муниципальных финансов в финансовой системе государства

В первую очередь, при построении системы управления расходами местного бюджета в рамках муниципальной финансовой политики необходимо определиться с системой органов власти, обладающих определенными полномочиями в данной области. Муниципальные органы власти обладают широким кругом полномочий в области управления расходами местного бюджета. Л.А. Гаджимурадова выделяет основные полномочия, которыми обладают муниципальные органы власти в области управления расходами местного бюджета:

- формирование общих направлений расходования средств местного бюджета;
- разработка и реализация муниципальных программ социально-экономического развития муниципального образования с учетом выделения основных источников их финансирования на базе расходов местного бюджета;
- выделение ключевых и наиболее значимых направлений расходования средств местного бюджета;
- организация контроля за расходованием средств местного бюджета и целевого характера использова-

ния денежных фондов муниципального образования [4, с. 35].

На рисунке 2 представлена система органов власти, обладающих бюджетными полномочиями при управлении расходами местного бюджета.

В целом, можно сделать вывод о том, что соблюдение представленного перечня стадий бюджетного процесса является непременным условием управления расходами бюджета муниципального образования. Каждая стадия бюджетного процесса содержит в себе определенные инструменты и полномочия управления расходами местного бюджета, и прохождение её является обязательной процедурой. Так как расходы местного бюджета представляют собой потоки финансовых ресурсов, перечисляемых из централизованных фондов муниципального образования для решения основных проблем социально-экономического развития территории, то управление потоками данных финансовых ресурсов должно носить централизованный характер. В этой связи основным субъектом, который отвечает за управление расходами местного бюджета, являются органы управления муниципальным образованием [12, с. 1].

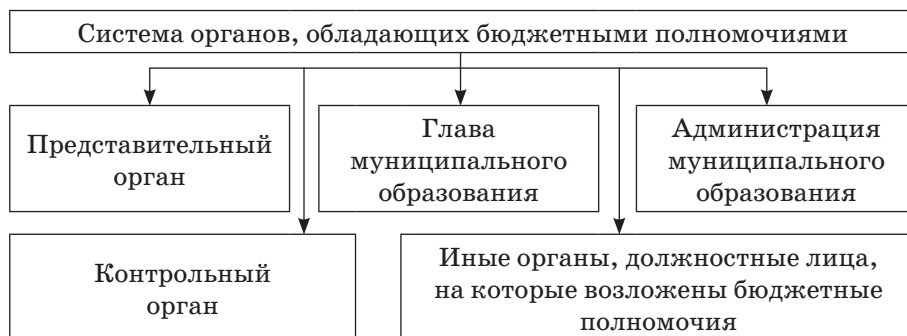

Рисунок 2 — Система органов, обладающих бюджетными полномочиями в области управления расходами местного бюджета

Управление расходами местного бюджета осуществляется в рамках бюджетного процесса, основные стадии которого представлены на рис. 3.

Для достижения высокого уровня эффективности управления расходами местного бюджета необходимо соблюсти основные принципы управления ими. К их числу Л.Б. Атаева относит:

- принцип устойчивости; данный принцип является одним из наибо-

лее ключевых принципов в системе управления расходами местного бюджета. Главным критерием формирования величины расходов местного бюджета является его устойчивость, то есть сбалансированность и бездефицитность, а именно величина расходов местного бюджета должна исходить из размера его доходов;

- принцип адресности: все направления расходования денежных

средств из централизованного фонда муниципального образования должны носить четко адресный характер, то есть должны быть направлены на решение конкретной социально-экономической задачи развития муниципального образования;

- принцип целесообразности: при планировании расходов местного бюджета необходимо исходить из целесообразности их осуществления, то есть необходимости для поддержания должного уровня социально-экономического развития муниципального образования;
- принцип правового характера: все расходы местного бюджета должны носить строго правовой характер и осуществляться четко в соответствии с требованиями действующего законодательства;
- принцип приоритетности: при управлении расходами местного бюджета необходимо провести их классификацию с учетом приоритетов для социально-экономического развития муниципального образования и осуществлять в первую очередь те расходы, которые имеют наибольшее значение для повышения уровня его развития [2, с. 103].

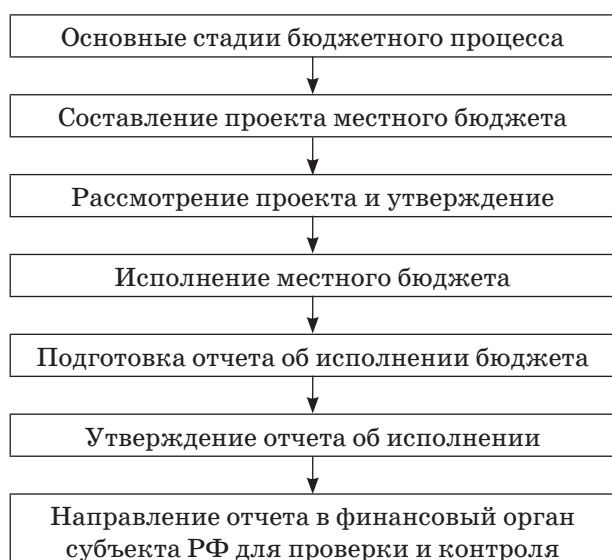

Рисунок 3 — Основные стадии бюджетного процесса

На рисунке 4 представим основные принципы обеспечения устойчивости

местного бюджета в процессе управления его расходами.

Управление расходами местного бюджета муниципальными органами власти осуществляется в рамках муниципальной финансовой политики [14, с. 1007]. При реализации муниципальной финансовой политики в области управления расходами местного бюджета применяется определенный набор целей и инструментов, которые представлены на рис. 5.

Расходы местного бюджета представляют собой потоки финансовых ресурсов, перечисляемых из централизованных фондов муниципального образования для решения основных проблем социально-экономического развития территории. В процессе формирования политики управления расходами бюджета муниципального образования необходимо осуществить решение двух основных задач: во-первых, выделить стратегически наиболее важные направления расходования средств местного бюджета и, во-вторых, обнаружить те направления, которые говорят о нецелевом или низкоэффективном использовании средств бюджета муниципального образования. В рамках финансирования социально-экономического развития муниципального образования из местного бюджета выделяются средства для обслуживания отдельных направлений функционирования территории. Авторский коллектив в составе Э.К. Озеровой, К.Б. Исабаевой, А.Ж. Искендеровича выделяет основные направления распределения расходов бюджета муниципального образования:

- содержание муниципальных органов управления и представителей местной администрации;
- финансирование расходов на муниципальное коммунальное хозяйство и благоустройство территории муниципального образования;
- организация транспортного и инфраструктурного обслуживания жителей муниципального образования;
- финансирование охраны окружающей природной среды и обеспечение противопожарной безопасности территории муниципального образования;

- обеспечение финансирования мероприятий социального характера, в том числе в области предоставления услуг здравоохранения населению муниципального образования;
- обеспечение необходимым количеством финансовых ресурсов дея-

- тельности культурных, просветительских и спортивных учреждений на территории муниципального образования;
- содержание и управление муниципальным имуществом, в том числе имеющим культурно-историческое значение [15, с. 128].

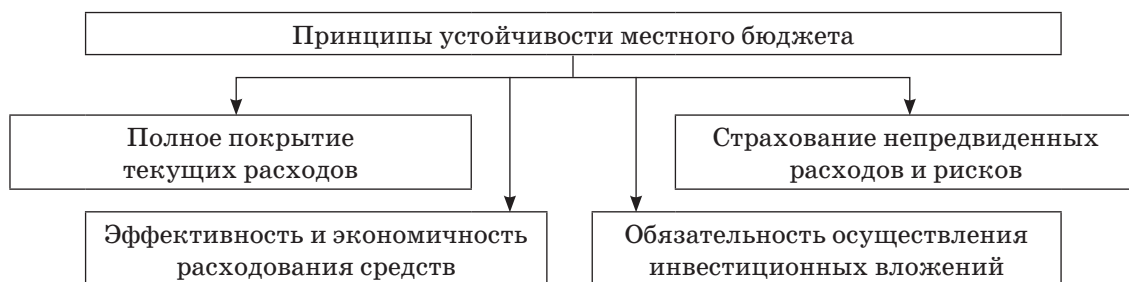

Рисунок 4 — Принципы устойчивости местного бюджета в процессе управления его расходами

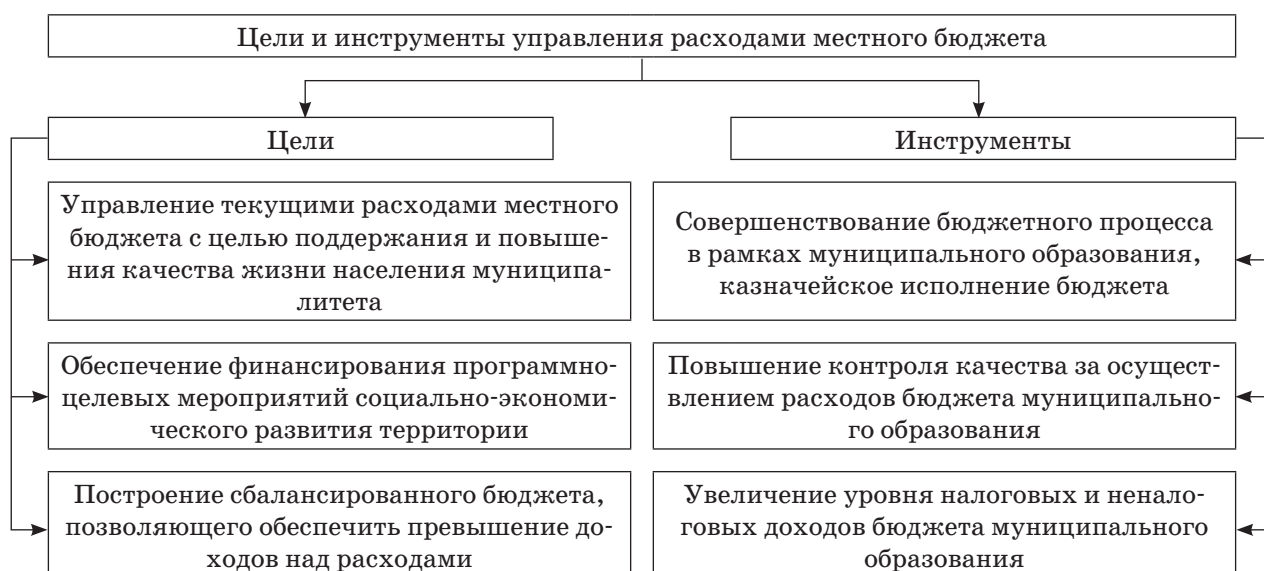

Рисунок 5 — Цели и инструменты управления расходами местного бюджета

Выводы

Таким образом, местные бюджеты играют важную роль в социально-экономическом развитии муниципального образования. Средства местных бюджетов являются основными источниками финансирования программ социально-экономического развития территории, а также гарантией выполнения органами местного самоуправления своих имущественных и финансовых обязательств перед жителями муниципального образования. На макро экономическом уровне государство определяет основные стратегические ориентиры социальной политики в стране,

но доведение данных ориентиров до конкретного человека происходит посредством использования средств местного бюджета и в рамках социальной политики муниципального образования. Бюджет муниципального образования, как централизованный фонд финансовых ресурсов, выполняет три основные функции: во-первых, создание необходимой величины денежных фондов на муниципальном уровне, являющихся финансовой основой функционирования местных органов власти, во-вторых, распределение и использование денежных фондов местного бюджета с целью максимально эффективного решения задач социально-экономиче-

ских развития муниципального образования, в-третьих, осуществление контроля за использованием денежных фондов местного бюджета для достижения максимальной эффективности их использования для повышения уровня социально-экономического развития. Можно выделить следующие три основные группы расходов местного бюджета: обязательные расходы представляют собой тот вид расходов местного бюджета, которые определены законом и необходимы для решения основных социально-экономических задач развития муниципального образования; добровольные характеризуют собой ту категорию расходов местного бюджета, которая осуществляется муниципальными органами власти на добровольной основе в рамках реализации социальной или гуманитарной политики в случае возникновения свободных денежных средств в местном бюджете; запрещенные расходы представляют собой ту часть расходов местного бюджета, которая запрещена определенными действующими нормативно-правовыми актами, или ту категорию расходов, которая противоречит принципам муниципальной финансовой политики.

Список литературы

1. *Агузарова Ф.С.* Роль региональных и местных налогов в формировании доходов консолидированных бюджетов субъектов России // *Международный бухгалтерский учет*. — 2020. — Т. 23. — № 3(465). — С. 329–341.
2. *Атаева Л.Б.* Роль местных бюджетов в совершенствовании воспроизводственных процессов на уровне территории // *Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и направления развития: сборник статей Международной научно-практической конференции*. — М., 2018. — С. 102–105.
3. *Ветрова Е.А.* Реализация бюджетной политики России в условиях геополитических рисков / Е.А. Ветрова, С.О. Новосельский, Г.Р. Темижева, А.Л. Золкин, Н.А. Фоменкова // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. — 2025. — Т. 13. — № 9(62). — С. 1796–1809.
4. *Гаджимурадова Л.А.* Роль местных бюджетов в социально-экономическом развитии муниципальных образований // *Пути повышения*
5. *Генералов Д.А.* Индикативная оценка сбалансированности развития социально-экономической системы региона / Д.А. Генералов, Н.В. Жахов, А.В. Шлеенко, С.О. Новосельский // *Экономика, предпринимательство и право*. — 2023. — Т. 13. — № 10. — С. 3909–3922.
6. *Гиленко А.С.* Роль местных бюджетов в социально-экономическом развитии округа // *Общество, наука и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. / отв. ред.: А.А. Сукиасян*. — Курск, 2013. — С. 51–55.
7. *Ефимов Я.Г.* Роль местного бюджета в социально-экономическом развитии территории // *Современные тенденции развития науки и технологий*. — 2017. — № 1-7. — С. 118–121.
8. *Жуляков Д.И.* Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жуляков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // *International Agricultural Journal*. — 2022. — Т. 65. — № 2.
9. *Жунусбаева К.Р.* Местный бюджет и его роль в развитии региона / К.Р. Жунусбаева, Ш.Х. Жетписова // *Модели участия граждан в социально-экономической жизни российского общества. IX Никулиньские чтения: Сборник статей*. — М., 2015. — С. 68–72.
10. *Иногамов Х.И.* Роль финансовой независимости местных бюджетов в финансовой политике // *Fundamental science and technology. Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции*. — Уфа, 2024. — С. 121–125.
11. *Маслова Е.В.* Роль местного бюджета в обеспечении экономической безопасности муниципального образования // *Контентус*. — 2019. — № S11. — С. 469–474.
12. *Новосельский С.О.* Оценка политической активности российских избирателей / С.О. Новосельский, Н.Ю. Босердт, В.А. Халина // *Политика, экономика и инновации*. — 2017. — №1(11). — С.1.
13. *Новосельский С.О.* Сущность и особенности функционирования системы социального пар-

- тнерства в рамках модели корпоративной социальной ответственности / С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2023. — Т. 14. — № 2(39). — С. 66–70.
14. *Новосельский С.О.* Коммуникационная политика органов исполнительной власти с населением в социальных сетях / С.О. Новосельский, О.А. Моисеева, О.А. Филиппова // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13. — № 3(91). — С. 1001–1013.
15. *Озерова Э.К.* Роль местных бюджетов в устойчивом развитии территориальных единиц / Э.К. Озерова, К.Б. Исабаева, А.Ж. Искендерова // Эпоха науки. — 2024. — № 40. — С. 127–131.
16. *Пилипенко М.М.* Понятие, роль и место местных бюджетов в бюджетной системе Российской Федерации // Colloquium-Journal. — 2019. — № 11-5(35). — С. 65–67.
17. *Соломко М.Н.* Роль местных бюджетов в реализации социальной политики / М.Н. Соломко, И.М. Соломко // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 5 ч. — М., 2017. — С. 144–146.
18. *Хубаев Т.А.* Роль местного бюджета в реализации муниципальной стратегии развития // Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. — М., 2019. — С. 124–129.
19. *Шушков В.А.* Теоретико-методологическая роль межбюджетных трансфертов в системе местных бюджетов РФ // Modern Science. — 2020. — № 5-1. — С. 159–161.

DOI 10.24412/2587-6236-2025-449-110-119
УДК 332.1

Я.А. Тадауш

аспирант,

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РОЛЬ КЛАСТЕРНЫХ ИНИЦИАТИВ И КООПЕРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В ПОДДЕРЖКЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНА

Y.A. Tadaush

Postgraduate student,

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow

E-mail: tadaush.yaroslav@gmail.com

THE ROLE OF CLUSTER INITIATIVES AND COOPERATIVE TIES IN SUPPORTING SMALL BUSINESS IN THE REGION

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли кластерных инициатив и кооперационных связей в развитии малого предпринимательства на региональном уровне. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления ресурсных ограничений и низкого уровня кооперации малых предприятий. На примере Кировской области проанализированы кластеры в лесопромышленном, машиностроительном, агропромышленном и туристическом секторах. Исследование показало, что кластерные структуры способствуют снижению транзакционных издержек, доступу малого предпринимательства к знаниям и технологиям, формированию коллективного бренда и лоббированию общих интересов. Автором также выявлены риски, включая доминирование крупных компаний и слабую горизонтальную кооперацию между малыми предприятиями. По результатам анализа сформулированы практические рекомендации для органов региональной власти, включая создание Центра кластерного развития, развитие специализированной инфраструктуры, внедрение финансовых стимулов и адаптацию образовательных программ под нужды кластеров. Предлагаемые меры направлены на формирование полицентричных сетевых структур, максимизирующих положительный эффект для малого предпринимательства.

Ключевые слова: кластерные инициативы, малое предпринимательство, кооперационные связи, региональная экономика, инновации.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of cluster initiatives and cooperative ties in the development of small business at the regional level. The relevance of the topic is due to the need to overcome resource constraints and the low level of cooperation between small enterprises. Using the example of the Kirov region, clusters in the timber industry, machine-building, agro-industrial and tourism sectors are analyzed. The study showed that cluster structures contribute to reducing transaction costs, access of small businesses to knowledge and technology, the formation of a collective brand and lobbying for common interests. The author also identified risks, including the dominance of large companies and weak horizontal cooperation between small enterprises. Based on the results of the analysis, practical recommendations have been formulated for regional authorities, including the creation of a Cluster Development Center, the development of specialized infrastructure, the introduction of financial incentives and the adaptation of educational programs to the needs of clusters. The proposed measures are aimed at forming polycentric network structures that maximize the positive effect for small businesses.

Key words: cluster initiatives, small business, cooperative relations, regional economy, innovation.

Малое предпринимательство является ключевым элементом региональной экономики, обеспечивая занятость, социальную стабильность, инновационную активность и диверсификацию. Однако его потенциал зачастую не реализуется в полной мере из-за ограниченности ресурсов, низкого

уровня кооперации, слабой интеграции в производственные цепочки и недостатка специализированной инфраструктуры. В этой связи на первый план выходят концепции кластерного развития и усиления кооперационных связей, которые признаны в мировой и отечественной практике

действенным инструментом повышения конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и территорий в целом [3; 8; 11]. Кластерные инициативы, понимаемые как целенаправленные действия по формированию и поддержке географически локализованных сетей взаимосвязанных компаний, поставщиков, научно-образовательных учреждений и органов власти, создают уникальную среду для синергетического взаимодействия. В рамках таких структур малые предприятия получают доступ к общим ресурсам, знаниям, технологиям, специализированным услугам и новым рынкам сбыта, что компенсирует их индивидуальные ограничения.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных теории кластеров (М. Портер, П. Кругман и др.) и проблемам малого бизнеса, вопросы, связанные со спецификой роли именно кластерных инициатив как управляемого процесса и кооперационных связей как их содержательного наполнения в контексте поддержки малого предпринимательства на региональном уровне, остаются недостаточно систематизированными [7; 9; 17; 18]. В научной литературе преобладает в основном макроуровневый анализ кластеров, тогда как микроуровневые механизмы формирования доверия, сетевого обучения, передачи неформализованных знаний и создания коллективных конкурентных преимуществ для малых субъектов требуют дальнейшего изучения [1; 2; 4; 10]. Особенно это актуально для российских регионов, где кластерная политика зачастую носит декларативный характер, а кооперационные связи между малыми и крупными предприятиями, научным сектором развиты слабо.

Цель исследования — выявление и систематизация ключевых механизмов влияния кластерных инициатив и кооперационных связей на развитие малого предпринимательства в регионе, а также разработка практических рекомендаций по их усилению.

Задачи исследования:

- раскрыть сущность кластерных инициатив и их эволюцию как инструмента региональной политики;
- рассмотреть конкретные кластерные инициативы в выбранном реги-

- оне (на примере Кировской области);
- разработать практические рекомендации для органов региональной власти по развитию кластерных инициатив.

Методологической базой исследования являются системный подход, институциональный анализ, сравнительный анализ, статистические методы, экспертные опросы.

Результаты исследования

Кластер представляет собой не случайную концентрацию предприятий на ограниченной территории, а сложную, структурированную сеть взаимодействий, синергетический эффект которой превышает простую сумму ее частей. Понимание внутренней архитектуры кластера имеет ключевое значение для анализа его роли в поддержке малого предпринимательства [15]. Структурно зрелый кластер можно представить как многоуровневую систему, состоящую из трех взаимосвязанных элементов — ядра, связанных отраслей и поддерживающих институтов.

Ядро кластера формируют компании, осуществляющие непосредственную деятельность в профильной (целевой) отрасли. Именно здесь сосредоточены ключевые компетенции и конкурентоспособность кластера. Для малого предпринимательства интеграция в ядро является основным каналом получения выгод от кластеризации. Малые и средние предприятия (МСП) выступают в роли специализированных поставщиков уникальных компонентов, разработчиков нишевых технологий, участников кооперационных цепочек создания стоимости, а также гибких сервисных компаний, дополняющих деятельность более крупных «якорных» предприятий. Ядро создает «критическую массу» спроса и предложения, формируя локальный рынок для малого бизнеса и снижая транзакционные издержки на поиск партнеров.

Связанные отрасли и предприятия — это сектора, продукция и услуги которых технологически, экономически или логистически связаны с ядром.

Они подразделяются на:

- вертикально интегрированные связи — поставщики специализиро-

ванного оборудования, материалов, комплектующих, логистические и дистрибьюторские компании;

- горизонтально сопряженные связи — производители сопутствующих или комплементарных товаров, компании, использующие схожие технологии или навыки (например, IT-разработка для разных секторов).

Для МСП этот слой открывает возможности диверсификации, выхода на смежные рынки и создания синергии за счет общих ресурсов. Малый бизнес, действуя в связанных отраслях, повышает устойчивость всего кластера, снижая его зависимость от внешних поставок.

В качестве поддерживающих (институциональных) структур выступают:

- образовательные и научные учреждения (вузы, НИИ): обеспечивают приток квалифицированных кадров, проводят фундаментальные и прикладные исследования, выступают центрами передачи технологий для МСП через программы малых инновационных предприятий, хабов и совместных проектов;
- финансовые институты — банки, венчурные фонды, бизнес-ангелы, гарантийные фонды, специализирующиеся на финансировании кластерных проектов и снижающие для МСП барьеры доступа к инвестициям и оборотному капиталу;
- инфраструктура развития — технопарки, инкубаторы, центры коллективного пользования (лаборатории, испытательные полигоны), которые предоставляют малому бизнесу доступ к дорогостоящим ресурсам на льготных условиях;
- координационные и представительские органы — кластерные ассоциации, отраслевые союзы, специализированные НКО. Они играют роль «фасилитатора», организуя нетворкинг, коллективные маркетинговые инициативы, лоббируя общие интересы, распространяя лучшие практики и снижая риски оппортунистического поведения.

С точки зрения типологии применительно к поддержке МСП можно выделить:

- отраслевые кластеры (производственные, агро-, IT, туристические), где МСП интегрированы в цепочку создания стоимости;
- инновационно-технологические кластеры (на базе вузов или наукоградов), где малые предприятия часто являются драйверами коммерциализации разработок;
- трансграничные кластеры, открывающие малым компаниям доступ к международным рынкам и цепочкам.

Интеграция малых и средних предприятий в кластерные структуры представляет собой стратегический путь повышения их конкурентоспособности, однако это сопряжено с комплексом как синергетических эффектов, так и возможных вызовов. Анализ данного противоречия является ключевым для формирования сбалансированной политики поддержки кластерных инициатив.

Ключевые преимущества для МСП:

- *доступ к знаниям и технологиям.* Кластер создает уникальную среду для интенсивного неформального обмена инновационными идеями, распространения лучших практик и результатов НИОКР. Малые предприятия, будучи ограничены в ресурсах для собственных исследований, получают доступ к знаниям, генерируемым более крупными участниками, научно-образовательными центрами кластера. Это ускоряет процессы модернизации и внедрения инноваций, что для изолированного МСП часто является непреодолимым барьером;
- *снижение транзакционных и операционных издержек.* Географическая и отраслевая близость участников кластера минимизирует логистические расходы, издержки на поиск надежных поставщиков и подрядчиков, снижает риски оппортунистического поведения. Совместное использование специализированной инфраструктуры (испытательные лаборатории, выставочные центры, логистические хабы) позволяет малым фирмам получать доступ к ак-

тивам, самостоятельное содержание которых экономически нецелесообразно;

— *достижение эффекта масштаба*. Через кооперационные связи внутри кластера МСП могут объединять заказы на сырье и компоненты, осуществлять совместные закупки, что усиливает их переговорную позицию перед поставщиками и ведет к снижению закупочных цен. Кроме того, возможна организация совместных продаж или маркетинга, позволяющая малым игрокам выходить на более емкие рынки, которые требуют крупных партий продукции;

— *усиление переговорной позиции*. Представляя собой консолидированную часть отраслевой или региональной экосистемы, кластер ассоциируется с большим политическим и экономическим весом. Это позволяет лоббировать общие интересы (например, развитие инфраструктуры, корректировку регуляторных норм) на региональном и федеральном уровне. Кроме того, коллективный бренд кластера повышает доверие к каждому отдельному участнику, особенно малому, со стороны потенциальных клиентов и инвесторов.

В качестве потенциальных рисков для МСП следует выделить:

— *угрозу доминирования крупных компаний («якорных арендаторов»)*. Кластерная динамика может привести к асимметрии влияния. Крупные компании, являясь центрами притяжения ресурсов и генераторами спроса, способны устанавливать внутрикластерные правила, цены и стандарты, выгодные в первую очередь для себя. Малые предприятия рискуют оказаться в роли зависимых субподрядчиков без возможности влиять на стратегию развития всего кластера, а их инновационный потенциал может быть поглощен

или ограничен более сильными партнерами;

— *потерю автономности и гибкости*. Глубокая интеграция в кооперационные цепочки, особенно по модели жесткой субконтрактации, снижает самостоятельность МСП в принятии стратегических решений. Предприятие становится «запертым» в узкой специализации, определяемой потребностями кластера, что ограничивает его возможности по диверсификации деятельности или самостоятельному выходу на новые рынки. Возникает риск «запертости в кластере», когда разрыв связей становится чрезмерно затратным, а зависимость от внутрикластерной конъюнктуры — критической.

В России кластерная политика начала активно формироваться в 2010-х годах, во многом как ответ на необходимость диверсификации экономики и импортозамещения [6; 13]. Ее развитие можно разделить на два ключевых этапа. На первом этапе (Минэкономразвития России инициировало программную поддержку инновационных территориальных кластерных образований) преобладал «проектный» подход с акцентом на формальные показатели и государственные субсидии. Это позволило создать каркас кластерных структур в сферах аэрокосмической, фармацевтической, ядерной и ИТ-промышленности. Однако зачастую инициатива была чрезмерно централизованной, а связь между участниками носила формальный характер.

Второй, современный, этап характеризуется смещением фокуса на региональный уровень и реальную кооперацию. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹, кластеры рассматриваются как точки роста. Особенностью российского опыта стала гибридная модель управления, сочетающая элементы «сверху вниз» (стратегическое целеполагание, инфраструктурная поддержка со стороны региональных властей и институтов развития, таких

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 13.01.2025. — № 2. — Ст. 74.

как «Фонд развития промышленности», «Сколково») и «снизу вверх» (инициативы бизнес-ассоциаций). Яркими примерами являются Автомобильный кластер в Татарстане, который глубоко интегрировал МСП в цепочки поставок «КАМАЗа» и «SOLLERS», или IT-кластер в Новосибирске, где стартапы и малые компании кооперируются с университетами и крупными IT-гигантами [5; 16].

Специфической чертой является также создание индустриальных (промышленных) парков и территорий опережающего развития (ТОР), которые часто выступают физической платформой для кластеризации, предоставляя МСП готовую инфраструктуру и льготные режимы [12; 14].

Рассмотрим влияние кластерных инициатив на малое предпринимательство на примере Кировской области.

Выбор Кировской области в качестве примера обусловлен совокупностью факторов, делающих ее репрезентативной и показательной для многих регионов Российской Федерации, не обладающих сырьевой рентой или столичным статусом.

Во-первых, Кировская область является «средним» регионом по большинству социально-экономических показателей (объему ВРП, численности населения, инвестициям в основной капитал)², что позволяет рассматривать ее как модель, отражающую типичные возможности и ограничения для развития малого бизнеса в индустриальных, но не ведущих регионах страны. Выводы, полученные на ее примере, могут быть экстраполированы на широкий круг субъектов РФ со схожей структурой экономики.

Во-вторых, в Кировской области активно продвигается кластерная политика на уровне региональных властей, что предоставляет обширный материал для анализа. С 2015 года реализуется Стратегия социально-экономического развития³,

где кластерный подход обозначен как один из ключевых. Были инициированы проекты по созданию и поддержке нескольких территориально-производственных кластеров — лесопромышленного, машиностроительного, агропромышленного (льняного), биотехнологического и др. Это позволяет не только изучать потенциальные эффекты, но и анализировать реальные институциональные условия, механизмы государственно-частного партнерства и возникающие барьеры.

Также область демонстрирует разнообразие моделей кластеризации. Здесь представлены как кластеры, инициированные «сверху» (например, фармацевтический на базе крупного предприятия «Нанолек»), так и зарождающиеся «снизу» сети кооперации в сфере сельского туризма или ремесленного производства (вятские промыслы), что дает возможность сравнивать их эффективность и механизмы включения малых предприятий.

Лесопромышленный кластер Кировской области является исторически наиболее очевидным. Регион обладает значительными лесными ресурсами: лесистость территории превышает 75%, а расчетная лесосека — свыше 25 млн кубометров ежегодно⁴. Это создает сырьевую базу для предприятий, ориентированных на глубокую переработку древесины. Анализ показывает, что интеграционные процессы здесь носят очаговый характер. Крупные целлюлозно-бумажные комбинаты являются центрами притяжения, формируя стабильный спрос на древесину определенного качества. Для малых предприятий лесозаготовки и первичной переработки это создает гарантированный канал сбыта. Однако кластеризация зачастую ограничивается простыми субподрядными отношениями. Слабые стороны — низкий уровень переработки у малого бизнеса, отсутствие кооперации в сфере совместного

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — 1035 с.

³ Правительство Кировской области. Постановление от 17 ноября 2015 года № 70/756 «О порядке разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития Кировской области и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Кировской области» // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. — URL: <http://kirovreg.ru>, 18.11.2015.

⁴ Лесопромышленный комплекс // <https://www.kirovreg.ru/econom/forest/>

использования лесозаготовительной техники или создания кооперативных служб маркетинга для выхода на рынки глубокой переработки (производство мебели, строительных материалов). Реальная синергия, выражающаяся в совместных инновационных проектах (например, по переработке отходов) или коллективных брендах, пока минимальна.

Машиностроительный кластер сконцентрирован вокруг нескольких крупных предприятий ВПК и гражданского машиностроения («Лепсе», «Завод 1 Мая», «Маяк»). Его влияние на МСП наиболее ярко проявляется через развитие индустриальной кооперации. В рамках реализации государственных программ импортозамещения крупные заказчики активно локализуют производство комплектующих. Это привело к появлению и росту малых инжиниринговых и производственных компаний, выполняющих токарные, фрезерные, сварочные работы, производящих узлы и детали. Кластерная инициатива здесь выступает организационной платформой для «технологического аутсорсинга», снижая транзакционные издержки поиска партнеров и обеспечивая передачу технологических стандартов. Проблемой остается высокая зависимость малых предприятий от одного-двух крупных заказчиков и дефицит компетенций для самостоятельного выхода на новые рынки.

Агропромышленный (льняной) кластер представляет собой пример попытки возрождения традиционной для региона специализации на принципиально новой основе. Инициатива направлена на создание полного цикла от выращивания льна-долгунца до производства высококачественных текстильных материалов и готовой продукции. Для малого предпринимательства здесь открываются ниши в сфере первичной переработки (льнотреста), логистики, а также в креативном секторе — дизайне и пошиве изделий из льна. Ключевая роль кластера — восстановление разорванной цепочки создания стоимости и создание общего регионального бренда «Вятский лен». Это снижает мар-

кетинговые риски для малых участников и привлекает внимание федеральных ритейлеров. Основные барьеры — высокая капиталоемкость современных перерабатывающих производств и сезонность сельскохозяйственных работ.

Биотехнологический кластер Кировской области осуществляет свою деятельность на основе Стратегии развития биотехнологического кластера Кировской области до 2025 года⁵. Кластер сформировался на основе ключевых научных и производственных организаций, таких как Вятский государственный университет и крупные фармацевтические предприятия, и является мощным катализатором развития для местных малых и средних предприятий. Эта связь проявляется в многоплановом сотрудничестве — кластер создаёт устойчивый спрос на специализированные услуги и компоненты, например упаковку, логистику, IT-решения и мелкосерийное производство биоактивных добавок, что обеспечивает МСП надёжный рынок сбыта. Важным аспектом является формирование кадрового резерва через образовательные программы вузов-участников, что решает для МСП острую проблему найма высококвалифицированных специалистов в области биотехнологий, микробиологии и химического анализа.

Кластер в сфере туризма и народных художественных промыслов формируется преимущественно «снизу». Малые предприятия и самозанятые (мастера дымковской игрушки, кукарского кружева, резьбы по капу) объединяются в ассоциации для совместного участия в ярмарках, продвижения в Интернете и организации тематических экскурсионных маршрутов. Эффект кластеризации здесь проявляется в сетевом маркетинге и усилении синергии между смежными услугами (мастер-класс, продажа сувенира, питание, проживание). Роль региональной власти заключается в инфраструктурной (создание «Дымковской слободы» в Кирове) и информационной поддержке.

Проведенный анализ на примере Кировской области подтверждает, что кла-

⁵ Распоряжение Правительства Кировской области от 1 февраля 2021 г. № 11 «Об утверждении Стратегии развития биотехнологического кластера Кировской области до 2025 года» // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. — <http://kirovreg.ru>, 01.02.2021.

стерные инициативы могут быть действенным инструментом поддержки малого предпринимательства в регионе, выполняя следующие ключевые функции:

- снижение рыночных барьеров — обеспечивая стабильный спрос со стороны компаний-ядер, кластеры создают для МСП гарантированный рынок сбыта на начальных этапах развития;
- распространение знаний и технологий — в рамках кластера происходит диффузия лучших практик, технических и управленческих стандартов от крупных предприятий к малым;
- снижение транзакционных издержек — формализованные платформы кластерного взаимодействия облегчают поиск поставщиков, подрядчиков и партнеров;
- формирование коллективного бренда и маркетинг — особенно важно для сельскохозяйственной и туристской сфер, где выход на федеральный рынок для отдельного малого предприятия затруднен;
- лоббирование общих интересов — консолидированное представительство кластера повышает эффективность диалога с органами власти по вопросам инфраструктуры, регулирования и поддержки.

Однако исследование выявило также риски и ограничения:

- преобладание вертикальных субординационных отношений над горизонтальной кооперацией между малыми предприятиями;
- высокая зависимость успеха кластера от состояния одного-двух крупных предприятий;
- недостаточное развитие институтов коллективного действия (кооперативов, совместных сервисных компаний).

Таким образом, максимальный положительный эффект для малого предпринимательства достигается не при простом территориальном сосредоточении, а при сознательном построении полицентричных сетевых структур с элементами горизонтальной кооперации и общих сервисов,

что должно стать фокусом дальнейшей региональной кластерной политики.

На основе анализа роли кластерных инициатив и кооперационных связей в поддержке малого предпринимательства региона, а также с учетом специфики социально-экономического развития Кировской области можно сформулировать следующие рекомендации, направленные на практическую реализацию и повышение эффективности кластерной политики.

1. Организационно-управленческие меры:

- создание регионального Центра кластерного развития (ЦКР). ЦКР должен стать координатором кластерных инициатив, выполняя функции «фасилитатора» — выявление потенциальных точек роста, организация диалога между участниками (МСП, крупные предприятия, вузы, органы власти), методологическая поддержка в разработке программ развития, помощь в привлечении финансирования. Центр должен быть сформирован на принципах государственно-частного партнерства;
- разработка и принятие региональной «дорожной карты» развития пилотных кластеров. Приоритет следует отдать кластерам в традиционных для области отраслях с высокой добавленной стоимостью — лесопромышленный комплекс (глубокая переработка древесины, биотехнологии), сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность (органическая продукция, сыроделие), машиностроение (специализированная техника, компоненты). Документ должен содержать конкретные измеримые цели, этапы, зоны ответственности и механизмы мониторинга;
- стимулирование кооперации через механизм закупок. Рекомендуется разработать региональную программу, обязывающую или стимулирующую крупные

компании-«якоря» (например, в машиностроении) размещать часть заказов у местных малых и средних предприятий-смежников. Это создаст гарантированный спрос и будет способствовать технологическому выравниванию.

2. Развитие инфраструктуры поддержки:

- формирование специализированной инфраструктуры кластеров. На базе существующих промышленных парков и технопарков («Вятка-XXI век») целесообразно создавать профилированные площадки с льготными условиями аренды, общей логистикой, энергообеспечением и сервисами для резидентов конкретного кластера (например, цех коллективного пользования для деревообработки или испытательный центр для машиностроения);
- цифровизация кооперационных связей. Разработка и внедрение региональной B2B-платформы или цифрового каталога предприятий Кировской области с возможностью поиска по компетенциям, свободным мощностям и запросам на кооперацию. Это снизит транзакционные издержки МСП на поиск партнеров и выход на новые рынки сбыта.

3. Финансовые и нефинансовые механизмы стимулирования:

- введение целевых мер субсидирования — субсидирование части затрат МСП, входящих в признанные кластеры, на участие в межрегиональных и международных выставках; сертификацию продукции; приобретение оборудования в лизинг для выполнения кооперационных заказов; реализацию совместных проектов по импортозамещению;
- развитие кластерных финансовых инструментов — содействие созданию внутрикластерных микрофинансовых организаций, гарантийных фондов и системы

взаимного кредитования, которые лучше учитывают специфику бизнеса и снижают риски кредиторов за счет хорошего знания участников рынка;

- стимулирование инновационной кооперации — учреждение грантов на совместные НИОКР вузов (ВятГУ, Вятская ГСХА) и групп предприятий кластера. Особый акцент — на проекты в сфере биотехнологий, глубокой переработки сырья и «зеленой» экономики.

4. Кадровое обеспечение и развитие компетенций:

- адаптация образовательных программ под нужды кластеров. На основе прогноза кадровых потребностей кластеров необходимо скорректировать программы среднего специального и высшего образования, развивать дуальное обучение, создавать на предприятиях базовые кафедры;
- запуск программ развития управленческих компетенций. Реализация специализированных обучающих программ для руководителей МСП и потенциальных «кластер-менеджеров» по темам: сетевое взаимодействие, управление цепями поставок, коллективный маркетинг, проектный менеджмент.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает значимость кластерных инициатив и кооперационных связей как действенного инструмента поддержки малого предпринимательства на региональном уровне. Кластерные структуры, представляя собой сложные сети взаимодействия между предприятиями, научными и образовательными учреждениями, институтами развития и органами власти, создают уникальную среду для преодоления ключевых ограничений, с которыми сталкиваются малые и средние предприятия. Механизмы влияния кластеров проявляются в обеспечении доступа малого бизнеса к знаниям и техно-

логиям, снижении трансакционных и операционных издержек, достижении эффекта масштаба через кооперацию, а также в усилении переговорной позиции и формировании коллективных брендов.

На примере Кировской области продемонстрировано, что кластерные инициативы способствуют интеграции малых предприятий в региональные цепочки создания стоимости, особенно в традиционных отраслях, таких как лесопромышленный комплекс, машиностроение и агропромышленный сектор. Однако анализ выявил и риски, среди которых доминирование вертикальных субподрядных отношений над горизонтальной кооперацией, высокая зависимость от крупных «якорных» предприятий и недостаточная развитость институтов коллективного действия. Эти факторы могут ограничивать автономность и инновационный потенциал малых субъектов.

Таким образом, максимальный положительный эффект для малого предпринимательства достигается не при простой территориальной концентрации, а при сознательном формировании полицентричных сетевых структур, сочетающих вертикальную интеграцию с развитой горизонтальной кооперацией и общими сервисами. Региональная кластерная политика должна быть нацелена на создание сбалансированной экосистемы, где организационно-управленческие меры, развитие инфраструктуры, финансовые инструменты и кадровое обеспечение работают синхронно. Реализация предложенных практических рекомендаций, адаптированных к специфике региона, может способствовать превращению кластеров в реальные точки роста, обеспечивающие устойчивое развитие малого бизнеса и повышение конкурентоспособности региональной экономики в целом. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на оценке долгосрочных эффектов кластеризации и разработке методик мониторинга качества кооперационных связей.

Список литературы

1. *Абилдаев С.* Кластерное развитие как инструмент повышения конкурентоспособности региона / С. Абилдаев, К.Б. Шалдарбекова, Л.Т. Сарыкулова // Форум. — 2023. — № 3(29). — С. 101–104.
2. *Вартанова М.Л.* Принципальные условия перехода экономики региона на кластерное развитие в сфере размещения агропроизводства // Инновационное развитие территориальных кластеров и технологических платформ: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Волгоград, 2017. — С. 16–21.
3. *Гамидуллаева Л.А.* Эволюция концепции кластерного развития: от агломерационной теории к экосистемам / Л.А. Гамидуллаева, Е.П. Страхов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 106–125.
4. *Ефремов Н.А.* Кластерное развитие российской экономики / Н.А. Ефремов, М.П. Ефремова // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 3(104). — С. 390–395.
5. *Заппарова З.Н.* Кластерная политика и ее роль в специализации экономики региона на примере Республики Татарстан / З.Н. Заппарова, А.Х. Гилязов, З.Х. Мифтахетдинова // Дискусия. — 2015. — № 9(61). — С. 26–30.
6. *Иванова Т.В.* Кластерная политика и развитие кластеров в России // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.Ф. Потуданская. — Омск, 2018. — С. 50–54.
7. *Кощев Д.А.* Феномен индустриального кластера: системно-агломерационный подход / Д.А. Кощев, Е.А. Третьякова // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 451–465.
8. *Лепя Р.Н.* От руин к росту: кластерный подход к развитию промышленности новых регионов РФ / Р.Н. Лепя, М.В. Савченко, Р.Ю. Заглада // Экономическое развитие России. — 2025. — Т. 32. — № 9. — С. 170–179.
9. *Маршалл А.* Принципы экономической науки / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1993. — Т. 1. — 415 с.; Т. 2. — 310 с.; Т. 3. — 351 с.
10. *Матковская Я.С.* Кластеры: анализ происхождения, современные формы институционализации и математические модели // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2014. — № 17(203). — С. 2–12.
11. *Перевозникова Е.В.* Значение кластерной модели территориальной организации производ-

- ства для экономического развития региона // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. — Вологда, 2019. — С. 90–95.
12. *Радыгина С.В.* Формы пространственной локализации производственных предприятий в России: индустриальные парки, технопарки, промышленные кластеры, особые экономические зоны и другие формы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2024. — Т. 34. — № 3. — С. 459–466.
13. *Рамазанова А.И.* Кластерная политика в России / А.И. Рамазанова, Х.М. Мусаева // Государство и право на современном этапе. Материалы научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции РФ: сборник статей и тезисов / глав. ред. М.Г. Исаев. — Избербаш, 2013. — С. 244–250.
14. *Светличный Д.Н.* Создание территорий опережающего развития как инструмент региональной политики // Инновационная наука. — 2016. — № 12-1. — С. 175–178.
15. *Сибирская Е.В.* Кластерный анализ состояния малого и среднего предпринимательства в регионах России / Е.В. Сибирская, Х. Иванов, Н.Г. Шеремет // Среднерусский вестник общественных наук. — 2016. — Т. 11. — № 4. — С. 127–135.
16. *Стефанов О.В.* IT-кластер как драйвер роста инновационного потенциала региона // Прогрессивная экономика. — 2024. — № 6. — С. 7–16.
17. *Krugman P.R.* Geography and Trade. — Cambridge (Mass.): MIT Press, 1991. — 142 p.
18. *Porter M.* Clusters and the new economics of competition // Harvard Business Review. — 1998. — Vol. 76. — N 6. — P. 77–91.

Е.В. Чистовадоктор филологических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК КАК КЛЮЧЕВОЙ АКТИВ
В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ****E.V. Chistova**Doctor of Philology, associate Professor,
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow
E-mail: kovelena82@mail.ru**CHINESE AS A KEY ASSET
IN RUSSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION**

Аннотация. Статья исследует роль китайского языка как критически важного актива в контексте углубляющейся российско-китайской экономической интеграции. Цель работы — выявить и систематизировать ключевые экономические секторы, формирующие спрос на специалистов-китаистов, и определить структуру компетенций, необходимых для эффективной работы в этих сферах. Методология включает наукометрический анализ, контент-анализ более 1000 вакансий с порталов HeadHunter, SuperJob и «Авито Работа», а также образовательных программ ведущих российских вузов, с применением нейросетевого промптинга (AI DeepSeek) для обработки данных. В результате выделены четыре основные экономико-ориентированные профессиональные сферы: международная торговля и внешнеэкономическая деятельность; цифровая экономика и IT-бизнес с фокусом на Китай; управление в сфере образования как часть рынка образовательных услуг; перевод и локализация в технических и коммерческих отраслях. Для каждой сферы определены типовые должности, экономические функции, требования рынка и структура необходимых гибридных (языковая и отраслевая) компетенций. На основе анализа предложен перечень авторских образовательных программ, ориентированных на формирование практических навыков для работы в конкретных экономических нишах. Новизна исследования заключается в комплексном экономико-лингвистическом подходе, связывающем текущие запросы рынка труда в области двустороннего сотрудничества с проектированием целевых образовательных решений.

Ключевые слова: российско-китайское экономическое сотрудничество, внешнеэкономическая деятельность (ВЭД), международная торговля, рынок труда, цифровая экономика, профессиональные компетенции, отраслевой перевод, логистика, образовательные программы, китайский язык.

Abstract. The paper examines the role of the Chinese language as a critical asset in the context of deepening Russian-Chinese economic integration. The study aims to identify and systematize the key economic sectors driving demand for Chinese-speaking specialists and to define the competency structure required for effective work in these fields. The methodology includes scientific-metric analysis, content analysis of over 1000 job postings from HeadHunter, SuperJob, and Avito Rabota portals, as well as educational programs from leading Russian universities, utilizing neural network prompting (AI DeepSeek) for data processing. As a result, four main economically-oriented professional fields are identified: international trade and foreign economic activity; the digital economy and IT business with a focus on China; management in the education sector as part of the market for educational services; and translation and localization in technical and commercial industries. For each field, typical job positions, economic functions, market requirements, and the structure of necessary hybrid (language + profession) competencies are outlined. Based on the analysis, a set of proprietary educational programs focused on developing practical skills for work in specific economic niches is proposed. The novelty of the research lies in its integrated economic-linguistic approach, linking current labor market demands in the field of bilateral cooperation with the design of targeted educational solutions.

Key words: Russian-Chinese economic cooperation, foreign economic activity (FEA), international trade, labor market, digital economy, professional competencies, industry-specific translation, logistics, educational programs, the Chinese language.

В XXI веке знание китайского языка из экзотического навыка превратилось в мощный карьерный актив. Будучи самым распространенным языком в мире по числу носителей и вторым по влиянию в мировой экономике, он открывает двери в уникальные и высокооплачиваемые профессиональные сферы.

Рост востребованности китайского языка в России и мире обусловлен комплексом экономических, политических и культурных причин. Ключевым фактором является глобальный экономический вес Китая [6]: КНР является второй экономикой мира, крупнейшим мировым экспортером и одним из ключевых рынков сбыта для международных компаний [4], что создает устойчивую потребность в специалистах, способных обеспечить деловое взаимодействие.

Другим мощным драйвером выступает масштабная стратегия Китая «Один пояс — один путь»: этот грандиозный инфраструктурный и инвестиционный проект, вовлекающий десятки стран Евразии, Африки и Латинской Америки, создает тысячи рабочих мест в сферах логистики, строительства, энергетики и торговли [2], где знание китайского языка становится практически обязательным для эффективного сотрудничества. Помимо этого, востребованность подпитывается целенаправленной политикой китайского руководства по популяризации языка через Институты Конфуция [1], а также изменением восприятия Китая в российском обществе как стратегического партнера [7].

Важным аспектом является и активное проникновение китайского технологического бизнеса: компании-гиганты, такие как Huawei, Xiaomi и Alibaba, ведут масштабную деятельность по всему

миру [3], создавая устойчивый спрос на IT-специалистов и маркетологов, владеющих китайским языком. Эта тенденция ярко отражается в статистике: еще в августе 2024 г. агентство «Коммерсант», ссылаясь на данные HeadHunter и «Авито Работа», отмечало, что за год количество вакансий с требованием знания китайского языка выросло на 31–65%, а в IT-сфере — на рекордные 74%⁶. Данную динамику подтвердило и исследование «Авито Работа» в марте 2025 года⁷, показавшее, что востребованность сотрудников со знанием китайского языка возросла более чем в два раза за год (+135%), причем чаще всего этот навык требовался в сфере образования и науки.

Растущая глобальная популярность китайских веб-новелл, которые читают более 145 миллионов человек за пределами Китая⁸, создает устойчивый спрос на аудиовизуальных переводчиков, обладающих глубокими культурными и лингвистическими компетенциями. Как отмечают эксперты [9], эти произведения, такие как бестселлеры Мосян Тунсю «Благословение небожителей» и «Система «Спаси-себя-сам» для главного злодея», пронизаны даосской философией, историческими аллюзиями и метафоричностью языка, что требует от переводчика не только филигранного владения китайским, но и умения адаптировать культурные коды для зарубежной аудитории [11]. Особую сложность представляет перевод игровых механик, специфической терминологии жанров уся и сянься, а также сохранение «эстетики и очарования» восточного повествования, которое кардинально отличается от западных литературных канонов [10]. Успешная локализация таких произведений открывает путь к их дальнейшей адаптации

⁶ В IT-компаниях растет спрос на сотрудников со знанием китайского и корейского // Коммерсант. — 2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6892988> (дата обращения: 11.09.2025).

⁷ «Авито работа» сообщила о росте спроса на сотрудников со знанием китайского // ТАСС Медиа. — 2025. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/23332279> (дата обращения: 11.09.2025).

⁸ Что такое китайские новеллы и почему они так популярны? // Издательская группа «Эксмо». — 2024. — URL: <https://eksmo.ru/articles/chto-takoe-kitayskie-novelly-05-23-ID15637410> (дата обращения: 02.10.2025).

в маньхуа и дорамы, усиливая потребность в специалистах, способных работать на стыке литературы, кинематографа и цифрового контента.

Таким образом, совокупное влияние глобальных стратегий, экономической кооперации, технологической экспансии, а также бурного роста культурного экспорта превратило китайский язык из экзотического увлечения в ключевой нематериальный актив, повышающий производительность и ROI сотрудника в контексте работы с азиатскими рынками в самых разных сферах — от IT и международной торговли до образования и креативных индустрий.

Методика

Согласно результатам социологического исследования профессора МГЛУ С.С. Соловьёва [7], работодатели часто рассматривают специалистов со знанием китайского языка как многофункциональных сотрудников, в связи с чем им вменяют широкий спектр дополнительных обязанностей. Помимо владения языком, от китаиста требуются компетенции в области секретарского дела, управления документами, организации мероприятий, а также специфические профессиональные знания — от основ маркетинга и финансов до технической специфики производства. Это подтверждается данными, что многие специалисты работают в должностях менеджеров, секретарей-референтов или помощников руководителей, где перевод является лишь одной из функций, а успешная карьера требует сочетания лингвистической подготовки с практическими навыками в конкретной предметной области.

Результаты проведенного социологического онлайн-анкетирования [5], в котором приняли участие 87 респондентов (школьники, студенты и работающие), показали высокую осведомленность молодежи о карьерных перспективах, связанных со знанием китайского языка. Большинство респондентов, независимо от их статуса, верно оценили необходимый для трудоустройства уровень владения языком, указав, что чаще всего требуется уровень HSK 4 или HSK 5. Кроме того, более 70%

опрошенных учащихся осознают критическую важность сочетания языковых навыков с профессиональной экспертизой в конкретной области для построения успешной карьеры. Анкетирование также выявило, что респонденты определяют такие наиболее профессиональные ниши с высокой экономической рентой для китаистов, как менеджеры по торговле, специалисты по ВЭД и переводчики, что демонстрирует их понимание текущих трендов на рынке труда и стратегический подход к выбору образовательной и карьерной траектории.

Несмотря на растущую популярность, на рынке труда создается уникальная ситуация, когда предложение не поспевает за спросом, что закономерно повышает конкурентоспособность, ценность и доходность таких кадров для работодателей. Таким образом, анализ современных профессий, требований рынка и набора компетенций, снижающих транзакционные издержки коммуникации и минимизирующих риски недопонимания в контрактах, представляется крайне актуальным для осознанного карьерного планирования и системы образования.

Цель данной статьи — выявить и систематизировать ключевые профессиональные сферы, востребованные на современном рынке труда для специалистов со знанием китайского языка, и определить комплекс компетенций, необходимых для успешной карьерной реализации в этих областях.

В качестве методов и материала исследования применены: наукометрический экспресс-анализ публикаций в период с 2018 по 2025 г.; контент-анализ вакансий и ключевых требований к специалистам со знанием китайского языка на основе данных из открытых источников, а именно с сайтов HeadHunter, SuperJob и «Авито Работа» (более 1000 объявлений); контент-анализ образовательных программ и курсов на сайтах более 20 российских университетов; нейросетевой промптинг для автоматизированной обработки полученных данных в AI-системе DeepSeek, а также метод педагогического моделирования для формирования рекомендаций по разработке образовательных программ и профессиональных компетенций.

Результаты исследования

На основе анализа вакансий можно выделить несколько ключевых экономических секторов, в рамках которых требуются специалисты со знанием китайского языка.

1. Сфера деятельности: международная торговля, закупки и логистика (ВЭД) — это комплексная область, где роль специалиста выходит за рамки простого переводчика; он становится ключевым звеном в цепочке создания стоимости, обеспечивая прямую коммуникацию с китайскими производителями и поставщиками.

Типовые должности:

- менеджер по закупкам в Китае;
- специалист по внешнеэкономической деятельности (ВЭД);
- менеджер по работе с китайскими поставщиками;
- специалист по прямым поставкам с маркетплейсов;
- менеджер международных проектов;
- персональный ассистент экспата (китайский язык).

Экономические функции:

- поиск и ведение переговоров: поиск производителей на китайских площадках, ведение переговоров о цене, сроках, минимальном партионе и условиях оплаты;
- контроль производства: контроль качества, упаковки, соответствия техническим заданиям (ТЗ), утверждение образцов;
- организация логистики: координация отгрузки товара с фабрик, организация доставки (логистики), оформление сопутствующих документов;
- документооборот и платежи: формирование документов на оплату, проверка отгрузочных документов, ведение реестров;
- решение проблем: оперативное решение спорных вопросов и нестандартных ситуаций на всех этапах сделки.

Требования к кандидатам:

- язык: китайский язык на уровне HSK 4–5 (обязательно умение вести

ежедневные переговоры и переписку, а не просто переводить);

- опыт: опыт работы с Китаем от 1–2 лет в конкретной сфере (косметика, электроника, товары для животных и т.д.);
- профессиональные знания: понимание логистических процессов, документооборота ВЭД, особенностей работы маркетплейсов (Ozon, Wildberries и др.);
- личные качества: аналитический склад ума, настойчивость, стрессоустойчивость, внимательность к деталям, инициативность, умение работать в команде.

Ключевые компетенции для выпускников:

- профессионально-ориентированный китайский язык: углубленное изучение коммерческой лексики, терминов ВЭД и логистики, ведение деловой переписки и телефонных переговоров;
- кросс-культурная коммуникация: навыки ведения переговоров в китайском бизнес-этикете, понимание менталитета и подходов к работе;
- основы международной торговли и ВЭД: знание основ таможенного оформления, инкотермс, сертификации, валютного контроля;
- аналитические и исследовательские навыки: умение проводить маркетинговый анализ китайского рынка, искать и проверять поставщиков, анализировать себестоимость;
- цифровая грамотность: уверенная работа с китайскими B2B-платформами (Alibaba, 1688.com), Excel для аналитики и ведения учета и т.п.

Имеющиеся образовательные программы/курсы:

Переводчик-референт в сфере внешнеэкономической деятельности, Специалист по международной торговле и ВЭД, Восточная перспектива: практика построения бизнеса в Китае, Экспресс-курс по основам экономического перевода (ВЭД-фокус), Юридический переводчик-консультант в сфере корпоративного права и ВЭД, Правовое сопровождение международного

бизнеса / трансграничное право, Таможенное регулирование и таможенное дело во внешнеторговой деятельности компании, Кросс-культурная коммуникация и деловой этикет и др.

Авторские образовательные программы и курсы, сформулированные по результатам проведённого исследования:

Китайский цифровой экспорт: ВЭД для маркетплейсов (практика работы с китайскими площадками, логистика для e-Commerce, цифровые платежи и юридические аспекты онлайн-торговли), Киберюрист для ВЭД: Digital-контракты, данные и сделки с Китаем (правовые аспекты электронного документооборота, защита интеллектуальной собственности в цифровой среде, кибербезопасность), HSK для ВЭД: китайский язык для бизнеса и логистики (языковой курс с профессиональным уклоном), Переговоры с Китаем: от поиска поставщика до успешной сделки (интенсив по кросс-культурным коммуникациям и бизнес-процессам), Alibaba-профи: практика прямых закупок от А до Я (практико-ориентированный курс по работе с маркетплейсами), Переводчик-логист: китайский язык в цепочках поставок и т.п.

2. Сфера деятельности: IT, цифровая экосистема и технологический бизнес с фокусом на Китай.

Эта сфера выходит за рамки классического программирования и охватывает весь жизненный цикл цифрового продукта или услуги на китайском рынке. Специалист выступает в роли гибридного эксперта, который соединяет технические, маркетинговые и бизнес-задачи с глубоким пониманием китайской цифровой среды.

Типовые должности:

- менеджер по развитию бизнеса в Азии;
- специалист по китайской цифровой экосистеме / менеджер по продвижению в китайских сторах;
- SMM-специалист на китайском рынке;
- специалист по китайскому e-commerce (для IT-продуктов);
- менеджер по кросс-культурной разработке ПО;

- консультант по кросс-культурным коммуникациям в IT;
- тестировщик с знанием китайского языка / специалист по контролю качества поиска;
- архитектор китайских цифровых экосистем;
- специалист по цифровому AI-маркетингу;
- менеджер по цифровой трансформации логистических цепочек;
- специалист по китайскому венчурному рынку;
- специалист по правовым аспектам кибербезопасности и данных в Китае;
- кибер-следователь и специалист по цифровой криминалистике;
- ESG-архитектор для азиатских IT-компаний;
- ESG-стратег для построения зелёной логистики;
- специалист по квантовым коммуникациям.

Экономические функции:

- продвижение и маркетинг: разработка и реализация стратегий продвижения мобильных приложений, игр и IT-сервисов в китайских сторах (Huawei AppGallery, Tencent MyApp) и социальных сетях (WeChat, Weibo, Douyin);
- развитие бизнеса: поиск стратегических партнеров, дистрибьюторов и клиентов на китайском рынке, проведение переговоров;
- локализация и тестирование: локализованное тестирование интерфейсов, контента и функционала ПО, оценка релевантности и качества поисковой выдачи для китайскоязычной аудитории;
- аналитика и исследование рынка: анализ поведения китайских пользователей, исследование трендов цифрового рынка Китая, конкурентный анализ;
- кросс-культурное посредничество: обучение команд особенностям китайского бизнес-этикета и цифровой культуры, помощь в выстраивании коммуникации с партнерами.

Требования к кандидатам:

- язык: китайский язык на уровне HSK 5–6 для аналитической и коммуникативной работы. Критически важно понимание интернет-сленга, мемов и культурных кодов;
- цифровая грамотность: глубокое понимание специфики китайской цифровой экосистемы (суперприложений, социальных сетей, платформ e-commerce);
- опыт: опыт в цифровом маркетинге, бизнес-развитии, управлении продуктом или тестировании ПО, понимание бизнес-моделей в IT (F2P, B2B, SaaS);
- аналитика: навыки работы с аналитическими инструментами, умение работать с большими массивами данных;
- личные качества: высокая степень адаптивности, инициативность, аналитический склад ума, понимание основ проектного управления.

Ключевые компетенции для выпускников:

- Digital-ориентированный китайский язык: углубленное изучение лексики IT, мобильной индустрии, интернет-маркетинга и геймификации. Навык ведения комьюнити и SMM на китайском языке;
- освоение китайской цифровой экосистемы: практические навыки работы с ключевыми платформами: Huawei AppGallery, Tencent MyApp, WeChat (включая Mini Programs), Douyin, Weibo, Tmall;
- основы продукт-менеджмента и аналитики: умение анализировать метрики приложений (LTV, Retention, CPI), понимание воронки пользователя и монетизации;
- гибкие навыки для IT-бизнеса с Китаем: навыки проведения презентаций и переговоров в формате, принятом в китайских tech-компаниях; понимание Agile-методологий в кросс-культурной команде;
- юзабилити и UX для китайского пользователя: понимание особенностей восприятия интерфейсов китайскими пользователями, принци-

пов локализации не только текста, но и дизайна.

Имеющиеся образовательные программы/курсы:

высокотехнологичный бизнес с Китаем (подготовка специалистов, обладающих компетенциями в сфере экономики и управления, а также знаниями современных технологий и навыками ведения бизнеса с китайскими партнёрами), Digital-маркетинг в КНР (программа развития цифровых компетенций для менеджеров по маркетингу в Китае, Лекция «Бизнес-экосистемы и технологический рост в Китае» (А.А. Маслов на форуме U-novus 2024) и др.

Авторские образовательные программы и курсы, сформулированные по результатам проведённого исследования:

SMM-китаист: продвижение бренда в цифровом пространстве (управление репутацией бренда, создание контента и запуск рекламных кампаний в WeChat, Douyin, Little Red Book и др.), Цифровой Китай: продвижение IT-продуктов в Поднебесной (комплексная программа по маркетингу и бизнес-развитию), Код и культура: китайский язык для IT-специалистов (языковой курс с уклоном в технологии и разработку), За Великим Файрволом: SMM и работа с комьюнити в Китае (практический курс по ведению соцсетей), «AppStore по-китайски: от локализации до трендспоттинга» (интенсив по работе с мобильными маркетплейсами Китая), Мост в Tech: кросс-культурный менеджер для IT-проектов (программа по развитию гибридных компетенций для управления проектами), Цифровизация бизнес-моделей: интеграция с китайскими суперприложениями, Внедрение AI и Big Data в маркетинг: работа с китайскими цифровыми ландшафтами, Автоматизация и роботизация логистических цепочек с интеграцией в Азию, Запуск и масштабирование технологических продуктов на рынке Китая, Привлечение инвестиций и M&A в китайском технологическом секторе, Правовое обеспечение цифрового бизнеса: от передачи данных до кибербезопасности в Китае, Разработка и локализация программного обеспечения для китайских пользовате-

лей, Внедрение решений «Умный город» и «Индустрия 4.0» на основе китайских технологий, Расследование киберинцидентов и защита от целевых атак в азиатском сегменте, Внедрение ESG-стандартов и «зеленых» IT-практик в азиатских компаниях, Построение защищенных сетей следующего поколения: от квантовой коммуникации до 6G и т.п.

3. Сфера деятельности: управление в образовании, образовательные технологии и преподавание китайского языка. Данная сфера охватывает не только классическое преподавание, но и создание образовательных продуктов, управление учебными процессами и формирование контента для цифровой среды. Специалист в этой области — это не просто учитель, а мультизадачный эксперт на стыке китайистики, педагогики, менеджмента и маркетинга.

Типовые должности:

- учитель/преподаватель китайского языка (в общеобразовательных школах, языковых школах, вузах, на онлайн-платформах, в рамках частной практики);
- HSK-коуч;
- методист (разработка учебных программ и материалов);
- методист цифровых образовательных сред (китайский язык);
- разработчик курсов китайского языка для специальных целей;
- руководитель методического отдела в онлайн-школе;
- создатель образовательного контента (блогер, автор видеоуроков);
- продюсер образовательных программ по китайскому языку;
- координатор образовательных программ (сопровождение студенческих обменов);
- менеджер по подбору и обучению преподавателей (HR).

Экономические функции:

- преподавание: проведение индивидуальных и групповых уроков (онлайн и офлайн), подготовка учеников к экзаменам (HSK, HSKK, YCT);
- методическая работа: разработка, обновление и контроль качества учеб-

- ных материалов (рабочие тетради, презентации, грамматические справочники, учебно-методические пособия, практикумы, учебники и др.);
- управление командой: подбор, обучение и методическая поддержка преподавателей, проведение мастер-классов и оценка качества их работы;
- создание контента: съемка коротких обучающих видео, ведение блога или социальных сетей на тему изучения китайского языка;
- административная работа: формирование учебных групп, мониторинг прогресса студентов, решение организационных вопросов.

Требования к кандидатам:

- язык: свободное владение китайским языком на уровне HSK 5–6. Часто требуется уверенное знание английского (уровень B2);
- образование: высшее лингвистическое или педагогическое образование (лингвистика (китайский язык), педагогика, методика преподавания);
- опыт: опыт преподавания от 1–1,5 лет для рядового преподавателя; от 3 лет с управленческим опытом — для методиста или руководителя;
- навыки: навыки работы с онлайн-платформами (Zoom, Google Workspace, VooV meeting), создание презентаций, базовый монтаж видео;
- личные качества: коммуникативность, ответственность, креативность, лидерские качества (для управленцев), умение просто объяснять сложное.

Ключевые компетенции для выпускников:

- продвинутая языковая и методическая подготовка: углубленное знание китайской грамматики, лексики и фонетики, а также современных методик преподавания;
- цифровая грамотность и создание контента: навыки съемки и монтажа обучающих видео, ведения образовательных блогов, работы в LMS (системах управления обучением);

- навыки менеджмента и проектной работы: основы управления командой, планирования учебных процессов, разработки учебных программ (силлабусов);
- кросс-культурная коммуникация: понимание культурных особенностей Китая и России для эффективной работы со студентами и партнерами;
- базовые знания в EdTech: понимание принципов работы онлайн-школ, метрик успеваемости (KPI) и способов удержания аудитории.

Имеющиеся образовательные программы/курсы:

Теория и методика преподавания китайского и английского языка, Межкультурный диалог: преподавание иностранного языка студентам, Китайский язык: теория и методика обучения иностранному языку в образовательной организации, Межкультурная коммуникация в российско-китайском образовательном пространстве, Образование в области иностранного языка (китайский язык), Русский язык как иностранный и Китайский язык, Родной (алтайский) язык и Китайский язык, Калмыцкий язык и литература, китайский язык и др.

Авторские образовательные программы и курсы, сформулированные по результатам проведённого исследования:

Преподавание китайского языка в цифровую эпоху (комплексная программа, объединяющая язык, методику и цифровые навыки), Цифровая лингводидактика китайского языка, Нейросетевая дидактика восточных языков, Проектирование и методическое обеспечение цифровых образовательных программ по китайскому языку, Современные методики и цифровые технологии в преподавании китайского языка, Китайский язык и технологии будущего: лаборатория иммерсивного обучения (обучение проходит с использованием VR/AR и AI), Китайский язык в профессиональной сфере: методика создания отраслевых курсов, Отраслевой китаист: создание учебных программ для медиков, инженеров, юристов, Образовательный маркетинг: продвижение языковых курсов и программ, Персональный бренд препода-

вателя: самопродвижение в цифровом пространстве, Китайский в объективе: стань создателем образовательного контента (практический курс по съёмке обучающих видео и ведению блога), Управление образовательными проектами и процессами, Управление образовательными онлайн-проектами (курс по менеджменту в сфере EdTech) и др.

4. Сфера деятельности: перевод, локализация и межкультурная коммуникация в технической и гуманитарной сферах.

Данная сфера объединяет традиционные переводческие навыки с глубокими отраслевыми знаниями и цифровыми технологиями. Современный переводчик становится гибридным специалистом, сочетающим лингвистическую экспертизу с технической, коммерческой или культурной компетенцией.

Типовые должности (об этом и ключевых компетенциях для выпускников см. подробно в [8, с. 122–147]):

- технический переводчик (машиностроение, строительство, IT и др.);
- локализатор игр и медиапродуктов;
- редактор-терминолог;
- синхронист/переводчик на переговорах;
- менеджер лингвистических проектов;
- специалист по межкультурной адаптации контента.

Экономические функции:

- технический перевод документации (инструкции, чертежи, спецификации);
- локализация игр и ПО с учетом культурных особенностей;
- устный перевод на производственных объектах и переговорах;
- ведение терминологических баз и глоссариев;
- работа с CAT-инструментами (Trados, Verifika и пр.);
- сопровождение иностранных специалистов на производственных объектах.

Требования к кандидатам:

- языковая квалификация: HSK 5–6 для технических переводчиков, HSK6 — для синхронистов;

- отраслевые знания: понимание технических процессов в конкретной сфере;
- технические навыки: владение САТ-программами, системами управления терминологией;
- мобильность: готовность к командировкам на производственные объекты;
- аналитические способности: умение работать с техническими стандартами (ГОСТ, ИЕС).

Ключевые компетенции для выпускников:

- отраслевая лингвистика — терминология конкретных сфер (машиностроение, IT, игры и пр.);
- технологии перевода — работа с САТ-системами, памятью переводов, терминологическими базами;
- кросс-культурный инжиниринг — адаптация технического контента с учетом культурного кода;
- проектный менеджмент — управление лингвистическими проектами и процессами;
- техническая грамотность — базовое понимание инженерных процессов и IT-архитектуры.

Имеющиеся образовательные программы/курсы:

Лингвистика, Перевод и переводоведение — китайский язык, Специалист в области профессиональной коммуникации (китайский язык), Письменный перевод (китайский язык), Перевод и лингвопереводческие технологии (английский и китайский языки), Специальный перевод как основа межъязыковой профессиональной коммуникации (китайский язык), Лингвистика и перевод (английский язык и китайский язык), Переводчик в сфере международной экономической деятельности (китайский язык) и др.

Авторские образовательные программы и курсы, сформулированные по результатам проведенного исследования. Далее предлагается подборка авторских образовательных программ, сфокусированных на самых востребованных сферах перевода с китайского на русский язык.

Для IT, игр и цифровой среды:

- переводчик китайского софта: от кода до интерфейса;
- технический писатель: создание многоязычной документации;
- локализация игр и IT-продуктов: китайский культурный код (акцент на адаптации, а не просто переводе, с упором на понимание китайской цифровой культуры);
- технический переводчик: китайский язык в IT и киберспорте (узкая и современная ниша, сразу привлекающая аудиторию, увлеченную технологиями и играми).

Для инженерии, машиностроения и промышленности:

- инженер слова: технический переводчик в промышленности;
- мост между культурами: переводчик на производственных объектах;
- инженер-лингвист: технический перевод в машиностроении и промышленности (создает образ гибридного специалиста, владеющего и языком, и технической спецификой);
- технический переводчик: китайский для инженерии и ВПК (подчеркивает работу с высокотехнологичными и закрытыми отраслями, что говорит о высоком уровне подготовки);
- отраслевой переводчик: китайский в энергетике и логистике (указывает на конкретные, стратегически важные секторы экономики).

Для бизнеса, права и финансов:

- переводчик-аналитик: китайский язык в финансах и корпоративном праве (позиционирует выпускника не как исполнителя, а как эксперта, способного анализировать сложные документы);
- бизнес-проводник: перевод и сопровождение сделок с Китаем (фокус на активной роли в бизнес-процессах, а не на пассивном переводе текстов);
- юридический переводчик: договорное право и арбитраж с Китаем (чётко обозначает узкую и высокооплачиваемую юридическую специализацию).

Для менеджмента, маркетинга, SMM и e-commerce:

- «Китайский Digital: переводчик для маркетплейсов и SMM» (отвечает прямому запросу на продвижение товаров и услуг в китайском цифровом пространстве);
- переводчик-копирайтер: создание контента для китайской аудитории (подчеркивает креативную составляющую — не просто перевод, а создание работающих текстов);
- цифровой лингвист: CAT-технологии и терминологический менеджмент;
- терминовед: создание и управление отраслевыми глоссариями;
- переводчик-стратег: управление лингвистическими проектами;
- межкультурный консультант: адаптация бизнес-процессов;
- руководитель лингвистических проектов: китайско-русское направление (смещает фокус с переводчика на управленца, что привлекает амбициозных кандидатов) и др.

Заключение

Проведенный анализ рынка труда и образовательных траекторий позволяет сделать вывод, что в условиях стратегического углубления российско-китайской экономической кооперации знание китайского языка трансформировалось из лингвистического навыка в полноценный экономический мультипликатор карьерного капитала. Основной тренд заключается не в росте спроса на «переводчиков с китайского», а в устойчивом увеличении потребности в гибридных специалистах, которые способны напрямую генерировать экономический эффект за счет сочетания языковой компетенции с отраслевой экспертизой.

Наиболее востребованы на рынке специалисты, выполняющие ключевые функции в цепочках создания стоимости двустороннего сотрудничества: менеджеры по закупкам и ВЭД, оптимизирующие логистику и себестоимость; IT-специалисты и digital-маркетологи, обеспечивающие выход российских технологических про-

дуктов и брендов на крупнейший в мире цифровой рынок; разработчики отраслевых образовательных решений, удовлетворяющие растущий спрос на подготовку кадров для совместных проектов.

Таким образом, конкурентоспособность и доходность кадров со знанием китайского языка определяются их способностью решать конкретные экономические и бизнес-задачи: снижать транзакционные издержки коммуникации, управлять рисками в сделках, адаптировать продукты под требования китайского потребителя, локализовать бизнес-процессы. Это формирует прямой запрос к системе высшего и дополнительного образования на создание программ, где углубленное изучение языка неразрывно связано с прикладными экономическими дисциплинами, основами отраслевых технологий и практикой реальных бизнес-кейсов российско-китайского взаимодействия. Успешная карьера в данной области — это путь не просто в лингвистику, а в международный менеджмент, цифровую экономику и кросс-культурный бизнес, где китайский язык выступает ключевым инструментом для создания добавленной стоимости и достижения стратегических преимуществ на одном из самых динамичных и перспективных для России направлений внешнеэкономической деятельности.

Список литературы

1. Би С. Значение Институтов Конфуция в развитии обучения китайскому языку / С. Би, Ю.А. Азаренко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2021. — Т. 20. — № 4. — С. 176–186.
2. Лукин А.В. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). — М.: ИКСА РАН, 2024. — 959 с.
3. Назаров Д.А. Развитие предпринимательства и направления его поддержки со стороны государства в условиях цифровой экономики и углубляющихся процессов глобализации / Д.А. Назаров, Н.И. Морозова // Управленческий учет. — 2022. — № 1-3. — С. 433–440.
4. Никоноров С.М. Устойчивое развитие энергетической отрасли в странах БРИКС / С.М. Никоноров, А.Б. Лисянский, М.В. Сарафанов //

- Вестник Университета мировых цивилизаций. — 2025. — Т. 16. — № 3(48). — С. 74–80.
5. *Рахманина В.А.* Востребованность специалистов со знанием китайского языка на российском рынке труда // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сб. науч. ст. 5-й Всерос. науч. конф. перспективных разработок: в 4 т. — Курск, 2024. — С. 316–322.
  6. *Рубина В.С.* Соотношение экономической мощи Китая и других стран БРИКС: сопоставительный анализ // *Universum: общественные науки.* — 2024. — № 7(110). — С. 27–29.
  7. *Соловьев С.С.* Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. *Общественные науки.* — 2018. — № 1(794). — С. 255–275.
  8. *Чистова Е.В.* Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории / Е.В. Чистова, И.В. Убоженко. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. — 184 с.
  9. *Gu R.* Improving Chinese Named Entity Recognition by Interactive Fusion of Contextual Representation and Glyph Representation / R. Gu, T. Wang, J. Deng, L. Cheng // *Applied Sciences.* — 2023. — Vol. 13. — No 7. — P. 4299.
  10. *Li C.* The Status and Dilemmas of Chinese Online Fiction in the Global Market // *BCP Business & Management.* — 2023. — Vol. 37. — P. 76–84.
  11. *Lin Y.J.* The Secret to Popular Chinese Web Novels: A CorpusDriven Study / Y.J. Lin, S.K. Hsieh // 2nd Conference on Language, Data and Knowledge (LDK 2019). Open Access Series in Informatics. — 2019. — V. 70. — P. 24:1–24:8.

А.В. Шлеенко

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск

А.Л. Золкин

кандидат технических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»
(ПГУТИ), Самара

С.О. Новосельский

кандидат экономических наук, доцент,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

А.М. Салосин

аспирант,
Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва

РАЗВИТИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МАКРОРЕГИОНОВ

A.V. Shleenko

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «South-West State University», Kursk
E-mail: shleenko77@mail.ru

A.L. Zolkin

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics (PGUTY), Samara
E-mail: alzolkin@list.ru

S.O. Novoselsky

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

A.M. Salosin

Postgraduate Student,
V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow
E-mail: artemsalosin@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE PLATFORM ECONOMY AND DIGITAL TRANSFORMATION OF MACROREGIONS

Аннотация. В статье рассматриваются современные особенности развития платформенной экономики на основе интенсификации цифровой трансформации макрорегионов. База новой экономической парадигмы основана на интеграции цифровых технологий, инновационных финансовых инструментов и трансграничных механизмов управления. На текущий момент требуются переоценка и переосмысление классических моделей с целью адаптации к виртуальной среде, что позволит найти новую логику взаимодействия участников рынка в условиях появления цифровых валют, активов и интероперабельных платформ. Макрорегиональная экономика приобретает стратегическое значение в цифровых платформах, что является катализатором роста в контексте континентальных и субконтинентальных парадигм. Ускоренный обмен данными, автоматизация и обновление стратегии цепочек поставок для создания новых рынков ведут к формированию макрорегиональных экономических платформ на основе плавного перехода от регионализации. Глобальный Юг и Евразия связываются между собой Россией в качестве моста между платформами, таких, например, как в сфере госуслуг и финансов. Принятие контекста инициатив «Единого цифрового пространства» ЕАЭС позволяет интегрировать азиатское пространство с постсоветскими и африканскими экономиками, что в дальнейшем усиливает техно-

логический суверенитет и противодействие западным санкциям. Процесс формирования экономических макрорегионов раскрывается в статье на примере макрорегионов Юго-Восточной Азии вокруг КНР, где в условиях глобальной технологической трансформации происходит формирование нового типа макрорегионов.

Ключевые слова: платформенная экономика, макрорегионы, цифровая трансформация, цифровая бизнес-модель, межрегиональная интеграция.

Abstract. This article examines the current development of a platform economy based on the intensification of digital transformation in macroregions. The foundation of the new economic paradigm is based on the integration of digital technologies, innovative financial instruments, and cross-border governance mechanisms. Currently, a reassessment and rethinking of classical models is required to adapt to the virtual environment, which will allow for a new logic of interaction between market participants in the face of the emergence of digital currencies, assets, and interoperable platforms. Macroregional economies are acquiring strategic importance in digital platforms, which act as a catalyst for growth in the context of continental and subcontinental paradigms. Accelerated data exchange, automation, and updated supply chain strategies to create new markets are leading to the formation of macroregional economic platforms based on a smooth transition from regionalization. Russia connects the Global South and Eurasia, serving as a bridge between platforms, such as those in public services and finance. Adopting the context of the EAEU's "Single Digital Space" initiatives allows for the integration of the Asian region with the post-Soviet and African economies, which further strengthens technological sovereignty and counteracts Western sanctions. The process of forming economic macroregions is explored in this article, using the example of the macroregions of Southeast Asia, centered around China, where a new type of macroregion is emerging amidst global technological transformation.

Key words: platform economy, macroregions, digital transformation, digital business model, interregional integration.

Макрорегиональный подход отличается от глобальной модели применения цифровых платформ: частая адаптация к локальным условиям, таким как культурные нормы, ограничения в инфраструктуре и геополитических рисках. Западные платформы, ориентированные на индивидуальный потребительский опыт, российские и китайские макрорегиональные версии — подчеркивают государственный контроль, где коллективные ценности и интеграция с национальными стратегиями. Среди основных отличительных черт макрорегионального подхода можно выделить: локализацию данных (данные хранятся внутри региона для снижения рисков кибератак и обеспечения суверенитета), культурную адаптацию и мультиязычность (повышая доверие пользователей и поддержание местных языков и традиций), глубокую интеграцию с госструктурами (например для России — сервис Госуслуг, возможность интегрироваться с налогами и социальными услугами, что способствует развитию цифрового государства) [12, с. 4770].

Экономический макрорегион (ЭМР) можно объединить по территориальному

или производственному признаку, однако его развитие поддерживает несколько ключевых трендов, таких как цифровые экономические платформы, цифровые финансовые активы и искусственный интеллект. По мнению В.В. Ветровой, при сохранении темпов устойчивого роста промышленности, а также развития новых индустриальных стран происходит формирование макрорегионов Юго-Восточной Азии, которые становятся локомотивами рынка [5, с. 255]. Благодаря интеграции и внедрению технологий развиваются индустриальные страны Сингапур, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины. Ведущие экономики Азиатского региона стимулируют процесс развития, вкладываясь в образование, привлекая иностранные капиталы, внедряют современные технологические решения в промышленных и сервисных отраслях, что способствует экономическому скачку. Ресурсы, фабрики и рынки формируют сеть производств не только в пределах одного континента, но и между различными частями света, что является характерной чертой ЭМР. В.Р. Рачков делает вывод о том, что фун-

даментом для дальнейшего развития ЭМР являются современные технологические решения [15, с. 32]. Именно на них опирается ЭМР, быстро внедряя цифровые платформы по регионам и формируя при этом глобальную конкурентоспособность для гибкого бизнеса. Пример — китайская компания Tencent, интегрирующая торговые и платежные сервисы, а также сервисы грузоперевозок и средства коммуникаций для бизнес-операций. Компании из США, например Amazon, развиваются как торгово-логистическая площадка, предоставляя гибкую инфраструктуру для различных бизнесов клиентов.

Результаты и обсуждения

Глобальные конфликты, на почве которых возникают не только противостояния, но и элементы сотрудничества в результате глубинных столкновений при реализации ключевых международных проектов, происходят на новой арене — цифровых платформах, что является результатом ускорения цифровой трансформации [7, с. 3913]. Блокчейн, Бигдата, ИИ, глобальное переобразование экономики, базирующееся на цифровизации, а также смена парадигм в мировой политике и социальных инфраструктурах порождают новые социальные порядки и структуры, которые только усиливают фрагментацию глобального пространства. В этой связи Е.Ф. Авдокушин делает справедливый вывод о том, что традиционные модели, основанные на доминировании, уступают многополярным взаимодействиям и появляется контекст, где идеологическая конкуренция сменяется гибридным подходом к распределению ресурсов и власти [2, с. 7].

В конфликтах интересов можно выделить три основных направления сопротивления: либеральные, традиционно-религиозные и социалистические. Коллективный Запад, считают Е.Б. Шелудько и И.И. Романец, предлагает парадигму «синих флагов», продвигая либеральные идеи рыночной свободы и индивидуализма, направленно ведущие к гегемонии «мягкой силы» [17, с. 175]. В качестве проводников данных идей, в частности, выступают такие транснациональные корпорации,

как Google. Консервативные азиатские страны и исламский мир — продвигают традиционно-религиозные ценности под знаменем «черных флагов», где во главе угла стоят коллективные ценности, моральные нормы, а также культурный суверенитет. Для продвижения указанных нарративов используются цифровые сети типа Telegram, например в Турции или в Иране. Левые движения Латинской Америки и Китая формируют направление «красных флагов», то есть фокусируются на равенстве, государственном контроле и многополярности, предлагая собственные альтернативные решения, например Wechat или «Великий Файервол».

Опираясь на материалы статьи Л.П. Дашкова и В.И. Пучкова, можно заключить, что гибридные формы конфликтов наблюдаются в виде информационных кампаний и экономических альянсов, а также прокси-конфликтов, что дестабилизирует международные институты и мировую экономику [10, с. 52]. Торговые войны между США и Китаем нарушают глобальные цепочки поставок, вызывая инфляцию и рецессии, однако, например, BRICS+ предлагает новые правила игры. Платформы становятся элементом идеологической экспансии, что выделяется на фоне фрагментации интернета, а также росте цифрового протекционизма, в том числе и при перераспределении инвестиций, где и происходит идеологическая экспансия [13, с. 220].

ООН, ВТО, МВФ стагнируют, и ослабляются роли традиционных глобальных институтов, где при нарушении поляризации теряется легитимность. Макрорегиональная структура формирует будущее, например Евразийский экономический союз, АСЕАН или Африканский континентальный рынок. Внешние угрозы и локальная интеграция обеспечиваются в основном этими платформами. Формирование Евразийского цифрового полюса несет вызовы в виде идеологических и технологических рисков, однако открывает возможность для России сформировать единое пространство [8, с. 2037].

Торговые и финансовые процессы модифицируются под воздействием внедрения цифровых финансовых активов,

смарт-контрактов и блокчейн-платформ, что серьезно повышает «токенизацию» инструментов капитализации, а увеличение рынка в странах БРИКС формирует предпосылки для дополнительного роста на 50 млрд долл. в ближайшие семь-десять лет. Законодательная поддержка ЦФА в РФ позволяет экстренно увеличить объем в обращении до 293 млрд рублей. Эта сумма в 6 раз больше, чем объем 2025 года. В целом, ЦФА значительно упрощает и ускоряет транзакции между компаниями и странами макрорегиона, что позволяет прослеживать прозрачно цепочки поставок наряду с финансовыми потоками. Одним из ярких примеров может быть интеграция цифровых валют и блокчейн-технологий в мессенджер Telegram, что позволяет ускорить процесс международных расчетов и обеспечение финансовой безопасности.

Реальные платформы типа Tencent, Amazon, Telegram/TON являются тремя основными крупными игроками, а их особенности — это моделирование стратегических направлений, которые влияют на индустрию, в которой они оперируют. Tencent — экосистема цифровых услуг с многоуровневой архитектурой, комплексная экосистема, объединяющая различные сервисы технологических гигантов Китая, благодаря своему опыту и масштабам соединила в себе социальные сети и коммуникации, электронную коммерцию и платежи, аналитику и логистику, медиа и развлечения [3, с. 265].

Основной платформой для Китая в разрезе коммуникаций является Wechat, который широко распространен по всему миру, а также выступает в роли не только обмена сообщениями, но и является платформенной инфраструктурой для общения, видеозвонков и групповых обсуждений. Внутри инфраструктуры реализованы платежные сервисы, Wechat Pay/QQ Wallet, позволяющие проводить платежные операции за товары, услуги, переводы между пользователями без выхода за пределы платформы. Как отмечает Л.В. Горяинова, активное внедрение аналитических инструментов позволяет на базе поведенческого анализа оптимизировать маркетинг и предлагать индиви-

дуальные решения исходя из интересов пользователя [9, с. 253]. Кроме того, развиваются свои собственные логистические решения и предлагается партнерство с курьерскими сервисами. Удержание аудитории осуществляется за счет повышения активности в экосистеме благодаря представлению игровых платформ и контента, так как в арсенале инфраструктуры имеются крупнейшие игровые студии [4, с. 20].

В целом Tencent показывает успешно реализованный план по глубокой интеграции различных цифровых сервисов, где создается уникальная среда, внутри которой пользователи в рамках платформы используют множество различных сервисов без необходимости перехода на другие ресурсы. Это увеличивает доходную монетизацию за счет данных рекламы, а также повышает лояльность пользователей.

Amazon — мировая площадка электронной коммерции, которая объединяет в себе инфраструктуру торговли, доставки и аналитических инструментов. Онлайн-торговля представляет собой платформу для миллионов продавцов и покупателей, предлагая широкий ассортимент товаров, персонализированных рекомендаций и удобных интерфейсов. Обеспечение быстрой доставки по всему миру осуществляется с помощью сети собственных складов, транспортных служб и автоматизированных центров обработки заказов.

Аналитика Биг Даты на предмет покупки и поведения пользователей позволяет внедрять персонализированные предложения и рекомендации с помощью машинного обучения. Искусственный интеллект в данном случае позволяет увеличить конверсию и средний чек. В случае с Amazon это пример полного интегрированного экосистемного решения, где логистика, торговля, аналитика взаимодополняют друг друга. Стратегия подразумевает масштабируемость, автоматизацию и использование данных для повышения эффективности и расширения рынков.

Инновационные блокчейн-проекты, реализованные в Telegram, делают его одним из популярных мессенджеров, оказывающим не только коммуникационные услуги. Если изначально планировалось

создать единую инфраструктуру сетевых приложений, то при появлении Telegram Open Network (TON) появилась блокчейн-платформа децентрализованных приложений, смарт-контрактов и цифровых активов.

По мнению З.В. Прокопенко, конкуренция с традиционными платежными системами и современными криптокошельками привела к созданию быстрых и прозрачных схем платежей внутри инфраструктуры [14, с. 1205]. Появились смарт-контракты и децентрализованные приложения, так как появились ресурсы для создания и использования расширения функциональности мессенджера, что позволило внедрять новые бизнес-модели.

Обмен внутри приложения токенами, валютами и другими активами делает Telegram важным узлом в развитии проекта по интеграции цифровых активов. Telegram/TON базируется на децентрализации безопасности, что находится в сфере интересов пользователей и бизнеса, рассматривающих такой подход в качестве альтернативы централизованных платформ. Развитие децентрализованных систем демонстрирует тренд вливания технологий криптовалют в массовые коммуникации и финансы, расширяя границы традиционного подхода. Эти платформы, несмотря на отличия, выделяют основные векторы развития современной цифровой экономики:

- повышение лояльности пользователей путем интеграции сервисов и бизнес-моделей в рамках одной платформы;
- персонализация и улучшение коммерческих показателей за счет использования аналитики и ИИ;
- облачные вычисления и автоматизация с применением инновационных технологий, позволяющие прогрессировать в новых моделях взаимодействия с пользователем.

Иными словами, Tencent / Amazon — крупные и успешные корпорации, создающие замкнутые экосистемы, где укрепление позиций происходит за счет интеграции данных и объединения сервисных услуг. Telegram/TON является представителем тенденции внедрения

блокчейн-технологий для децентрализации и финансовых инноваций. Гибридные модели символизируют будущее цифровых платформ, где классические рынки объединяются с новыми технологиями для построения более эффективных решений, повышая безопасность и удобство.

Рынок электронной коммерции революционизирует благодаря платформам типа Alibaba, или в российском исполнении — Wildberries, что обеспечивает прямой доступ к глобальным цепочкам поставок. Традиционная торговля имеет ряд ограничений и барьеров, а электронная коммерция, в свою очередь, предлагает автоматизированные предложения и персонализацию под клиента, что позволяет снижать транзакционные издержки, а это ведет к широкому охвату крупных макрорегионов.

Оптимизация маршрутов и оптимизация выбросов происходят благодаря алгоритмам ИИ, что трансформирует общее представление о транспортировке. Подобные изменения происходят благодаря платформам типа Uber / Didi. Для ЕАЭС платформы позволяют оптимизировать и интегрировать мультимодальные перевозки, объединяя различные виды транспорта, что способствует устойчивому развитию логистических цифровых цепочек [16, с. 450].

Прогнозирование погоды и оптимизация ресурсов, включая возможность мониторинга и аналитики урожаев, с использованием спутников позволяют африканским и азиатским регионам повышать продуктивность, урезая потери, обеспечивая при этом продовольственную безопасность. Это актуально для макрорегионов Африки и Азии, а в жизнь это воплощается в виде цифровых платформ типа AgriWebb.

Трансформация происходит и в легкой, лесной промышленности. Специализированные B2B-схемы соединяют производителей тканей, одежды, древесины с рынками (такой подход используется, например, в Китае или России). Внедрение устойчивых практик, таких как трекинг цепочек поставок для сертификации, способствует развитию «зеленой» экономики в макрорегионах. В результате исполнения ком-

плекса мероприятий общий эффект проявляется в формировании экосистем, где платформы снижают себестоимость за счет масштаба применения, что, в свою очередь, стимулирует рост ВВП и занятость. В Китае платформенная экономика добавляет миллиарды долларов к ВВП, где инициативы ЕАЭС усиливают интеграцию.

Платформы продвигают ESG-принципы, внося огромный вклад в развитие и продвижение устойчивого развития, так как происходит снижение отходов, оптимизации энергии и борьба с бедностью. В макрорегионах развитие происходит благодаря экономической резилентности, то есть уменьшению зависимости от глобальных цепочек, для предотвращения повторения ситуаций типа пандемии, а также социальной инклюзии, обеспечивающей доступ к рынкам для малого и среднего бизнеса в отдаленных регионах, и экологической устойчивости через блокчейн-трекинг в лесной промышленности и сельском хозяйстве [18, с. 150].

Например, для Африки платформа M-Pesa стимулирует финансовую инклюзию, а для Азии — Alibaba способствует устойчивому туризму. В России цифровые платформы укрепляют евразийскую интеграцию в ЕАЭС, противодействующую глобальным кризисам.

Действующая нормативная правовая база оказывает двойное влияние: масштабирование платформ через снижение рисков и одновременно повышение прозрачности, что является базой для устойчивого развития. В качестве примеров масштабирования можно выделить облегчение в расширении за счет упрощения регистрации и доступа к финансированию, в т.ч. через субсидии для отечественных платформ. Платформы сфокусированы на инновациях, не опасаясь внезапных изменений правил. Ожидается рост сектора, по прогнозам аналитиков, оборот платформенной экономики для России увеличится к 2030 году на 15–20%. Для международных игроков закон создает барьеры, где доминируют локальные платформы, как, например, для российских аналогов Alibaba [11, с. 203].

Прозрачность можно пояснить следующими пунктами — требование открыто-

сти алгоритмов, отчетности и аудита, где снижается непрозрачность. Платформы обязаны публиковать данные о рейтингах, жалобах, комиссиях, что повышает доверие. Это влияет на инвестиционную привлекательность, что, в свою очередь, влияет на устойчивое развитие, минимизируя риски скандалов, укрепляя роль России в цифровой экономике.

Подводя промежуточный итог, можно определить влияние закона № 259-ФЗ: он не только регулирующий, но и трансформирующий платформенную экономику, делающий ее более зрелой и интегрированной в национальную стратегию [1]. Это шаг к цифровому суверенитету в многополярном мире. Важно не только понять идею, для российской экономики важно активно внедрять ее в экономическую политику, создавая условия для развития собственной FinTech-индустрии, цифровых платежных систем и объединения финансовых потоков и глобальных цепочек поставок.

Система межбанковских сообщений SWIFT — Society of Worldwide Interbank Financial Telecommunication — ключевая глобальная платформа для обмена финансовых данных между банками и финансовыми институтами. Эта система на протяжении десятилетий обеспечивала стабильность и безопасность международных расчетов, являясь каналом передачи информации о платежах, переводах, гарантиях. Однако ограничительные меры, введенные в отношении российских финансовых институтов, обозначили важность поиска альтернативных решений и самостоятельных механизмов защиты для национальной финансовой инфраструктуры [6, с. 1802].

Переход к стандарту ISO 20022, обозначенный 22 ноября 2025 г., станет одним из важнейших этапов развития системы SWIFT. Этот переход знаменует ключевой момент в истории глобальных платежей, так как происходит не только смена формата передачи данных, но и расширение функциональных возможностей. Переход подразумевает смену MT-формата, уступая XML-образной структуре под стандартом ISO 20022. Это цифровая гибкая и расширяемая система, на которую переходят

более чем 200 стран, включающих в себя сеть из 11 000 банков. Токенизация активов и интеграция с блокчейн-технологиями превращает SWIFT в полноценную сеть ликвидности. Можно выделить три этапа перехода, максимально приближенных друг к другу, после запуска которого возврата к старым форматам не будет, международная система станет более прозрачной, автоматизированной и защищенной.

Стандарт ISO 20022 открывает двери для интеграции с системами токенизации и блокчейном, для проведения международных банковских расчетов — Ripple (XRP) — межбанковские расчеты и CBDC, для трансграничных переводов и стабильных цифровых денег — Stellar (XLM), Algorand (ALGO) — цифровые активы и облигации, Hedra (HBAR) — корпоративные регистры, Quant (QNT) — мосты между разными блокчейнами. Архитектура нового стандарта включена в систему уже на текущий момент, поэтому переход к тотальной цифровизации и программируемой ликвидности будет обеспечен.

Это не просто обновление SWIFT. Это смена финансовой эпохи: конец бумажных расчётов и начало эпохи тотальной цифровой прозрачности. Блокчейн перестаёт быть альтернативой — он становится частью официальной банковской инфраструктуры.

Выводы

Таким образом, ключевым трендом последних пяти лет является активное развитие цифровых экосистем и платформ — объединение участников торговли и транспорта, складского учета, аналитики в единый цифровой блок, включая отслеживание движения, управления заказами, прогнозирование и автоматизацию операций. Это увеличение скорости, гибкости и прозрачности при обслуживании, а также сокращение издержек, в том числе внедрение технологий автопилотирования для устройств интернета вещей и транспорта. Классические модели взаимодействия экономики и бизнеса подверглись серьезному пересмотру с приходом на рынок искусственного интеллекта. Чаще всего этот термин используется

в качестве маркетинга, потому как в своей основе ИИ — это автоматизированные системы с быстрым откликом к изменению и адаптивностью в контексте внедрения обучения, смен логики исполнения процессов и эффективности интеграции с интерфейсами визуализации. Оптимизация логистики и прогнозирование пользовательского спроса позволяют управлять цепочками производства, снижая при этом издержки бизнеса. Активное применение ИИ для маршрутизации и оптимизации складских запасов, а также поддержки работы маркетплейса наглядно демонстрирует Amazon в использовании ИИ при разработке современных процессов. Tencent создает умные сервисы самообслуживания с использованием Биг Даты и применением нейросетевых технологий. Оптимизация ключевых секторов экономики происходит посредством интеграции технологий, которые, в свою очередь, развивают платформенную экономику, трансформируя глобальную экономику макрорегионов Евразии, Азии и Африки. В России развитие собственной инфраструктуры необходимо для освоения новых технологий и укрепления рейтинга на мировой арене. В условиях санкционных ограничений и отлучений от международных систем это приоритетная задача.

Список литературы

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ (последняя редакция). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 25.11.2025).
2. Авдокушин Е.Ф. Платформенная экономика как элемент современной новой экономики // Вопросы новой экономики. — 2019. — № 2(50). — С. 4–11.
3. Авлеева Р.Р. Платформенная экономика: новые возможности для уязвимых слоев населения // Теория и практика управления: ответы на вызовы цифровой экономики. — М., 2021. — С. 264–266.
4. Баланова М.М. Платформенная экономика как ядро цифровой экономики: обзор научных школ и ранжирования ее субъектов // Вестник

- Самарского государственного экономического университета. — 2021. — № 7(201). — С. 19–31.
5. *Ветрова В.В.* Феномен платформенного бизнеса в современной экономике // Теория и практика управления: ответы на вызовы цифровой экономики. — М., 2021. — С. 253–256.
  6. *Ветрова Е.А.* Реализация бюджетной политики России в условиях геополитических рисков / Е.А. Ветрова, С.О. Новосельский, Г.Р. Темижева, А.Л. Золкин, Н.А. Фоменкова // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2025. — Т. 13. — № 9(62). — С. 1796–1809.
  7. *Генералов Д.А.* Индикативная оценка сбалансированности развития социально-экономической системы региона / Д.А. Генералов, Н.В. Жахов, А.В. Шлеенко, С.О. Новосельский // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13. — № 10. — С. 3909–3922.
  8. *Головин А.А.* Макроэкономическая оценка потребительского кредитования / А.А. Головин, А.Л. Золкин, П.А. Гурьянов, С.О. Новосельский, Д.В. Евсеев // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13. — № 11(64). — С. 2034–2045.
  9. *Горяинова Л.В.* Платформенная экономика в России как форма ведения бизнеса // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2025. — № 2-1. — С. 250–255.
  10. *Дашков Л.П.* Оценка влияния платформенной экономики на экономику России / Л.П. Дашков, В.И. Пучков // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. — 2023. — № 1. — С. 50–55.
  11. *Лем А.С.* Платформенная экономика и платформенная занятость в условиях развития искусственного интеллекта // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление: материалы 25-й Юбилейной Международной научно-практической конференции. — Воронеж, 2025. — С. 200–204.
  12. *Новосельский С.О.* Цифровая трансформация системы образования в высшей школе / С.О. Новосельский, О.Ю. Герасимова, М.Е. Набокина, Е.В. Левченко, М.В. Сомов // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13. — № 9-2 (97-2). — С. 4763–4776.
  13. *Новосельский С.О.* Социально-экономическое развитие сельских территорий с учетом принципов «зеленой» экономики / С.О. Новосельский, Д.И. Жилияков, И.П. Салтык, И.А. Рашидова, Р.Г. Хащина, И.С. Пожилов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2023. — № 7. — С. 216–224.
  14. *Прокopenko З.В.* Цифровая экономика как система платформенного взаимодействия рыночных агентов // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 12(125). — С. 1204–1207.
  15. *Рачков В.Р.* Соблюдение конституционных прав граждан в сфере платформенной экономики // Российское право онлайн. — 2024. — № 3. — С. 29–36.
  16. *Шахшаева А.М.* Особенности развития платформенной экономики // Исследование развития экосистем в цифровой экономике: сборник научных статей по материалам VII Научной сессии «Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики в обосновании приоритетов национального развития», посвященной 80-летию Великой Победы. — Курск, 2025. — С. 448–451.
  17. *Шелудько Е.Б.* Развитие платформенных рынков в цифровой экономике / Е.Б. Шелудько, И.И. Романец // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2021. — № 5(55). — С. 173–177.
  18. *Шкилева Н.Л.* Оценка аграрного экспорта России в условиях нестабильности / Н.Л. Шкилева, В.С. Баженова, С.О. Новосельский, О.В. Петрушина, С.С. Никитин, Д.И. Жилияков // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2024. — № 5. — С. 149–157.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций» рассматривает присланные материалы по тематике журнала с целью возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «*статья принята к публикации в журнале «Вестник Университета мировых цивилизаций»*».

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется *строго в соответствии с требованиями*.

Требования, предъявляемые к оформлению рукописей статей

1. Для издания принимаются только ранее не опубликованные авторские материалы — научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике и профилю журнала «Вестник Университета мировых цивилизаций». Допускается до 4 соавторов.

Объем статьи для кандидатов и докторов наук составляет от 13000 до 40000 знаков, рекомендуемый объем статьи для аспирантов и соискателей — до 15000 знаков. Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке: имя, отчество, фамилия; ученая степень, ученое звание; должность или профессия; место работы, учебы, включая подразделение (кафедра, факультет), наименование учреждения/организации, населенного пункта, контактная информация (E-mail и другая контактная информация для публикации в журнале), наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

3. Аннотация и ключевые слова. Должно быть указание: Аннотация (Abstract) и Ключевые слова (Key words), они должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: предмет, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, новизна, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Рекомендуемый объем аннотации — минимум 150–250 слов.

Ключевые слова выбирают из текста материала рукописи и приводят в именительном падеже. Указываются от 5 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

4. Основные требования к тексту статьи. Текст идет сразу после ключевых слов. Рекомендуется придерживаться данной логической структуры при написании: введение, методика, результаты, обсуждение, заключение.

Шрифт текста рукописи — Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 14, междустрочный интервал 1,5; поля — 2 см со всех сторон. В таблицах шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 12, интервал одинарный. Для сносок и примечаний шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 10, интервал одинарный, абзацный отступ — 1,25 см.

Не допускается использования функции автопереносов. Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически. Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты. Римские цифры обозначаются латинскими буквами. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Рисунки должны отвечать тексту и быть пронумерованы.

Рекомендуемое минимальное количество источников — 10. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после буквы «с», — на номер страницы в источнике (например, [1, с. 26]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например (1).

Ссылки на официальные документы, нормативные правовые акты, электронные ресурсы, газетные заметки без указания автора — подстрочные, в список литературы такие источники не включаются. Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

5. Пристатейный список литературы должен быть пронумерован — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018, ГОСТ Р 7.0.108-2022 и ГОСТ Р 7.0.5-2008.

6. Все материалы представляются в редакцию в электронном виде по электронной почте:

izdimc@mail.ru.

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Подробную информацию и образец оформления статей можно скачать на сайте журнала:

<http://imc-j.ru/oformlenie-rukopisej>.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Учебник

Авторы:

Волох В.А. — доктор политических наук, профессор, **Володин Е.В., Суворова В.А.** — кандидат политических наук, доцент, **Шорохова С.П.** — кандидат философских наук, доцент

Учебник посвящен изучению теоретических и практических аспектов управления процессами внешней трудовой миграции населения. Проведен обширный анализ практики реализации Государственной политики Российской Федерации в сфере миграции населения, описаны различные виды управления этим процессом. Даны новые практические рекомендации по управлению процессами внешней трудовой миграции.

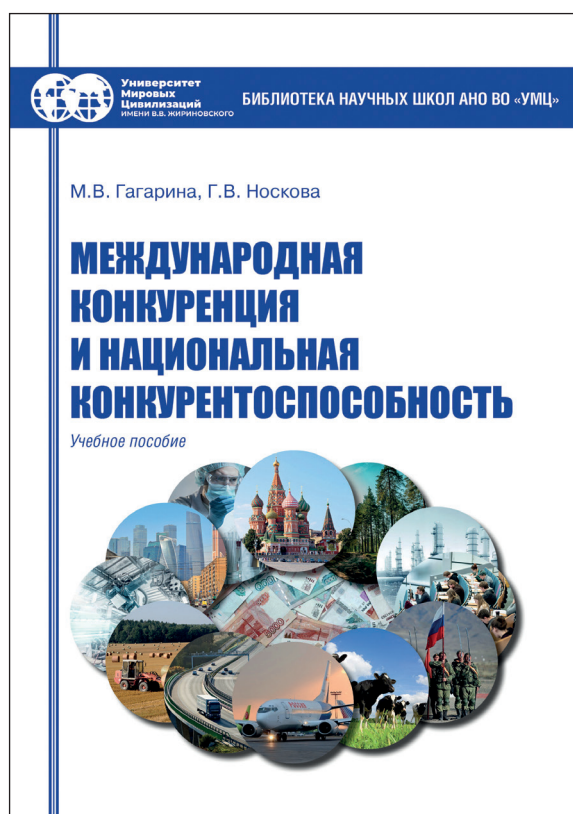
Предназначен для подготовки бакалавров и магистров по направлению 41.03.04 — Политология, а также для слушателей курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки и, может быть полезен для ученых и практиков, работающих в сфере политического и государственного управления миграционными процессами.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Учебное пособие

Авторы:

Гагарина М.В. — кандидат экономических наук, *Носкова Г.В.* — кандидат экономических наук

Учебное пособие посвящено комплексному изучению процессов международной конкуренции и факторов, формирующих конкурентоспособность национальных экономик в условиях глобальной трансформации. В его основе лежат современные экономические теории и прикладные методики, позволяющие всесторонне анализировать внутренние и внешние аспекты конкурентной борьбы на международной арене.

Структура пособия ориентирована на практическое применение знаний: включены реальные кейсы, примеры из международной практики, аналитические схемы и инструменты сравнительного анализа.

Издание предназначено для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 «Экономика».

Книги ИД УМЦ в электронном виде распространяются через компании-партнеры, предоставляющие специализированные сервисы в этой сфере как в России, так и по всему миру.

С крупнейшим российским распространителем электронных изданий — компанией «ЛитРес» — действует удобная партнерская программа. С сайта ИД УМЦ открывается реферальная ссылка на книгу в каталоге компании (<https://www.litres.ru/nano-vo-imc/>), где сразу можно оплатить и скачать книгу. В каталоге «ЛитРес» присутствуют все книги ИД УМЦ, реализуемые в электронном виде.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Том 16 № 4 (49) 2025

Научный журнал

Научное редактирование — *Герасимов В.И.*
Корректурa — *Шапошникова В.В.*
Компьютерная верстка, макет — *Надворский И.С.*

Подписано в печать 17.12.2025.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,75.
Тираж 500 экз.

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано ООО «ТОМИК»
115477, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 60, помещ. 2, этаж 3